

А Н Н А
ТОДД

До того как

«Анна Тодд –
самый большой
литературный
феномен своего
поколения».

COSMOPOLITAN

18+

Annotation

Отношения Хардина и Тессы – бурные, страстные – не всегда были безоблачными. Что пережили, через что прошли «современные мистер Дарси и Лизи Беннет» до того, как стать Хессой – людьми, которые чувствуют друг друга, думают в унисон и живут друг для друга? Ведь все начиналось совсем непросто. Да и могли ли отношения «плохого парня» и «хорошей девочки» с самого начала напоминать идиллию? Интересно, что об этом расскажет сам «плохой парень».

- [Анна Тодд](#)
  -
  -
  - [Часть первая. До](#)
    -
    - [Натали](#)
    - [Молли](#)
    - [Мелисса](#)
    - [Стеф](#)
  - [Часть вторая. Во время](#)
    - [Хардин](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)

- [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [Часть третья. После](#)
    -
    - [Зед](#)
    - [Лэндон](#)
    - [Кристиан](#)
    - [Смит](#)
    - [Хесса](#)
    - [Хесса. Пасха](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
-

Анна Тодд

До того как

Anna Todd
Before

© Абдуллин Н., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

* * *

*Моим замечательным читателям, которые даже
не подозревают, какое дарят мне вдохновение*

Плей-лист Хессы

The Fray, «Never Say Never»

Imagine Dragons, «Demons»

The Civil Wars, «Poison & Wine»

Эд Ширан, «I'm a Mess»

The 1975, «Robbers»

One Direction, «Change Your Ticket»

Уикенд, «The Hills»

Эндрю Белл, «In My Veins»

The Cab, «Endlessly»

Хэлси, «Colors»

Келли Кларксон, «Beautiful Disaster»

Passenger, «Let Her Go»

A Great Big World, ft. Кристина Агилера, «Say Something»

Хантер Хейз, «All You Ever»

Bon Iver, «Blood Bank»

One Direction, «Night Changes»

Рон Поуп, «A Drop in the Ocean»

Джон Мэйер, «Heartbreak Warfare»

Джон Маклафлин, «Beautiful Disaster»

One Direction, «Through the Dark»

Coldplay, «Shiver»

Kodaline, «All I Want»

Сия, «Breathe Me»

Часть первая. До

В детстве мальчик часто думал, кем станет, когда вырастет. Полицейским? Учителем?

Мамин хахаль Вэнс зарабатывал тем, что читал книги. Вот ведь работа!.. Насчет собственного будущего мальчик сомневался, поскольку талантами не обладал. Не умел петь, как Джосс, его одноклассник; не умел складывать и вычитать большие числа, как Анжела; не умел выступать перед классом, не то что смешной и горластый Кэлвин. Зато ему нравилось читать книги. Каждую неделю Вэнс приносил книгу, а то и две; если Вэнс подолгу не приходил, мальчик от скуки принимался перечитывать потрепанные томики любимых авторов, не теряя веры, что однажды добрый человек все же принесет еще. Мальчик рос, прибавляя по дюйму в две недели, и становился умнее с каждой прочитанной книгой.

Менялись и родители: отец чаще орал и напивался; мать уставала и плакала по ночам все отчаянней. В стенах маленького дома витал крепкий запах табачного дыма и чего похуже. В мойке на кухне копилась посуда, а дыхание отца разило скотчем. Шли месяцы, и мальчик порой забывал, как отец выглядит.

Хотя Вэнс стал заглядывать чаще, мальчик едва ли заметил, как изменились по ночам стоны матери. Он завел друзей, то есть друга. Со временем друг переехал, и мальчик не стал заводить новых приятелей. Ему и так было неплохо.

В ночь, когда пришел незнакомец, мальчик полностью изменился – увидев, что человек сделал с матерью. Мальчик загрубел и озлобился. Отец постепенно стал чужим, а вскоре и вовсе перестал приползать в их маленький грязный домишко. Когда отец исчез, мальчик испытал облегчение: никакой больше выпивки и сломанной мебели. Отец оставил после себя лишь мальчишку-безотцовщину и гору полупустых сигаретных пачек в гостиной.

Мальчику не нравился вкус дыма, зато нравилось, как дым наполняет легкие. Вскоре он все выкурил и начал сам покупать сигареты. Завел друзей – если, конечно, друзьями можно назвать шпану, от которой одни неприятности. Мальчик стал пропадать по ночам. Безобидные поначалу ложь и проделки превратились в серьезные правонарушения. Ребята понимали, что поступают плохо – очень и очень плохо, – но им было весело. Они ощущали свободу и силу, в жилах бурлила кровь. С каждой

украденной невинностью сердце билось сильнее; голод рос, росла и смелость, ощущение безнаказанности.

Мальчик оставался в компании самым мягким, хотя и утратил то, что некогда заставляло его мечтать о карьере пожарного или учителя. Он развил в себе странное отношение к женщинам: ему хотелось их ласк, и в то же время он сторонился эмоциональной близости. Даже маме он перестал говорить простое: «Я тебя люблю». В принципе, он и дома-то почти не появлялся. Дом теперь стал местом, куда приходят посылки. Посылки из штата Вашингтон, от Вэнса.

Вэнс его тоже бросил.

Мальчик нравился девочкам. Те вешались на него, глубоко впиваясь ему в плечи ногтями, а он им врал, целовал их и трахал. После секса он не ласкал их, спеша убраться, пока они не отдышались. Днем веселился, а ночью отрывался. Тусил в переулке позади винной лавки или в магазинчике папаши Марка, прожигал жизнь. Обносил винные лавки, снимал непростительное домашнее порно. Он перестал что-либо чувствовать, кроме гнева и высокомерия.

Наконец матери осточертело его поведение; больше не хватало ни средств, ни терпения. Отцу предложили работу в университете, в Штатах. Точнее в штате Вашингтон. Там же, где жил Вэнс, в одном с ним городе. Добрый человек и плохой вновь сошлись в одном месте.

Мать, наверное, думала, что сын не подслушает, как она договаривается с отцом – договаривается, чтобы сбегать его. Папаша образумился и завел себе подружку, милую женщину, которой мальчик завидовал: отец ей достался в хорошей форме. С подружкой он ужинал на трезвую голову, подружке говорил ласковые слова.

Перебравшись к отцу, мальчик – невзирая на уговоры – поселился в общежитии. Само жилье ему не сильно понравилось, зато появилась приличная комната, своя. Какое облегчение. Дома, в Хэмпстеде, у мальчика была каморка вдвое меньше размером; ванная там кишела жуками, и негде было пристроить книги.

Поначалу он держался особняком, не торопясь заводить друзей. Толпа вокруг него собралась не сразу, и мальчик снова встал на скользкий путь.

В Америке он встретил практически полного своего двойника Марка и решил, что в жизни все идет своим ходом. Смирился с постоянным одиночеством. У него хорошо получалось причинять людям боль. Он обидел еще одну девушку, ощутив потом, как вверх и вниз по спине ходит дикая волна разрушительной энергии. Мальчик запил – как до того пил отец, худший из лицемеров.

Мальчику, впрочем, было плевать. Он очерствел, а друзья помогали забыть, что ничего стоящего в жизни нет.

Натали

Встретив голубоглазую брюнетку, он понял, что жизнь приготовила новые испытания. Это было самое кроткое и доброе создание, какое он встречал... А девушка в него влюбилась.

Выдернув Натали из чистого и безупречного мирка, мальчик бросил ее жизнь в темный и безжалостный мир. Из-за его бессердечия девушка стала изгоем; сперва ее выгнали из церкви, потом и из дома. Среди фанатичных, помешанных на религии соседей поползли злые сплетни. Девушка ошиблась в мальчике, приняв его за того, кем он быть никогда не сможет, и осталась одна.

Чаша терпения матери переполнилась, и она отправила сына в Америку, в штат Вашингтон, поближе к отцу. Родной Лондон окончательно отказался от него. Мальчик наконец обрел одиночество.

* * *

Церковь переполнена, на скамьях нет свободного места. Все собрались жарким июльским днем воздать хвалу Господу. Так каждую неделю приходят одни и те же люди, которых я помню по именам и фамилиям.

В этом маленьком приходе моя семья – как короли.

Младшая сестренка сидит рядом, в переднем ряду, и ковыряет старое расщепленное дерево скамьи. Недавно церковь получила грант на ремонт интерьера, а мы, молодые, собираем пожертвования. На этой неделе нам поручено найти краску и обновить скамьи. Я вечерами ходила от одного магазина хозяйственных товаров к другому.

Словно в подтверждение тщетности моих усилий, раздается тихий щелчок – Сесили оторвала щепку. Ногти у нее окрашены в розовый, в тон бантику в темно-каштановых волосах, но сколько же в ней тяги к разрушению!

– Сесили, не надо, нам их на следующей неделе красить. – Бережно беру ее за маленькие ручонки, и она слегка дуется. – Можешь вместе с нами их покрасить, и они будут как новые. Тебе же нравится красить?

Улыбаюсь, и сестренка улыбается в ответ. У нее нет одного зубика, и это смотрится очень мило. Сесили кивает, тряхнув кудряшками. Мама эти кудряшки ей все утро накручивала.

Пастор заканчивает проповедь, и мои родители, взявшись за руки, идут в переднюю часть церкви. В голове гудят слова о грехе и вечных муках, а по спине скатываются капельки пота. В церкви так жарко, что у мамы уже потекли тоналка и тушь. На следующей неделе поставят кондиционер... по крайней мере, должны поставить. Даже я не выдержу службы в такой духоте. Скажусь в следующий раз больной и не приду.

После службы мама подходит к жене пастора поговорить. Мама восхищается этой женщиной, очень, пожалуй, даже чересчур. Полин, первая леди нашей церкви, весьма суровая особа, не обремененная сочувствием к окружающим. Потому, наверное, маму и тянет к ней.

Машу рукой Томасу, единственному моему ровеснику в молодежной группе. Проходя мимо, он – вместе с семьей, спешащей с остальными на свежий воздух, – машет мне в ответ. Я утираю потные ладони о бледно-голубое платье.

– Отведешь Сесили к машине? – просит папа, улыбаясь мне с пониманием.

Он хочет отвлечь маму от разговора. Мама – из тех женщин, что могут с тобой три раза попрощаться, но продолжают после этого говорить, говорить, говорить...

Тут я в папу: он может сказать всего пару слов, и в них будет содержания куда больше. Папа, кстати, очень гордится, что я вся в него: мне достались его тихий нрав, темные волосы, светло-голубые глаза (самые заметные черты) и даже рост. Точнее, отсутствие роста: мы едва ли достигаем пяти с половиной футов, хотя папа все же чуточку выше меня. Мама дразнит, что Сесили годам так к десяти перерастет нас обоих.

Кивнув папе, беру сестренку за руку. Она забегает вперед, маленькая и юркая, протискивается к выходу через толпу. Хочу остановить ее, но Сесили оборачивается и одаривает меня широкой улыбкой. Остается бежать за ней следом. Проносимся вниз по крыльцу, летим к лужайке. Сесили огибает пожилую пару и с визгом уходит от столкновения с Тайлером Кентоном, самым вредным мальчишкой в приходе. Я смеюсь. Солнце ярко светит в глаза, воздух наполняет легкие. Бегу все быстрее, пока Сесили, споткнувшись, не падает на газон. Опускаюсь рядом на колени, убираю волосы у сестренки с лица. На глазах у Сесили набухают слезы, нижняя губа дрожит.

– Платье... – Белое платьишко и правда в зеленых пятнах от сока травы. – Пропало!

Она хочет спрятать личико в грязные ладошки, но я перехватываю ей руки.

– Ничего оно не пропало, – улыбаясь, тихо говорю я. – Отстираем.

Пальцем утираю слезинку у нее со щеки. Сестренка хлюпает носом, не верит.

– У меня такое уже бывало. Раз тридцать, наверное, – заверяю Сесили, лгу ей.

Она с трудом улыбается и отвечает:

– Неправда. – Ну вот, раскусила.

Тогда я обнимаю ее и помогаю встать. Оглядываю ее бледные ручонки: не пропустила ли чего, нет ли царапины. Веду Сесили обратно к церкви, на парковку. Родители как раз вышли; значит, папе наконец удалось оторвать маму от сплетен.

По дороге домой мы с Сесили сидим на заднем сиденье, и я рисую маленьких бабочек в ее любимой раскраске. Папа с мамой обсуждают проблему: к нам в мусорные баки повадились лазить еноты. Наконец он останавливается на подъездной дорожке, но мотор не глушит. Сесили целует меня в щеку и вылезает из салона. Я обнимаю маму, папа треплет меня по щеке и позволяет сесть на водительское место.

– Ты сегодня давай аккуратней, мушка, – говорит папа. – Солнце светит, людей на улице много.

Он щурится и прикрывает глаза ладонью. Денек и впрямь солнечный, такого давненько в Хэмпстеде не было. Жара была, да, но не солнце. Кивнув, обещаю папе быть осторожной.

Покинув пределы района, переключаю радио на другую волну и прибавляю громкость. Подпеваю исполнителям по дороге в центр города. Мне нужно посетить три магазина и собрать с каждого владельца по три банки краски. В общем-то, и по одной получить – уже радость, однако я задалась целью собрать именно по три. Тогда хватит покрасить в церкви все, что надо.

Первый магазин на пути – «Малярная лавка Марка», самый дешевый в городе. У владельца очень хорошая репутация. Парковка почти пуста, на ней только старинная машина цвета «яблоко в карамели» да минивэн. Сам магазин старый, вывеска погнута. Открываю скрипучую дверь, звенит колокольчик. С картонной коробки мне под ноги спрыгивает кот. Погладив этот меховой комочек, иду к стойке.

Внутри так же неопрятно, как и снаружи. В таком бардаке я не сразу замечаю парнишку за стойкой, а увидев, немного пугаюсь. Он высокий, широкоплечий, словно годами занимался спортом.

– Марк... – начинаю я и запинаюсь, забыв фамилию. Все зовут его просто Марк.

– Я Марк, – произносит кто-то из-за спины парня-спортсмена. Заглядываю ему за спину и вижу другого парня – тот сидит в кресле позади стойки. Одетый во все черное, он смотрится худее помощника, но в то же время кажется крупней. Длинные черные волосы падают ему на глаза. На руках у него татуировки, словно пятна растекшихся в море смуглой кожи чернил.

Мне такие, как он, не нравятся, но вместо того, чтобы мысленно осудить парня, я про себя отмечаю, какие все вокруг загорелые.

– Не он, а я, – звучит третий голос. Рядом со вторым мальчиком еще один, среднего роста, худощавый, стриженный под машинку. – Я, правда, Марк-младший. Если ты к моему старику, то его сегодня нет.

У третьего парня тоже татуировки, но они куда упорядоченней, чем у его патлатого приятеля. А еще у него проколота бровь. Помню, как однажды попросила разрешения у родителей проколоть пупок. До сих пор смешно вспоминать их испуганные лица.

– Зато он лучший из двух Марков, – медленно и нараспев, глубоким голосом произносит патлатый. Улыбается, и на щеках у него появляются симпатичные глубокие ямочки.

Едва ли это заявление – правда. Я смеюсь и, дразня мальчишек, говорю:

– Что-то сомневаюсь.

Ребята тоже смеются, и Марк-младший подходит ближе.

Патлатый встает из кресла. Какой он высокий! Подходит ближе, смотрит на меня сверху вниз. Он привлекательный, у него волевое лицо: резко очерченная челюсть, густые ресницы и брови. Нос – тонкий, губы – бледно-розовые. Смотрю на него, он – на меня.

– Ты к моему отцу по делу? – спрашивает Марк.

Отвечаю не сразу; Марк с приятелем-спортсменом смотрят то на меня, то на своего патлатого друга.

Смущенная, перехожу к делу:

– Я пришла от имени баптистской церкви Хэмпстеда, хотела узнать, не желаете ли пожертвовать краски или других материалов. Мы ремонтируем церковь и нуждаемся в помощи...

Ребята шушукаются. Потом разом оборачиваются ко мне и улыбаются.

Первым заговаривает Марк:

– Мы совершенно точно можем помочь.

Улыбка у него какая-то кошачья, но я, улыбаясь в ответ, благодарю его.

Марк оборачивается к приятелю, у которого на бицепсе вытатуирован огромный корабль.

– Хардин, сколько там банок краски?

Хардин? Какое странное имя. Никогда не слышала.

Из-под черных рукавов футболки у Хардина выглядывает нижняя половина деревянного судна. Красивая накладка, детализированная, объемная. Глядя ему в лицо, я ненадолго задерживаю взгляд на губах. Щеки у меня, похоже, размялись. Хардин тоже смотрит на меня, понимает, что я его рассматриваю. Тогда он переглядывается с Марком, и тот ему что-то шепчет.

– У меня есть предложение, – говорит Марк, кивнув Хардину.

Вот как? Хардин кажется мне необычным, немного неправильным, но не отталкивающим.

– Какое предложение?

Накручиваю кончик локона на палец. Хардин по-прежнему смотрит на меня. Он какой-то замкнутый, я чувствую это. Этот мальчик, что из кожи вон лезет, стараясь выглядеть крутым, становится мне любопытен. С досадой думаю, что скажут родители, приведи я его в дом. Мама считает татуировки воплощением зла, с чем я не согласна.

Марк чешет безволосый подбородок.

– Я дам десять галлонов краски, если сходишь на два свидания с моим другом Хардином.

В уголках губ у Хардина играет улыбка. А у него и впрямь красивые губы. Слегка женские, черты его лица смотрятся привлекательней, чем черная одежда и патлы. Так я ему нравлюсь? Они с Марком об этом шептались?

Пока я думаю, Марк поднимает ставку:

– Любого цвета, на выбор. Бесплатно. Десять галлонов.

А он умеет торговаться.

Прищелкнув языком, сбиваю цену:

– Одно свидание.

Хардин смеется. Кадык у него так и ходит вверх-вниз, ямочки на щеках становятся глубже. Какой же он сексуальный! Поверить не могу, что сразу этого не заметила. Сосредоточилась на задании и в искусственном свете ламп не увидела, какого насыщенного зеленого цвета у него глаза.

– Одно свидание, согласен.

Сказав так, Хардин прячет руку в карман, а Марк смотрит на бритого друга.

Внутренне ликуя, улыбаюсь и начинаю перечислять, какие краски мне нужны для скамей, стен, лестниц – и все это время стараюсь не выдать, что уже предвкушаю свидание с Хардином, с этим замкнутым, патлатым

мальчиком, таким невинным и стеснительным, что он готов отдать десять галлонов краски за свидание.

Молли

Когда он был маленький, мама рассказывала про опасных девчонок. Если девочка бежит от тебя, ты ей нравишься, очень сильно. Мальчиков так и учат: преследовать, догонять. Когда настырные мальчики подрастают, они узнают: чаще всего, если ты не нравишься девочке, то ты ей просто не нравишься.

Эта девочка росла без примера для подражания. Ее мать хотела всего и сразу, чего жизнь не могла дать, и потому девочка узнавала о поведении мужчин из окружения.

Когда она выросла, то быстро уяснила правила игры и сделалась настоящим гроссмейстером.

* * *

Оправив платье, сворачиваю в темный переулок. Ажурная ткань трещит, и я снова мысленно себя ругаю.

Приехала на электричке в центр города в надежде... на что?

Сама не знаю, но мне опротивело ощущение пустоты. Оно заставляет выделять такое, о чем и помыслить-то страшно. Однако по-другому мне эту дыру в душе не заткнуть. Когда мужики едят меня глазами, удовлетворение приходит и уходит. Они думают, что имеют право на мое тело, потому что я намеренно одеваюсь так соблазнительно. Уроды, они ошибаются; я играю на их похоти, кокетливым взглядом побуждая к нужным мне действиям. Достаточно застенчиво улыбнуться одинокому мужику, и делай с ним что хочешь.

Я не могу без внимания, и мне от этого тошно. Но без него мне не просто больно; эта жажда – как пылающий ожог.

Огибаю очередной угол, и тут меня догоняет черный автомобиль. Мужчина за рулем сбавляет ход, я отворачиваюсь, смотрю в сторону. Темный переулок петляет на задворках одного из богатейших районов Филадельфии. Улицы обрамляют магазины, у каждого из которых имеется собственный черный ход.

На главной улице водятся деньги, а не приличия.

– Хочешь прокатиться?

Стекло опускается с тихим жужжанием. У мужчины за рулем

небольшие морщины, песочные волосы с проседью аккуратно причесаны и разделены по пробору. Улыбка очаровательная, да и выглядит мужик для своих лет прилично, однако в голове у меня звучит тревожный сигнал. Он звучит всякий раз, каждые выходные, когда я, словно зомби, совершаю эти, казалось бы, бесцельные прогулки. Улыбка у мужика такая же фальшивая, как и моя сумка «Шанель». Улыбка его рождена деньгами, теперь-то мне это ясно. У мужчин в черных машинах, чистых и лоснящихся в лунном свете, есть деньги, зато нет совести. Их жены не дают им неделями – если не месяцами, – вот они и выбираются на улицы в поисках того, чего лишены.

Правда, деньги мне его не нужны. Деньги есть у родителей, с избытком.

– Я не проститутка, ты, больной урод! – Ногой в туфле на платформе ударяю по дверце дурацкой блестящей машины. На пальце у мужика что-то поблескивает.

Проследив за моим взглядом, он прячет руку под рулевым колесом. Вот сволочь.

– Неплохая попытка. Езжай домой к жене. Твои отмазки давно уже не работают, я уверена.

Иду себе дальше, а он кричит что-то вслед. Слова эхом разносятся во тьме по переулку. Оглядываться даже не думаю.

Понедельник, десятый час ночи, на дороге никого. Огни горят неярко, стоит тишина. Прохожу мимо ресторана, над крышей которого клубится пар. Сильно пахнет углем, и я вспоминаю барбекю во дворе у семьи Кертиса – давно, еще когда они были мне как родные.

Моргнув, прогоняю воспоминания и улыбаюсь в ответ женщине среднего возраста в переднике и поварском колпаке. Она вышла перекурить. Ярко вспыхивает огонек зажигалки. Женщина затягивается, и я снова ей улыбаюсь.

– Ты здесь поосторожней, девочка, – предупреждает она скрипучим голосом.

– Я всегда осторожна, – отвечаю и машу ей рукой.

Покачив головой, женщина глубоко затягивается. Кончик сигареты, зардевшись, потрескивает. Табачный дым наполняет прохладный воздух. Наконец женщина бросает окурочек и с силой затаптывает его.

Иду себе дальше. Становится холоднее. Мимо проезжает еще машина, и я прижимаюсь к стене. Машина черная... приглядываюсь и понимаю, что это та черная блестящая тачка. По спине пробегают мурашки, а машина сбавляет ход. Под колесами хрустит мусор.

Ускоряю шаг и отхожу за мусорный бак, чтобы хоть как-то отгородиться от преследователя. Ноги сами собой несут меня дальше.

Не понимаю, с чего я такая мнительная сегодня. Я ведь каждые выходные мотаюсь в город на прогулки. Надеваю жуткое мешкообразное платье, целую папу в щеку и прошу денег на проезд. Он хмурится и напоминает, что жизнь коротка и надо к чему-то стремиться. Если бы в жизни все было просто, я бы не переодевалась по-быстрому, когда приезжаю в город, не прятала платье в сумочку и доставала снова на обратном пути.

Стремиться к чему-то. Как будто это так просто.

– Молли, – талдычит папа, – тебе семнадцать. Пора вернуться к реальной жизни, иначе упустишь лучшие годы жизни.

Если это – лучшие годы, то жить дальше смысла не вижу.

Слушаю папу и киваю ему, улыбаясь, а мысленно желаю, чтобы он наконец перестал сравнивать мою потерю со своей. Наша мама хотела уйти.

Сегодняшняя ночь какая-то особенная. Наверное, потому, что тот же самый мужик пристает ко мне второй раз за последние двадцать минут.

Срываюсь на бег, позволяя страху унести меня по разбитой дороге к оживленной улице. Незаметно для себя вылетаю на проезжую часть, и мне сигналист такси. Спешу отскочить на тротуар, отдышаться.

Надо домой. Быстро. В груди горит; я, задыхаясь, жадно втягиваю холодный воздух. Озираюсь по сторонам.

– Молли? – раздается позади меня женский голос. – Молли Сэмюелс, это ты?

Оборачиваюсь и вижу ту, с кем точно сейчас не хотела бы встретиться. С трудом подавляю желание броситься прочь. Женщина идет ко мне, неся в каждой руке по бумажному пакету из продуктового магазина.

– Что ты здесь делаешь, да еще так поздно? – спрашивает миссис Гаррет. На щеку ей падает выбившаяся прядка волос.

– Так, гуляю, – говорю я, одновременно пытаюсь оттянуть подол платья пониже.

– Одна?

– Вы тоже одна, – замечаю, отнюдь не оправдываясь.

Вздохнув, она берет оба пакета в одну руку.

– Идем, садись ко мне в машину, – говорит миссис Гаррет и направляется к припаркованному на углу коричневому фургону.

Нажав кнопку на брелоке, открывает замок. Я нерешительно опускаюсь на пассажирское место. Уж лучше сесть к миссис Гаррет,

которая отнесется ко мне с осуждением, чем к тому типу в черной машине, который не принимает отказов.

Моя сегодняшняя спасительница садится на место водителя. Некоторое время смотрит прямо перед собой и лишь затем произносит:

– Нельзя всю жизнь этим заниматься. – Голос ее звучит твердо, зато руки дрожат.

– Я не...

– Не надо делать вид, будто ничего не произошло. – Она явно не настроена вести милую светскую беседу. – Ты прежде так ни разу не одевалась. Отец не одобрил бы. Ты же блондинка, а выкрасила волосы в розовый. Разгуливаешь тут ночью, совсем одна. Знаешь, я ведь не первая тебя заметила. Джон, с которым мы ходим в одну церковь, тоже тебя видел на днях. Всем потом рассказал.

– Я...

Взмахом руки она велит мне молчать.

– Я еще не закончила. Твой отец говорит, что ты теперь в штат Огайо мотаешься. И это после стольких лет, что вы были с Кертисом... Вы же хотели быть вместе.

Как ножом по сердцу. Миссис Гаррет пробивает прочную скорлупу, в которой я так уютно устроилась. Ломает защиту из плотной пустоты. Перед мысленным взором встает лицо ее сына, в ушах звучит его голос.

– Хватит, – сквозь боль говорю я.

– Нет, Молли.

Миссис Гаррет взволнована. В ней словно запечатаны бутылки с бурлящими чувствами, которые за последние полгода как только ни трясло, и вот они готовы взорваться.

– Это был мой сын, – говорит она, – так что не надо делать вид, будто тебе больнее, чем мне. Я потеряла ребенка – единственного ребенка, – а сейчас смотрю на тебя, милая Молли, и вижу, как ты пропадаешь... Ты росла у меня на глазах, и я больше не буду молчать. Ты просто обязана поступить в колледж и убраться к чертям из этого города, как вы с Кертисом и планировали. Жить дальше. Мы все должны жить дальше, и уж если получится у меня – как бы трудно это ни было, – то и тебе удастся.

Наконец она умолкает. Чувство, будто внутренности мне завязали узлом. Миссис Гаррет всегда была тихоней, говорил в основном ее муж; теперь ее прорвало. Ее голос обрел необычайную твердость, решительность. У меня и самой сердце кровью обливается при мысли, во что я превратила собственную жизнь.

Но ведь за рулем тогда была я.

Мне оставался день до получения прав, и я согласилась сесть за руль пикапа Кертиса. Мы были так возбуждены, а Кертис улыбался так убедительно... Я любила его всеми фибрами души, и когда он погиб, меня словно разорвало на лоскуты. В Кертисе я находила покой, уверенность, что я не кончу, как моя мать. Она родилась не для того, чтобы просто стать женой, заложницей большого дома в престижном районе. Дни напролет она занималась живописью, танцевала и пела, обещая, что однажды мы с ней уберемся из нашего серого городишки.

– Я сумею убедить твоего папу, – говорила она. – Мы здесь не умрем.

Правда, сдержала она обещание лишь наполовину – ушла два года назад, на рассвете. Не могла, наверное, и дальше справляться со стыдом от того, что она всего лишь мать и супруга. Мало какая женщина стыдится такого, но моя мама – случай особый. Она хотела внимания, известности. Не добившись славы, она винила меня, хотя не желала в том признаваться. Стыдилась меня, постоянно напоминая, что я сделала с ее телом. Мать часто рассказывала, каким ее тело было до родов. Как будто я сама решила появиться из ее утробы.

Хоть я и мешала ее мечте осуществиться, мать обещала мне мир. Рассказывала о больших и ярких городах и огромных билбордах, на которых, как она думала, должны быть ее изображения.

Как-то ранним утром, после очередных рассказов о мире накануне вечером, я увидела через толстые металлические балясины на лестнице, как мама катит чемодан к двери по устланному ковром фойе. Она накрасилась и уложилась феном. Наверное, вылила себе на голову половину баллончика с лаком. Переступив порог, она обернулась посмотреть последний раз на красиво обставленную гостиную. Закрыла за собой дверь и, наверное, с облегчением прислонилась к ней по ту сторону, улыбаясь так, словно получила путевку в рай.

Я не плакала. Просто спустилась на цыпочках в гостиную, стараясь запомнить лицо мамы, ее слова и поступки. Я хотела помнить все: наши игры, беседы, объятия. Даже тогда я сообразила: жизнь меняется. В окно гостиной я видела, как мама садится в машину. Глядя на подъездную дорожку, я осознала, что мама всегда была ненадежной. Отец, может, и боялся уехать из родного города, где у него была потрясающая работа, зато он, черт побери, надежен.

Миссис Гаррет осторожно касается кончиков моих волос.

– Если выкрасить голову розовой пищевой краской, это не изменит случившегося.

Забавно она высказалась.

– Я покрасила волосы не потому, что ваш сын истек кровью у меня на глазах, – резко говорю я, вспомнив, как сильно напомнила кровь стекающая в раковину насыщенно-розовая краска.

Отталкиваю ее руку. Да, мои слова грубы, но кто она такая, чтобы судить меня?

Переваривая услышанное, миссис Гаррет, должно быть, представляет изувеченное тело Кертиса, с которым я два часа просидела в машине, прежде чем прибыла помощь. Я безуспешно пыталась порвать его ремень безопасности. От удара металл погнуло так, что я не могла пошевелить руками. Я закричала, когда кожу мне распоролو зазубренными краями. Мой возлюбленный сидел неподвижно, не издавая ни звука, а я кричала на него, на машину, на все мироздание.

Свет померк, когда Кертис побледнел и обмяк. Сегодня я благодарна, что потеряла тогда сознание, и мне не пришлось смотреть на то, что больше не было моим возлюбленным, в тщетной надежде на чудо.

Миссис Гаррет, тихонько вздохнув, заводит мотор и трогается с места.

– Я понимаю, тебе больно, Молли... как никто другой, понимаю. Я пытаюсь жить дальше, но ты губишь себя из-за того, что никак не могла предотвратить.

Сбитая с толку, я принимаюсь сосредоточенно водить по ручке на дверце.

– Не могла предотвратить? Я вела машину! – Как наяву слышу скрежет металла. – Его жизнь была в моих руках, и я его убила.

Кертис воплощал жизнь, от него исходили свет и тепло, он любил все на свете. Мог радоваться даже самым простым и незатейливым вещам. Мы были совсем не похожи: я относилась ко всему намного циничней, особенно после ухода мамы. Однако Кертис всегда меня слушал, всякий раз, как я сдуру совершала очередную ошибку. На свой день рождения он помогал моему отцу прибираться в маминой мастерской – я тогда расплескала черную краску по драгоценным полотнам. И Кертис не спрашивал, почему я так часто желала матери сдохнуть.

Он не осуждал меня, помогал держаться. Без него я бы расклеилась. Я всегда думала, что только благодаря ему сумею окончить колледж и завести друзей в новом городе. Мне трудно скрывать от людей, что я о них думаю, и потому друзья для меня – редкость. Кертис заверял: это нормально, просто я болезненно честный человек, и роль лжеца в наших отношениях на себя возьмет он. Кертис притворялся своим среди мажориков из школы. Он был милым, его все любили, я же была его «плюс один». Однако нас привыкли видеть вместе, и постепенно люди привыкли и к моему

поведению. Чары Кертиса все компенсировали. Он стал для меня единственным светлым моментом в жизни. Он единственный принимал меня и любил, однако и он покинул меня. По моей же вине. Совсем как мама, уставшая от нашего городка, от серости моего папы и от дочери-блондинки с розовым бантиком в волосах.

Нужда притворяться нормальной исчезла вместе с естественным цветом волос – утекла в мойку вместе с излишками розовой краски.

– У меня есть влиятельный друг на западе Вашингтона.

Я чуть не забыла, где нахожусь. За какие-то десять минут я мысленно пережила все самое плохое, что со мной было.

– Могу попросить его, он надавит где надо, пристроит тебя в приличный колледж. В столице хорошо. Свежо и зелено. Учебный год начался, но если ты захочешь, я постараюсь.

Вашингтон? Что я там забыла?

Надо ли оно мне, поступать в колледж? Пока не знаю. Однако из нашего богом забытого города убраться точно хочу. Может, и стоит согласиться на предложение миссис Гаррет. Раньше я мечтала о других городах. Мама рассказывала про Лос-Анджелес, какая там идеальная погода. Рассказывала про Нью-Йорк, про оживленные улицы. Рассказывала про гламурные районы, в которых хотела бы поселиться. Если уж она могла устроиться в одном из них, то и я смогу прижиться в Вашингтоне.

Правда, он на другом конце страны. Папа останется совершенно один... хотя, может, это ему на пользу? Он так волнуется за меня, пытается осчастливить, что у него почти не осталось друзей. Занялся бы лучше собой, наладил бы жизнь...

Кто знает, вдруг и я заведу друзей? В большом городе розовыми волосами никого не напугаешь, да и откровенные наряды не покажутся страшными.

Начну все заново, и миссис Гаррет будет гордиться.

Тогда и Кертис смог бы мною гордиться.

Может, Вашингтон для меня – то, что доктор прописал?

И вот, сидя в машине с матерью моего погибшего возлюбленного, я клянусь, что стану лучше.

Не буду мотаться по ночам в злачные районы.

Не буду лелеять прошлое.

Не опущусь.

Займусь тем, что поможет построить новую жизнь, и плевать, что станут обо мне говорить.

Мелисса

При первой встрече он недооценил эту девушку. Он ничего не знал о ней тогда и мало что знает сейчас. Сперва он познакомился с ее братом. По ночам они вместе напивались, и постепенно становилось ясно, что брат Мелиссы – ужасный человек. Гад, прижившийся в кампусе и устроивший там себе охотничьи угодья.

Однако со временем он обнаружил слабость этого гада – его сестру, сильную, высокую, с черными-черными волосами и смуглой кожей. Возненавидев гада, парень заметил, как он трепетно относится к своей слабости, как трясется над сестрой, будто ничего и никого важнее в мире нет – кроме разве что его собственных изощренных фантазий. Убедив себя, что змей гордо распространяет повсюду гнусь, словно чума, которую надо остановить, парень начал составлять план.

Погань следовало пресечь, и девочке предстояло понести сопутствующий ущерб.

* * *

Пятничным вечером в доме пусто. Отец на банкете по случаю повышения в больнице, а все друзья – на другой вечеринке. Куда-то идти неохота.

Может, я и пошла бы на вечеринку с друзьями, но она состоится в общаге, а там зависает мой брат. С ним не потусишь, он вечно меня опекает, а это достает.

Идти на банкет тоже не вариант. Мой отец – самый престижный врач в городе, однако врач из него куда лучше, чем отец. Мне не сравниться с пациентами, на чьи деньги куплен этот гигантский дом, где я сижу и хандрю.

Ощувив небольшой укол совести, хватаю телефон и пишу папе: я все же приду, – потом соображаю: на часах десятый час, а банкет начался в восемь. Нет, я только всех отвлеку своим появлением и дам новый повод молоденькой подружке отца на меня пожаловаться. Таша всего на три года старше меня и с моим отцом встречается больше года. Я бы еще проявила понимание, если бы не училась с ней в одной школе. Таша – та еще стерва. Прикидывается, будто не помнит меня.

Она груба со мной, но я не жалуясь папе. Он счастлив, Таша ему улыбается и смеется над его плоскими шутками. Да, она не любит отца так, как должна бы, но папа на глазах преобразился с тех пор, как Таша, со сломанным пальцем, вкатила к нему в кабинет свои буфера. Папа пережил развод тяжелей мамы. Она быстро всем раструбила, что возвращается к моим дедушке с бабушкой в Мехико, где и будет жить, пока не встанет на ноги. Не понимаю, кого она пытается одурачить: денег получила столько, что хватит на всю жизнь закупиться хрустальными туфельками.

Ладно, не буду тревожить папу и Ташу. Напишу-ка я Дэну. Он встречался с девочкой из моей школы. Правда, она, в отличие от меня, по-прежнему учится. Дэн тот еще козел, козел первостатейный. И дружки у него – тоже козлины, младше моего брата и еще хуже. Он окружает себя подонками, чтобы, наверное, ощутить себя чуточку лучше.

Отвечает Дэн быстро: заеду за тобой через двадцать минут.

Отправляю ему смайлик и выскакиваю из кровати. Надо подготовиться; я не накрашена, да и серая футболка с символикой универа не годится. Правда, слишком усердствовать тоже нельзя, иначе брат будет всю ночь выносить мне мозг.

Зарываюсь в гардероб, ворошу море черных платьев с блестками. Как же их много, даже чересчур. Мама всегда отдавала мне платья, надев их лишь раз. Папа пытался осчастливить ее, заваливая нарядами и даря красные машины. Правда, счастье что-то не приходило. Когда мама уезжала, то позвала с собой в Мехико. Заманчивое было предложение, но я не могла бросить плавание и свою команду. В Вашингтоне для меня ничего важнее просто нет. Кроме папы и Дэна, я больше ни по кому не скучала бы. Дэн подумывал уехать, однако не захотел. Точнее не смог, ведь надо же за мной приглядывать.

Примерив парочку платьев, швыряю их обратно в шкаф и надеваю комбез, который еще ни разу не носила. Он практически полностью черный, если не считать принта на широких лямках, в меру облегающий и подчеркивает округлость попки и прикрывает большую часть тела, так что братец пусть не ворчит.

Только успеваю закончить, как снаружи раздается противный гудок клаксона. Приехал Дэн. Прихватив сумочку, сбегая вниз по лестнице. Если не поторопиться, соседи опять станут жаловаться на шум. Быстренько вбиваю код на панели сигнализации и вылетаю во двор. Подбежав к «Ауди» Дэна, вижу, что он прихватил с собой корешей.

– Логан, – говорит Дэн приятелю, – уступи ей переднее место.

С Логаном я общалась несколько раз. Как-то на вечеринке он решил за

мной приударить. Я встала с дивана, и он, заметив, что я дюйма на четыре выше его, выдал: мы, типа, станем отличными друзьями. Я рассмеялась, впечатленная таким невинным подшучиванием. С тех пор Логан стал моим любимым членом банды придурков Дэна.

– Не парься, я сзади поеду. – Сажусь на заднее сиденье, рядом с другим парнишкой: длинные волнистые волосы; зачесанная набок, как у эмо-боя, челка отлично сочетается с пирсингом в губе и брови. – Привет, – говорю, а он даже не думает оторваться от телефона.

– Забей, – говорит Дэн, глядя на меня в зеркало заднего вида.

Закатив глаза, достаю телефон. Надо же чем-то занять себя на время поездки.

Возле общаги мест для парковки не осталось. Дэн предлагает сперва высадить меня, чтобы не пришлось потом топтать назад. Выхожу из салона и только закрываю дверь, как наружу выбирается тот странный паренек.

– Ах ты мудила! – орет Дэн.

Незнакомец показывает ему средний палец.

– Уверена, мой брат очень хотел, чтобы ты поехал с ним, – замечаю пареньку, когда мы идем по лужайке к общаге. Три девчонки пялятся на него; одна другой что-то шепчет, и все смотрят на меня.

– Есть проблемы? – спрашиваю, глядя в их размалеванные и перекошенные от зависти лица. Все три мотают головами: типа нет, ссоры они не хотят.

Терпеть не могу чопорных блондинок, которые сплетничают о других, лишь бы набить себе цену.

– Они, наверное, просто описались, – говорит эмо-бой. Какой у него глубокий голос и еще британский акцент. Точно-точно, я не ошиблась. Он замедляет шаг, но на меня не смотрит. Руки у него покрыты татуировками. Чернила черные и отлично сочетаются с черными джинсами и футболкой в тон.

Не успеваю за ним: шагает парень широко, плюс сам по себе очень высокий. Выше меня.

– Почти наверняка, – говорю я, напоследок оборачиваясь на блондинок. Те переключились на пьяненькую девочку в коротеньком платье, что, шатаясь, идет мимо них.

Мы входим в комнату. Эмо-бой сразу идет на кухню, где, прихватив бутылку виски, откупоривает ее и делает глоток из горла. Мне он становится любопытен, и когда в гостиную заваливаются Дэн с Логаном, я решаю разузнать про татуированного незнакомца. Хватаю ведро со льдом и направляюсь к братцу. Тот сидит на диване и посасывает пиво. От него

уже тянет травкой, глаза налиты кровью.

– Кто ехал со мной на заднем сиденье? – спрашиваю.

– Ты про кого? – Он меняется в лице. – Про Хардина?

Он явно расстроен. И что за имя такое – Хардин?

– Держись от него подальше, Мэл, – предупреждает братец. – Я серьезно.

Я закатываю глаза. Лучше с Дэном на эту тему не спорить. Он и так не одобрил ни одного из моих парней, хотя сам пытался свести меня со своим дружкой, Джейсом – самым паскудным из его компании. Стандарты у моего брата такие же непостоянные, как настроение под кайфом.

Дэн хлопает рядом с собой по дивану, и я присаживаюсь. Народ постепенно напивается, входит в раж, проникается атмосферой. Музыка звучит все громче.

Через пару минут Логан предлагает Дэну пыхнуть еще раз, и тогда я оглядываю комнату в поисках Хардина. Нет, все-таки странное имечко.

Вон он, у стойки. Стоит один, с бутылкой в руке. Бутылка, кстати, заметно опустела.

Так, он не любитель гулянок. Это хорошо.

Встаю с дивана. Наверное, слишком резво встаю, потому что Дэн хватается меня за руку. Надо придумать отмазку, чтобы выйти из гостиной; если скажу, что иду к Хардину, Дэн последует за мной.

– Ты куда? – спрашивает братец.

– Писать хочу, – лгу я. Бесит, что он таскает меня по вечеринкам, а сам при этом трясется надо мной, как папаша.

Дэн смотрит на меня, пытаюсь определить, вру я или нет, но я отворачиваюсь. По пути к лестнице чувствую на себе его взгляд. Все уборные здесь на верхнем этаже. Бред какой-то, одно слово – общага.

Медленно поднимаюсь по ступенькам и на самом верху оборачиваюсь посмотреть на брата, затем иду дальше и... врезаюсь в черную стену.

Только это не стена, это Хардин.

– Черт, извини! – вскрикиваю я, одновременно пытаюсь смахнуть с его груди пролитый напиток. – Ну, хоть пятен не останется, – шучу.

Глаза у него ярко-зеленые, и взгляд такой пристальный, что я, не выдержав, отворачиваюсь.

– Ха-ха, – монотонно произносит Хардин.

– Брат велел держаться от тебя подальше, – не подумав, выпаливаю я. Ох уж этот его пронзительный взгляд, с ума сводит, однако отступить я не намерена. Похоже, Хардин к такому привык.

– Так и сказал? – переспрашивает он, выгнув проколотую бровь.

Да, точно, у него британский акцент. Хочется сделать замечание, но я по себе знаю, как достает, когда люди постоянно напоминают о твоей манере речи.

Киваю, и британец продолжает:

– Почему же?

Не знаю, но... знать хочу.

– Должно быть, ты очень нехороший человек, – шучу я.

Он не смеется.

Я напрягаюсь. Энергетике Хардина невозможно противиться.

– Если судить людей так, как судит Дэн, то нам всем капец, – говорит он.

Инстинктивно мне хочется вступить за брата, сказать, что он не плохой, просто его не так понимают.

Впрочем, мне вспоминается день, когда к нам заявила семья последней из подружек Дэна: бедная беременная девочка пряталась за спиной разгневанного отца. Мой папа выписал чек, и они скрылись; о нежданном племяннике – или племяннице – я больше не слышала.

Мамы нет, папа целиком занят Ташей; кроме Дэна, у меня никого нет.

Я смеюсь.

– Уверена, ты намного лучше.

– Нет. – Хардин убирает с лица челку. – Хуже.

Глядя мне в карие глаза, он говорит совершенно серьезно. В его словах предупреждение; впрочем, когда он протягивает мне полупустую бутылку, я принимаю ее и делаю большой глоток.

Виски обжигает горло, как обжигает горящий взгляд Хардина...

Словно вместо крови у него бензин.

Стеф

Впервые встретив девушку с огненными волосами и татуировками на руках, он разглядел в ней нечто темное. Рыжая смотрела на светленькую подружку как на соперницу, соревновалась с ней, отчаянно желая внимания. Она напоминала принцессу из одной сказки^[1], прочитанной в детстве. Рыжеволосая принцесса завидовала и ревновала младших сестер, вышедших замуж за короля и его брата, хотя сама была отдана адмиралу. Принцесса терпеть не могла уступать, даже то, что ей не принадлежало. Ей претили вторые роли. Она хотела себе всего – всего, что только есть под солнцем.

* * *

Папа приходит с работы поздно. На этой неделе он задерживался каждый день, а мне нужна его машина – сгонять за платьем на выпускной. Подруги еще месяц назад обзавелись нарядами, и я паникую: если к выпускному платья не будет, я с ума сойду. Папа пропадает на работе, мама присматривает за моей крохой-племянницей... меня никто даже не слушает. Неправедливо!

Свет как будто клином сошелся на сестре и ее ляльке. Мне постоянно достаются обноски, с днем рождения поздравляют в последний момент, и на праздник приходят ближайшие родственники – никаких друзей. Я в семье отверженная, чудачка, призрак в собственном доме. Всегда так было. Почему?

Последний раз мама соизволила сказать мне больше двух слов, когда я испачкала раковину в ванной дешевой краской для волос. Мать обезумела, ведь я «идеально» подгадала со временем: перекрасилась в огненно-рыжий накануне праздника в честь предстоящего рождения дочки Оливии. Еще я вроде бы случайно испачкала ванный коврик и, не подумав, прикрыла плечи вышитыми родительскими полотенцами.

Зато я не испортила ни одной рубашки, что достались мне от Оливии.

Ненавижу выслушивать: «Оливия в семнадцать была президентом студсовета» или: «Оливия в семнадцать училась на пятерки, а после учебы вышла за своего парня, очень популярного среди сверстников».

Достали сравнения с сестрой. Она была золотым ребенком, а я – такое

чувство – даже на серебро не тяну. Скорее бы свалить из дома в колледж. Родаки капают на мозг, и вот я отправляюсь в Центральный вашингтонский университет, который Оливия окончила с отличием.

Им дела не было до этого универа, пока туда не поступила Оливия. Мне ни за что не стать достойной сравнения с ней, но проще сказать «да», поступить и все похерить.

Как только на подъездную дорожку въезжает папин джип, хватаю сумочку, гляжусь последний раз в зеркало и сбегая вниз по лестнице... чуть не врежаясь по пути в маму. Она, правда, не замечает меня, одетую в колготки сеточкой и красный кожаный топ. Мама бормочет что-то себе под нос, уткнувшись в экран читалки.

Дверь открывается, и входят отец с Оливией. У сестры на руках дремлет Сьерра, моя кроха-племянница.

– Как я устала! – заявляет во всеуслышание Оливия.

Тут же появляется мама. Она закрывает читалку и не глядя кладет на каминную полку. Конечно, ради Оливии можно и оторваться от ненаглядного экрана.

– Стефани отвезет тебя домой, милая, – говорит за меня папа.

– Пап, мне надо забрать платье, а магазин через полчаса закрывается! – Закидываю на плечо сумку и уже тянусь за ключами.

– Оливия и Сьерра поедут с тобой.

– Я не против, – говорит сестра. – Только в душ схожу по-быстрому.

Ее мягкие каштановые волосы покачиваются в такт словам. На сестре брюки цвета хаки и рубашка с короткими рукавами и ярким цветочным узором. Папа улыбается, будто его старшая дочь – самая внимательная девушка на земле.

Как это бесит!

– Ладно, – вспыхиваю я. – Сегодня последний день, и если я не успею забрать платье, будешь виновата. – Оливия кивает, и я протискиваюсь мимо отца к двери. – Жду в машине.

Завожу мотор. Проходит пять минут, десять. Я успела отправить Оливии две эсэмэски, а ответа нет, хотя она прочитала оба сообщения – видно по значку на экране. Чего тогда тянет резину? Наверное, четвертый раз обнимается с мамочкой на прощание. Когда мы ездим к бабушке, мама сама не может наобниматься – получает порцию любви и ласки. Спустя двенадцать минут я выхожу из салона.

Не успеваю закрыть дверь, как сестра ленивой походкой покидает дом. Улыбается. А ведь еще Сьерру пристегивать к креслу.

– Оливия, я опаздываю, – тороплю я сестру.

Вздохнув, она неискренне извиняется.

* * *

На часах уже три минуты девятого. Останавливаюсь перед магазином – в витринах свет не горит, на двери табличка «ЗАКРЫТО».

Не видать мне платья. Я и так два раза просила отложить его, мне постоянно напоминали, что сегодня – последний день. Шанс упущен.

Роняю голову на обод руля.

– Прости, Стефани, – говорит Оливия.

Поворачиваюсь к ней и зло говорю:

– Все из-за тебя.

– Ничего подобного. Папа повез меня по магазинам, чтобы купить Сьерре новые пинеточки. Она так быстро растет...

Новые пинеточки? Вы издеваетесь?! Я упустила платье для выпускного потому, что Сьерре понадобилась новая обувь? Она ведь и не ходит еще!

– Почему папа тебя сразу домой не забросил? Ты бы так скорее вернулась, – говорю я, повысив голос.

– Я тогда еще не устала... – Оливия пожимает плечами; мое время для нее вообще ничего не значит.

– Да что за хрень! – Мотаю головой и прячу лицо в ладони.

– Не ругайся при ребенке! – прикрикивает на меня сестра.

Со стоном вывожу машину обратно на дорогу. По пути к дому Оливии мы обе молчим. Сестра ведет себя так, будто вины за ней нет, а я слишком зла, чтобы говорить с ней. Достало, и что хуже всего – Сьерра ревет так, словно хочет криком распилить мне мозг надвое.

Ненавижу свою жизнь.

Когда наконец приезжаем, Оливия благодарит, что я ее подбросила, а я и не думаю зайти к ней в новый дом. Она, собственно, и не приглашает – и то хорошо. Дом Оливии и ее мужу Роджеру наверняка помогли купить предки. Муж у Оливии – тихоня, при моих не больно-то разговаривает. Наверняка Оливия просит его помалкивать. Она, сто пудов, всех инструктирует перед знакомством со мной.

Не хочу заглядывать к ним, но надо в туалет, а до родителей ехать еще четверть часа. Все-таки захожу в дом и сразу чую сильный запах корицы. У Оливии в каждой комнате по ароматическому светильнику.

Роджер сидит в гостиной на диване. В одной руке у него пульт

дистанционного управления, на коленях – ноутбук. При виде нас он улыбается жене и вежливо спрашивает, как у меня дела. Отвечаю: по-старому, – хотя не могу припомнить, когда же я виделась с ним последний раз.

После неловкого обмена вежливостями Оливия объявляет, что надо уложить дочку, и, прихватив плюшевого мишку и бутылочку, отправляется наверх. Роджер на меня почти не смотрит, когда я прохожу мимо – глядя по пути на идиотские фотки на полке над фальшивым камином. Затем Роджер встает и проходит в кухню. Стремается меня.

В коридоре на стене висит большая фотография в металлической рамке: Оливия и Роджер в день свадьбы. Моя сестра такая идеальная: прическа, макияж... платье просто прекрасно. Мягкий шелковистый подол изящно касается земли. Оливия – точно принцесса, созданная для этого платья.

Свадебное платье сестры – точная противоположность тому, что я присмотрела для выпускного. Мое пошито из черного хлопка, лиф плотно облегает тело, а кромка звездообразной юбки отделана кружевным тюлем. Это платье я уже не куплю, спасибо Оливии. Жаль, что в день ее свадьбы у меня не было при себе банки черной краски.

На следующем фото Роджер обнимает за живот беременную Оливию.

Она лишила меня платья на выпускной, а я лишу ее свадебного платья.

Захожу в кухню. Роджер зарылся в холодильник, и я, чтобы привлечь его внимание, стучу по каменной стойке. Когда он оборачивается, тяну за ворот футболки, откровенно оголяя груди. Роджер давится слюной и кашляет.

Улыбаюсь. Они с моей сестрой после рождения Сьерры еще точно не трахались.

– Извини.

Накручиваю локон на палец, а Роджер старательно отводит взгляд, лишь бы не скользнуть им вниз, по моим ногам в сетчатых колготках.

– Привет, – говорю я, приближаясь.

Сердце вот-вот выскочит из груди. Сама не понимаю, какого хрена творю, но с меня хватит. Бесит, что Оливия такая идеальная, ей все достается; так пусть лишится даже того, что принадлежит ей. Особенно милого и верного, как щеночек, мужа.

– Т-ты что делаешь, Стефани? – спрашивает заметно побледневший Роджер.

– Так, разговариваю.

Задираю подол юбки до самого пупка, показывая кружевные трусики.

Роджер пятится и ударяется в шкафчики.

– В чем дело? – спрашиваю и смеюсь. Внутренности завязались узлом, я в любой момент готова хлопнуться в обморок, но в то же время чувствую себя паразитической и могущественной. Должно быть, адреналин, и мне это нравится. Хочется продолжения. Подхожу ближе к Роджеру, тяну за «молнию» на кофте.

Роджер прикрывает руками глаза.

– Стефани, прекрати.

Твою мать, он и впрямь верный щеночек. Моя ревность разгорается жарче.

– Да брось, Роджер, хватит...

– Стефани! – Голос Оливии гремит на всю кухню. – Какого дьявола?!

Она стоит в дверном проеме, опираясь на косяк. На ней фланелевая пижама с голубой окантовкой. Сестра в бешенстве.

– Роджер? – обращается она к мужу.

– Детка, я сам не понял, что произошло. Она пришла, раздевается тут... – Он вскидывает руки, как бы умоляя супругу раскрыть глаза и увидеть, что за шалава ее младшая сестренка.

Оливия взглядом чуть не прожигает во мне дырку.

– Убирайся, Стефани!

– Ты меня даже не спросила, правда ли это!

Закидываю сумку на плечо и отдергиваю юбку.

– Знаю я тебя, – как ни в чем не бывало говорит сестра. Она? Знает меня? Она меня вообще не знает. Знала бы, не вела бы себя как коза эгоистичная.

– И?... – Смотрю на Роджера. Тот пятится, как от змеи. Типа, у него есть право меня осуждать. Хотя если бы не боялся, что сестра нас застукает, поставил бы меня раком у блестящей кухонной стойки.

– Ладно, ты приставала к моему мужу? – спрашивает Оливия. Губы у нее дрожат, она едва не плачет. Мне следует все отрицать, обвинить Роджера. Он такой жалкий, что Оливия мне поверит. Я тоже умею расплакаться при желании.

Ой, да ладно вам...

– Стерва ты избалованная! – кричит Оливия. Роджер подскакивает к ней, обнимает.

Это я-то стерва избалованная? Издевается? Вечно ей все, а мне – хрен. Надоело уступать! Пусть спасибо скажет, что я чего похуже не выкинула. А ведь могла бы ранить их куда как больнее. Сама себе удивляюсь, какие мысли в голову лезут... и мне они нравятся.

– Убирайся, Стефани. – Оливию трясет, и Роджер гладит ее по рукам, пытается успокоить.

Ну и ладно, уйду. Все равно мне скоро не придется больше мириться с таким поганым отношением.

Скоро я поступлю в колледж.

Там я во всем стану первой.

Часть вторая. Во время

Хардин

Он заблудился, не думал о будущем. Слишком уж сильно привык к новому окружению; даже акцент вроде бы начал стираться. Он свел повседневное существование к замкнутому кругу ежедневных рутин, реагируя и действуя всегда одинаково, с одними и теми же последствиями. Женщины сменяли одна другую: сары, лоры, вовсе без имени...

Разве могло и дальше так продолжаться?

В первую неделю нового учебного года он повстречал ее. Неведомая и непреодолимая сила поместила эту девушку в кампус. Судьба знала, кто он, какая у него репутация, какие намерения. И вот он задумал украсть очередную невинность, разрушить жизнь еще одной девушке. На сей раз все будет не так плохо, говорил он себе. Девушка пострадает не сильно. Все получится проще, невиннее, веселее.

Так он думал, пока ветер не взъерошил ей волосы, открыв лицо. Пока ее серые глаза и алые губы не стали сводить его с ума, снится ему по ночам. Он так сильно запал на нее, что поначалу даже не понял, чувствует ли что-то на самом деле или только воображает. Нет, он ничего не придумал, новые чувства сотрясали его, как рычание льва. Он жизни без нее не мыслил, каждая мысль была о ней.

* * *

Как-то глубоко ночью, когда падал снег, укрывая белым покрывалом улицы, он оказался на парковке, совершенно один. Сжимая руль старенького «Форда Капри», он практически ничего не видел перед собой, не мог думать внятно.

Как могло все пойти так далеко?

Девушка должна была стать легкой добычей. Симпатичное лицо, невинная улыбка, странного оттенка глаза, в которых, казалось бы, нет глубины... Он не должен был влюбиться, а она не должна была вызвать в нем желание стать лучше.

Он-то думал, что у него и так все неплохо.

И действительно, все было неплохо – до того, как он совершил прекрасную ошибку, позволив девушке стать для него всем. Он полюбил ее, да так сильно, что боялся утратить, ибо, утратив ее, он утратил бы и

себя.

Он все крепче сжимал руль; побелевшие костяшки сильно выделялись на фоне черного обода; мысли путались сильнее и сильнее. Из-за отчаяния он не мог трезво соображать, и в тот момент, когда его страхи тонули в тишине пустой парковки, он осознал, что сделает все – абсолютно все, – лишь бы ее удержать.

Прошло несколько месяцев; он обладал ею, терял, обладал ею снова, не понимая, как так выходит. Он ее любил. Любовь горела в нем ярче любой звезды, и он цитировал отрывки из десяти тысяч ее любимых романов. Она отдала ему все – влюбилась в надежде, что он перестанет быть сволочью. Ее вера заставила его исправляться. Доказывать, что права она, а все остальные ошибаются. Благодаря ей в нем родилась прежде неведомая надежда.

С ней он чувствовал умиротворение; пожар в груди стихал, и сам он привык к этой девушке, жить без нее не мог. Ее тело стало ему убежищем, разум – домом. Чем больше он любил ее, тем больше страданий ей причинял; они боролись, они росли, и постепенно он стал нормальным, каким всегда хотел быть.

Отношения с отцом развивались, постепенно теплея. Несколько семейных ужинов, и он стал понемногу избавляться от ненависти к старику. Стоило увидеть в ином свете себя, и удалось иначе взглянуть на проступки отца. Он стал заботиться о незнакомых людях в доме так, как поклялся никогда не заботиться.

Но непросто противостоять двадцатилетнему опыту саморазрушения и потворства животным инстинктам. Каждый день приходилось бороться с тягой к спиртному, с гневом, что рвался наружу... Он поклялся драться за девушку и клятву держал. Несколько битв он проиграл, однако от цели победить в войне не отказывался ни на миг. Она научила его смеяться и любить, и свою любовь он выражал раз за разом, не думая останавливаться.

Последние дни каникул – лучшие. Все с ума сходят, торопятся осуществить летние мечты и желания. На тусах как никогда много народу, девчонки идут в разгул... а я жду не дождусь, когда начнется учеба. Я не какой-то там идиот-первокурсник, которому не терпится окунуться в чудесный мир универа. Нет, если я верно разыграю карты, то уже весной получу диплом, на целый год раньше срока.

Неплохо для отморозка, от которого даже посещения занятий не ждали.

Мать опасалась за мое будущее и услала меня за полмира от дома, в великий штат Вашингтон, к папаше. Придумала дебильную отмазку, типа мне надо с ним «воссоединиться», но я-то сообразил: она просто не может и не хочет больше мириться с моим свинством. Вот и отправила в Америку, как какого-нибудь колониста-пуританина.

– Кончаешь? – Розовые волосы, пухлые губы. Я и забыл, что у меня между ног шалава.

– Ага. – Обнимаю ее за плечи и закрываю глаза, отдаваясь плотскому удовольствию. Все девки дарят мне только плотское наслаждение.

Спину сводит, и я даже не притворяюсь, будто мне нужно нечто большее. Кончаю.

Утерев губы тыльной стороной ладони, Молли поднимается на ноги.

– Знаешь... – Она достает из сумочки темную помаду. – Мог бы притвориться, что тебе хоть немного интересно, козел.

Чмокнув губами, она утирает пальцем излишки помады.

– Да, я такой. – Откашливаюсь. – Притворяюсь все время.

Закатив глаза, Молли показывает мне средний палец. Она и правда интересна мне, с ней хорошо трахаться, а иногда можно и потусить. Мы с ней во многом похожи: оба отвергнуты семьями. О ее прошлом я мало что знаю, но и так ясно, от какого такого дерьма она сбежала в Вашингтон из богатенькой семейки где-то в Пенсильвании.

– Мудак, – бормочет Молли, закрывая помаду. Естественный цвет губ – пухлых от того, что она только что мне сосала, – идет ей больше.

Молли – моя знакомая, я бы даже сказал, подруга с привилегиями, однако наша «дружба» не моногамна, ни в коем разе, мы оба вольны делать что душе угодно, в смысле трахать, кого захочется. Она то любит меня, то ненавидит... Мне по фигу. Это взаимно.

Друзья нам за такие отношения полощут мозги, но мне-то что? Если скучно – Молли тут как тут, сосет и сразу сваливает. Как по мне, идеальный расклад. Для нее, кажется, тоже.

– Вечером придешь на тусу? – спрашивает Молли.

Встаю и натягиваю боксеры, а поверх – джинсы.

– Я, вообще-то, живу здесь. – Выгибаю бровь.

Мне тут противно. Каждый день я задаюсь вопросом: как я вообще очутился в этой сраной общаге?

Из-за говнистого спермодонора, вот как. Его зовут Кен Скотт, и он первостатейный лузер. Алкоголик, дебил, который мне все детство испортил, чтобы затем волшебным образом съехаться с какой-то мадамой с сыночком, лопушком младше меня на два года.

Это типа его второй шанс. Кену Скотту выпадает второй шанс наладить со мной отношения, а мне пришлось заехать в дебильную общагу при колледже, которым он, кстати, и управляет. В довершение всего он умолял меня перебраться к нему, как будто я реально соглашусь жить с ним под одной крышей, чтобы он смог меня контролировать. Я думал, он даст мне квартиру... но нет, конечно же. Кен Скотт взбесился, когда я сбежал в эту дырень вместо того, чтобы жить у него в чистеньком доме.

Впрочем, и в общаге есть свои плюсы: тут почти каждую ночь тусы, неиссякаемый поток щелок, и что еще лучше – никто до меня не докапывается.

Правильные студентки, похоже, не возражают, что я не больно-то стремлюсь быть лицом этой сраной общаги: не ношу форменных свитеров, не клею стикеров на машину, не записываюсь в добровольцы на всякую там общественную шнягу и не ору на каждом углу с пеной у рта, на каком факультете учусь. Они вроде как трудятся на благо общества, хотя на общество им насрать, и всем все по фигу.

Молли ушла, а я и не заметил.

Встаю и открываю окно, чтобы проветрить комнату перед очередной ночной тусой. Свободные комнаты очень полезны, потому что к себе я людей не пускаю. Это слишком личное. Так уж мне спокойней; народ давно уяснил: ко мне в комнату соваться нельзя. Молли – да и любая девчонка – знает, что уединимся мы в любой другой пустой комнате, только не в моей.

Подхожу к своей двери и тут вижу: Логан тащит по коридору невысокую кудрявую девчонку. Она и не думает молчать о том, что хочет с ним сделать, а я не думаю сдерживать свое отвращение.

– Запритесь уже в комнате! – кричу этой парочке.

Девчонка хихикает, а Логан показывает мне средний палец. Захожу к

себе и закрываю дверь на щеколду. Такой у нас порядок: меня игнорируют и тупо посылают куда подальше. Нормально, я лучше один посижу в ожидании очередного синтетического прихода.

Провожу пальцами по пыльной полке книжного шкафа. Не могу решить, в каком романе я сегодня живу... Может быть, Хемингуэй? Неслабая доза цинизма с ним обеспечена. Средняя из сестер Бронте? Можно вмазаться ущербным любовным романом. Хватаю с полки «Грозовой перевал» и, скинув ботинки, ложусь на кровать.

Не знаю, что заставляет меня перечитывать этот роман снова и снова, но раз за разом эта мрачная история меня увлекает. Все у них через жопу, честно: два человека сходятся и расходятся, уничтожая и себя, и всех окружающих лишь потому, что сами те еще эгоисты и упрямы.

Во время чтения мне хочется что-нибудь чувствовать, и соплю с сахаром про любовь – самое то. Охота сблечь на книгу и после сжечь ее.

– Мать твою, да! – раздается женский голос из-за тонкой, как бумага, стены.

– Заткнитесь на хрен! – Колочу в панель старого дерева, зажимаю уши подушкой.

Еще целый год мудохаться, еще год идиотских занятий и экзаменов. Еще год унылых тус и неудачников, которые слишком озабочены мнением о себе окружающих. Год затворничества, а потом я свалю в Лондон, где мне и место.

Он до сих пор помнит, как маленькая комнатка в общежитии наполнилась запахом ванили, когда он впервые остался наедине с этой девчонкой. Мокрые волосы, изгибы тела под полотенцем... Он первый раз заметил, как налилась румянцем гнева ее грудь. Она еще не раз на него разозлится – чертовски сильно разозлится, – но он никогда не забудет, как поначалу она пыталась быть вежливой. Он-то принял вежливость за гордость, думал: еще одна дурочка пытается косить под женщину.

Оставшись один, в ловушке собственных ошибок, он цепляется за воспоминания. Воспоминания о том, как злился он, как злилась она, – лишь они помогали ему держаться, когда она его покинула.

* * *

В первый день осеннего семестра за людьми наблюдать интересней всего: придурки носятся, как курицы с отрезанными головами, девчонки надевают лучшие шмотки, лишь бы привлечь внимание парней.

Все это повторяется каждый год, во всех уголках земного шара, где есть универы. Меня приговорили учиться в Центральном вашингтонском, но мне тут нравится. Учеба идет легко, и преподавы дают послабления. Как ни странно, я произвожу впечатление усердного студента. Если бы я «прилагал больше усердия», то мог бы учиться гораздо лучше, однако у меня нет ни времени, ни сил заикливаться на оценках, планах или вообще на чем бы то ни было. Я не пропаду, что бы там профессора ни думали. Могу неделю пропустить, а потом сдать экзамен на «отлично». Преподавы не докапываются.

Передние ряды в студенческом клубе – самое выгодное место, чтобы наблюдать шоу. Моя любимая часть – когда родители начинают обливаться слезами. Забавно, мамочка спровадила меня с таким нетерпением, а эти ведут себя так, словно им руки-ноги отрезают, когда их детишки – взрослые детишки, замечу я вам, – поступают учиться. Им бы прогуляться по району, где я рос, – бросились бы целовать землю Центрального вашингтонского.

Женщина с искусственными буферами и выбеленными волосами обнимает хиленького сынулю в клетчатой рубашонке. Не могу сдержать

ухмылку, когда пацан начинает рыдать мамочке в плечо. Отец стоит в сторонке от этого жалкого зрелища, сверяется с дорогими часами, ждет, когда же жена с сыном наконец прекратят распускать сопли.

Я вот представить не могу, чтобы мои предки так обо мне пеклись. Мать-то заботилась, но только когда не работала с рассвета до заката, предоставляя мне самому о себе заботиться и стремясь как-то компенсировать недостаток разума у козла-папаши. Она старалась изо всех сил, однако так сильно можно стараться, лишь когда что-то упущено. Я противился ее помощи, на каждом шагу. Не принимал тогда и не приму сейчас. Только не от нее.

– Эй, чувак, – окликает меня Нэт. Он сидит за столиком для пикников. – Какие планы на вечер? – спрашивает он, прикуривая от зажигалки.

Пожав плечами, достаю телефон и сверяюсь с часами.

– Не знаю. Мы со Стеф встречаемся у нее в комнате.

Попыхивая дымом, Нэт, баран такой, уламывает меня зайти к Стеф из студенческого клуба. Там недалеко, всего пятнадцать минут пешком, но я бы лучше прокатился на машине, чем продираться через толпу возбужденных и наряженных во все лучшее новичков.

Когда мы достигаем общаги, Нэт уже вовсю трещит о предстоящей тусе. Что в ней такого? Эти тусы каждый раз одинаковые. Чего Нэт так завелся?

Сценарий один: те же кореша, столько же секса, те же группы – все по-старому, только день другой.

Я уже хочу войти в комнату, когда Нэт меня останавливает.

– А постучаться? Забыл, как она в прошлый раз взбеленилась?

Я тихонько смеюсь. Помню, конечно. Это было в прошлом семестре, я без стука вошел в комнату к Стеф. Она стояла на коленях перед каким-то ушлепком. Ушлепок он потому... что был в шлепанцах. Для меня подросток в шлепанцах – автоматически ушлепок. Он растерялся, а Стеф взбесилась, и когда паренек бросился прочь из комнаты, она принялась швырять в меня всем, что попало под руку.

Впечатлений хватило на целую неделю. Я ей до сих пор о том случае вспоминаю.

Смеюсь, а из-за двери тем временем доносится крик Стеф: типа, входите уже.

Входим и застаем на месте блондинчика в кардигане. Он стоит посреди комнаты, позади Стеф, у которой во взгляде так и пляшут лукавые огоньки. Я не сразу замечаю, что в комнате еще и женщина с девочкой.

Женщина – просто шик: высокая, длинные светлые волосы, зачетные титьки.

– Привет, ты соседка Стеф? – спрашивает Нэт, а я тем временем приглядываюсь к девочке. Ничего так... Полные губы, блондинка, волосы длинные. Больше, впрочем, оценить не могу; на ней одежда на три размера больше, чем нужно. Подол мешковатой юбки касается пола. Да-а, жизнь в универе для нее малиной не станет.

Зацените: она смотрит себе под ноги и жутко нервничает. Да что с ней такое?

– Э-э... да. Меня зовут Тесса, – бормочет она до омерзения тихим голоском.

Стеф хитро улыбается и, не сводя с девочки взгляда, присаживается на кровать.

Нэт из нас двоих самый приветливый. Он улыбается.

– Я Нэт. Расслабься.

Не вижу смысла болтать, особенно с этой серой мышкой. Она во все глаза уставилась на Нэта, а он кладет руку ей на плечо.

– Тебе здесь понравится, – обещает он.

Вот ведь говна кусок.

Полным ужаса взглядом новая соседка Стеф осматривает постеры на стенах. Хуже пары для Стеф не придумаешь. Тихоня, робкая, всего боится. Ей еще повезло, что у меня сегодня хорошее настроение, иначе ощутила бы себя куда неуютнее.

– Я готова, парни, – сообщает Стеф, вскакивая с кровати. Накинув на плечо ремешок сумочки, идет к двери. Блондинчик – должно быть, брат новенькой – смотрит на меня, а я сердито смотрю на него в ответ.

– Еще увидимся, Тесса. – Нэт машет девочке рукой, а она тем временем пялится на колечко у меня в брови, на кольцо в губе, потом на татухи. Женщина и паренек заняты тем же.

В чем дело? Наколок не видели? Так и хочется сказать это вслух, однако тут замечаю, что дамочка не так уж и хороша, одежда на ней куда симпатичнее. Значит, можно и побыть паинькой. Пока что.

В коридоре мы слышим вопль женщины: «Найдем тебе другую комнату!»

Стеф взрывается смехом, и мы с Нэтом – с ней за компанию.

Утром на первую пару идти неохота, и я отправляюсь в комнату Стеф. Она еще, наверное, спит, но мне скучно, а Стеф из всех моих друзей живет ближе к корпусу универа, в котором у меня вторая пара. На ходу пишу эсэмэску: иду, мол, к тебе, – и даже не жду ответа.

В коридоре старого здания пусто, за исключением разве что опаздывающих на занятия: эти несутся сломя голову, прихватив стопки учебников. Осторожно стучусь в дверь, чтобы нашу мисс Я-Сама-Гордость не постиг разрыв сердца, и открываю замок ключом, который мне сама же Стеф и дала.

Чтобы не заснуть на паршивом матрасе у Стеф, листаю кабельные каналы: какой-то нудный «доктор» дает уроки семейной жизни для слабоумных... Дверь открывается, и в комнату влетает соседка Стеф – завернутая в мокрое полотенце, длинные волосы липнут к лицу. Мне почти что смешно. Глаза у нее от удивления лезут на лоб, а я в это время выключаю телевизор и смотрю на этот образчик женского вида.

– Э-э... а где Стефани? – чуть ли не пищит она.

Я молча улыбаюсь.

– Ты что, не слышал? Я спросила: где Стефани? – спрашивает девчушка уже тише, учтивее.

Улыбка моя становится шире.

– Без понятия, – говорю.

Она беспокойно ерзает на месте. Так сильно впилась в края полотенца, что того и гляди порвет его. Снова включаю телевизор и сажусь.

– Ладно... Ты не мог бы... это... выйти? Я бы оделась.

Ну уж нет, никуда я не пойду. Только-только устроился на кровати. Перекатившись на бок и саркастично прикрыв глаза ладонями, говорю:

– Не льсти себе, на тебя я смотреть не стану.

Много же она о себе думает. Сейчас все брошу и стану за ней следить!

Хотя... пожалуй, что и стану. Под полотенцем угадываются чертовски аппетитные формы.

Слышу, как она снует по комнате, спешно надевает лифчик, пыхтит. Нервничает, торопится одеться. Хотелось бы увидеть ее лицо, прикола ради. Открыть глаза, позлить ее. Но я сегодня добрый. К тому же мне еще с ней предстоит общаться, к чему лишние ссоры.

– Ты уже все? – закатываю глаза, не отнимая рук от лица.

– Прояви хоть капельку уважения! Я тебе ничего не сделала. Что с тобой такое? – кричит она.

Ни фиги себе! Эта замухрышка еще и огрызаться умеет? Ржу не могу.

Открывается дверь, и входит Стеф в платье, в котором еще вчера ушла на тусу.

– Прости, я опоздала, – стонет она. – Сраное похмелье.

Закатываю глаза. Похмелье у нее... Когда это она с бодуна не страдала?

– Прости, Тесс, забыла предупредить, что придет Хардин. – Она пожимает плечами. Типа ей не все равно.

– Ну и грубиян же твой парень, – выдает блондинка.

Тут меня снова прорывает, и я ржу. Стеф смотрит на меня, выгнув брови.

– Хардин Скотт не мой парень! – восклицает она и тут же начинает давиться от смеха.

Да, мы с ней трахаемся, но не встречаемся.

Я ни с кем не встречаюсь.

– Что ты ей такого сказал? – Стеф, подбоченившись, смотрит на меня. Как ни пыжится, грозный вид ей не дается. Она оборачивается к соседке. – У Хардина... уникальная манера беседовать.

Беседовать? Я ни с кем не думал беседовать. Пожав плечами, снова принимаюсь листать каналы в поисках какого-нибудь бессмысленного дерьма.

– Сегодня будет еще туса, тебе стоит прийти, Тесс, – говорит Стеф.

Ну да, конечно. Придет эта чикса, как же. Чтобы не заржать, я зубами прикусываю серьгу в губе. Смотрю в экран телевизора.

– Вечеринки – это не мое. К тому же мне нужно кое-что купить для стола и стен.

– Да ладно... всего одна туса! Теперь ты в универе, один раз потусить не грех, – чуть не умоляет соседку Стеф. – Постой, а как ты в магазин собиралась отправиться? У тебя же вроде нет машины?

– На автобусе. К тому же я не могу пойти на вечеринку, я там никого не знаю, – отвечает блондинка. Я снова смеюсь. – Я думала почитать и созвониться по «Скайпу» с Ноем.

Ну да, в магазин съездить – та еще веселуха. Она, поди, в магазины ходит с Определенной Целью. У нее это на лице написано. А еще свидание по «Скайпу»... Пипец, она своему недопарню, наверное, щиколотку покажет, и он уже кончит.

– Нечего на автобусах ездить! В них по выходным не протолкнуться.

Хардин тебя отвезет... Верно, Хардин?

Стеф смотрит на меня.

Ага, счаз-з-з. Никуда я никого не повезу.

– Заодно познакомимся поближе на тусе, – продолжает Стеф. – Просто приходи, ладно?

– Ну, даже не знаю... Я не хочу ехать в магазин с Хардином, – ноет несносная девка.

Переворачиваюсь на бок и улыбаюсь ей и Стеф. Они меня пипец как достали.

– А я-то надеялся прокатиться с тобой! – говорю. – Брось, Стеф, сама знаешь: эта девочка ни за что не придет на тусу.

Мимоходом замечаю, как здорово белая футболка на девочке облегает титьки и бедра. Лучше бы она всегда так одевалась, чем в дурацкие длинные юбки.

– Вообще-то, я приду, – внезапно заявляет она. Тесса, если не ошибаюсь. Да, точно, ее зовут Тесса.

Тут же раздаются радостные визги и пiski, девчонки обнимаются, а значит, мне пора валить.

– Ура! Гарантирую: ты оттянешься по полной! – обещает новенькой Стеф.

* * *

Еду обратно в кампус и высиживаю все до последней пары. Потом приходит эсэмэс от Нэта: они с Тристаном ждут меня в «Слепом Бобе». Еду. Включаю музыку погромче, опускаю окно со своей стороны. Подростком я считал всех, кто так ездит, выпендренниками, но теперь просек фишку. Иногда просто хочется отгородиться от мира, и в этом помогают музыка и книги. У всех свои рецепты.

Шум эффективен, когда я хочу тишины.

Даже лучше, чем пятый стакан «Джека», наверное. Мама, орущая в трубку телефона посреди ночи, подтвердила бы.

– Чего так долго? – спрашивает Тристан, надкусывая гамбургер, с которого на тарелку падает половина топинга.

– Сплошные козлы на дорогах, – отвечаю, присаживаясь рядом в кабинке. Официантка, которая нас обычно обслуживает, кивает при виде меня и сразу же подносит стакан воды.

– Все еще в завязке? – спрашивает Нэт, отхлебывая пива.

– Прикинь, да. – Отпиваю воды, стараясь не думать, как здорово было бы хлебнуть ледяного пивандрия.

– Молодец, чувак. Самоконтроль – это офигенно круто.

Мне становится неуютно.

Тристан ржет и утирает подбородок салфеткой.

– Самоконтроль? Прошлой ночью Молли выкрикивала твое имя.

– Так он же от спиртного воздерживается. А чиксы – не, про них речи не идет. – Нэт тоже смеется, пихая меня плечом. Ну и хорошо, что сменил тему, а то я уже готов был обидеться.

Под конец Нэт начинает проситься за руль. Он выпил всего одно пиво, а мне вести что-то не хочется, и я соглашаюсь. При условии, что он заберет Стеф и ее соседку.

– Она мне телефон оборвала, жалуется, что ты ей не отвечаешь, – сообщает Нэт, когда мы выезжаем с парковки.

– Час назад обещал подбросить, – закатываю глаза.

Стеф, когда захочет, кому угодно мозг вынесет.

– Я сказал, что мы уже едем. Круто, что эта новенькая, Тесса, тоже придет, – говорит Нэт и приспускает окно со своей стороны.

– Круто?

– Она симпатная и должна чаще выбираться в люди. Стеф говорит, типа ее парень для нее – единственный друг на свете и вообще...

– Парень? Хочешь сказать, у этой матери Терезы есть парень? – усмехаюсь я. Погодите-ка... блондинчик, что заходил к нам в общагу. Они с Тесс больше походили на брата с сестрой. Это с ним она по «Скайпу» созванивается? Сто пудов, они полностью одеваются, а потом еще сверху свитера накидывают, для дополнительной защиты.

– Да, он приходил с ней, мажорик.

– Кто бы мог подумать, – смеюсь я и прибавляю звук. Тесс и ее высокомерному парню с модельной внешностью музыка явно не понравится. Прибавляю громкости еще больше.

Когда подъезжаем к общаге, у меня жужжит телефон. На экране – имя Молли, и я сбрасываю.

– Дамы, – приветствует Нэт девчонок, когда те садятся к нам. Стеф надела похожее на сетку платье, а подружка нацепила нечто вроде бордового мешка. Не понимаю, я же видел контуры ее приличной фигурки под полотенцем – на фигу таскать такое бесформенное дерьмище?

– Мы ведь на вечеринку собрались, а не в церковь, ты в курсе, Тереза? – говорю я, когда она забирается в салон.

– Не называй меня Терезой, пожалуйста. Я предпочитаю «Тесса», –

сдержанно просит она.

Я прочел много книжек и знаю, что ее полное имя – Тереза. Похоже, нашу целочку это сильно задевает.

– Не вопрос, Тереза, – отвечаю с издевкой. По дороге я то и дело смотрю в зеркало заднего вида. Нужный нам корпус общаги близко, поэтому неловкая тишина надолго не затянется. Наконец Нэт останавливается на парковке позади ряда машин.

Тереза пыхтит и закатывает глаза.

– Какой большой дом... сколько там народу собралось? – спрашивает она. Нет бы на парковку взглянуть: все сразу ясно.

– Под завязку. Торопись, – говорю, закрывая дверь машины. Тесса так и сидит, пораженная, а я иду дальше, через двор, к дому.

Он с самого начала, с первой встречи, когда она его осадила, знал: его чувства к ней – нечто новое. Он сам не понимал... понятия не имел, что пламя внутри нее будет гаснуть по мере того, как он совершает ошибки. И очень часто, оставаясь наедине с собой, он вспоминает те дни, когда пламя в ней еще бушевало. Когда ее голос и поступки наполнились страстью, от которой воздух между ними дымился. Стоило бы знать заранее, что такая страсть приведет к разрушению, к тому, что душа девушки сгорит, дух ее развеется, отняв у него любимую, без которой он не мог – да и не может – дышать. Что он будет смотреть, как она уходит от него в последних клубах серого дыма.

* * *

Проталкиваюсь через группу пьянящих придурков. Те играют в какую-то игру с напитками, в надежде убить время и отчаянной попытке влиться в коллектив. Меня тошнит от вида их красных глаз и тупых ухмылок. Один за другим они одаривают меня презрительными взглядами, а сами бросают пластмассовые шарики в стаканы с пивом и тостуют, как будто выиграли какую-нибудь медаль за полное опьянение с дешевого пойла из общей посуды.

В переполненном людьми коридоре нахожу Стеф. Ее «хвостик» совершенно потерян – блондинка смотрится неуместно в этом море кочующих тел. Ей в руки суют напиток, и она вежливо улыбается, хотя – по глазам вижу – пить не хочет. Впрочем, красный стаканчик к губам подносит.

Вот сюрприз так сюрприз.

– Приве-е-ет, Земля вызывает Хардина! – Сквозь шум пробивается голос Молли. Уперев руки в бока, она зло глядит на Стеф и Тессу.

– На что это ты уставился? – напряженно спрашивает она.

– Ни на что. Не твое дело. – Иду дальше, поднимаюсь по лестнице на свой этаж. Позади бряцают драгоценности. Оборачиваюсь. Молли смотрит на меня щенячьим взглядом. – Ты что-то хотела?

Откинув с плеча розовые пряди, она жалуется:

– Мне скучно.

– И?.. – Достав из заднего кармана джинсов телефон, утыкаюсь в дисплей. Лишь бы ее не слушать.

Молли догоняет меня и хватает за руку.

– Развлеки меня, козел!

Платье на ней – одно название, открывает взгляду все, что я и так уже видел. Картина мне нравится. Улыбка Молли становится шире, ногти впиваются мне в кожу.

– Ну давай. Ты когда последний раз трахался?

Вот бесстыжая. Люблю ее такой.

– Если считать отсос, что ты мне сделала два дня назад...

Она не дает мне договорить – лезет целоваться. Я отстраняюсь, она напирает.

А впрочем, фиг с ней. Не так уж она и плоха, к тому же альтернатива куда хуже. Например, тусить всю ночь со Стеф и Паинькой Терезой. Так и уснуть недолго.

Молли уводит меня в последнюю справа комнату. Она уже знает, что ко мне лучше не соваться, ко мне вход заказан. Закрыв за собой дверь, Молли кидается на меня. Губы у нее горячие, липкие от блеска.

Прикосновения – с ней или другой девчонкой – позволяют бежать от мира. Сам контакт мне не особенно важен, но, когда мозг выключен, становится проще. Только в эти бурные мгновения я хоть что-то да чувствую.

Молли подводит меня к кровати, ложится на меня всем телом, трется о мою ногу. Схватив ее за розовые пряди, отдергиваю от себя.

– Нет, – говорю.

Она стонет и ноет, как и всякий раз, стоит напомнить ей, чтобы не лезла сосаться.

– Ну и козел же ты, – жалуется она, а сама тем временем садится мне на живот.

Внезапно открывается дверь, и Молли замирает, оборачивается. Я приподнимаюсь на локтях.

– Тебе помочь? – грубым и нетерпеливым тоном спрашивает Молли. Она распалилась, ей хочется.

В дверях, разумеется – а как же иначе?! – Тесса, соседка Стеф. Вид у нее еще более смущенный, чем у нас с Молли, вместе взятых.

– Ой... нет. Простите, – шепчет она. – Нет, извините, я просто туалет искала. Меня тут облили.

Она смотрит на пятно у себя на платье, словно предъявляет нам доказательства. Уж больно много она вниз смотрит.

– Вот иди и ищи туалет, – с издевкой произносит Молли и машет рукой.

Тесса пулей вылетает за дверь.

Молли присасывается к моей шее, а я смотрю на дверь – вижу под ней тень Тессы. Она что, подслушивает? Офигеть! Наконец она уходит, а Молли тянется к моей ширинке.

– Господи, как эта девчонка меня бесит.

Странно слышать такое от человека, которого не больно-то любят.

– Может, стоило и ее к нам пригласить? – пожав плечами, спрашиваю я.

Молли морщится.

– Фу, нет. Бьянку или Стеф – еще куда ни шло, но лохушку Тессу? Она некрасивая и почти вдвое больше меня.

– А ты, стерва, точно знаешь? – качаю я головой. – У Тессы вообще-то клевое тело – мужикам такое нравится. Я бы сам ее съел в один присест, если бы она только уняла гонор.

– Да мне по фигу. Тебе просто ее сиськи понравились, – говорит Молли и снова присасывается к моей шее.

– Она мне не нравится, – спешу отмазаться я.

– Может, и не нравится. – Молли заглядывает мне в глаза и лукаво улыбается. – А все равно ты бы трахнул.

Она кусает меня за подбородок, хватает за член, продолжает тереться.

– Хватит болтать.

Провожу пальцами у нее между ног, и Молли стонет, уткнувшись лицом мне в шею. Я отдаюсь наслаждению. Молли ни за что не признает, но она очень сильно похожа на меня. Она, как и я, бежит от собственных мыслей в мир физических ощущений. Ее дни так же бледны и тоскливы. Чувствую, досталось ей крепко.

Запускаю пальцы в Молли, и она содрогается всем телом. Я-то уже знаю, как заставить ее кончить быстрее. С ее губ срывается стон и имя «Лу», и она спешит исправиться, зовет меня.

Лу? Какого хрена? Неужто Логана вспомнила? Лу – его прозвище. Мне смешно, еле сдерживаюсь. Молли знает, что Логан со мной и рядом не стоял.

Мне плевать. Я пользую ее, она пользуется меня – мы квиты. Мысленно возвращаюсь к вечеринке внизу. Интересно, с кем успела поругаться соседка Стеф? Она штучка эмоциональная. С виду хрупкая, а на деле та еще крикунья и скандалистка.

Молли стягивает с меня джинсы. Ее теплые губы смыкаются на моем

члене, и я закрываю глаза.

После она утирает распухшие губы. Ни один из нас не произносит ни слова. Молли приспускает подол платья, типа прикрывая бедра.

Я еще несколько минут валяюсь на кровати и гляжу в потолок, потом наконец выхожу в коридор. Туса продолжается; народу прибывает. Мимо проходит группа из трех девчонок – они держатся за руки.

– Девчонки, вы мои лучшие подруги, – говорит самая низкорослая.

Одна из них, в синем свитере, бредет, спотыкаясь. Глаза у нее налиты кровью и слезятся.

– Я вас обеих люблю! – говорит она.

Ох уж мне эти пьяные девки, плачут и всем признаются в любви...

В дальнем конце коридора примечаю Логана. Криво усмехаясь, он держит в руках по стакану. Один предлагает мне, я молча отказываюсь.

– Тут вода, – говорит он.

Приняв «угощение», принохиваясь к нему.

– Эм-м... спасибо. – Делаю глоток холодной воды, не обращая внимания на немой укор в глазах Логана.

– Тут яблоку негде упасть, – говорит друг, морщась и откашливаясь. – А дешевая водка дерет горло.

Я молчу. Мы идем к лестнице.

– Кстати, я видел, как Тесса зашла к тебе в комнату, – говорит Логан у меня за спиной, и я оборачиваюсь.

– Что ты сказал?

– Она и Стеф зашли к тебе. Стеф поплохело, она блюет в тубзике.

– Чего ей у меня в комнате понадобилось? – повысив голос, спрашиваю я. Дверь была закрыта, это точно. Ко мне в комнату никому нельзя, даже поплевать в туалете. Тем более, если плохо – нечего там на мои вещи кишки выворачивать.

– Не знаю, – пожимает плечами Логан. – Я так сказал, на всякий случай.

Он исчезает в толпе, а я иду в комнату. Стеф могла бы предупредить свою соседку о запрете.

В гневе врываюсь к себе и возле книжных полок застаю Тессу. Она держит в руках потрепанный экземпляр «Грозового перевала». Вид книги выдает, что я чаще других читаю именно ее.

– Ты какого черта здесь делаешь? – спрашиваю Тессу.

Она, даже глазом не моргнув, закрывает книгу.

– Тебя спрашиваю: какого черта ты здесь делаешь? – все так же грубо повторяю вопрос. Подхожу и забираю книгу, возвращаю на полку. Тесса

так и стоит возле кровати, смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– Нэт сказал отвести Стеф сюда... – наконец отвечает она шепотом и указывает на Стеф. Та развалилась у меня на кровати. Офигеть. – Она перепила, и Нэт сказал...

С меня хватит.

– Ты уже говорила, – спокойно перебиваю ее.

– Ты тут живешь? – спрашивает Тесса с любопытством и легким укором. Не то чтобы я удивлен. Высокомерные мажорики вечно меня осуждают, хотя вот эта девчонка вряд ли из богатеев. Платье у нее, скорее, их секонд-хенда. Странно...

– Ну да, и что? – Делаю шаг к этой любопытной штучке, и она пятится, задевая на ходу шкаф. – Чему ты удивляешься, Тереза?

– Хватит называть меня Терезой!

Сварливая.

– Это твое имя, разве нет?

Она со вздохом отворачивается. Пытается выйти из комнаты, а я смотрю на кровать.

– Ей здесь нельзя оставаться, – говорю. Стеф не останется спать на моей кровати.

– Почему? Вы ведь друзья.

Как мило... и наивно.

– Друзья, да, но у меня в комнате никто не ночует. – Скрестив руки на груди, присматриваюсь к Тессе, а она разглядывает мои татуировки. Мне нравится, как она на них смотрит. Это возбуждает. Тесса заинтригована.

– О-о... – произносит она, как будто вынырнув из задумчивости. – Понятно! То есть ночевать у тебя может лишь та, кто с тобой спит.

Я невольно улыбаюсь такой дерзости. Ох уж эта малявка! Длинные белокурые пряди и скрытые под жуткой хламидой аппетитные формы... Что-то в этой девчонке раздражает меня еще больше, чем в Стеф и даже в Молли. Что-то, что задевает куда глубже. Она неким образом умудряется быстро влезть ко мне в душу. Так дело не пойдет.

– Если хочешь переспать со мной, то извини, ты не в моем вкусе.

С улыбкой наблюдаю, как ее перекашивает от смущения и гнева.

– Да ты... ты...

Мне вдруг становится неуютно.

– Тогда... – говорит Тесса, – перенеси ее в другую комнату, а я вернусь к себе.

Я?! Она так самоуверенна, что с каждой секундой бесит меня все сильнее.

Она ведь не бросит Стеф здесь? Не бросит же?.. Тесса открывает дверь и выходит в коридор.

Черт, а у нее характер покрепче, чем я ожидал. Это даже слегка впечатляет.

– Спокойной ночи, Тереза! – кричу ей вслед, пока она не захлопнула дверь.

Окидываю комнату беглым взглядом: вдруг она еще что-то здесь трогала. В глаза бросается зеркало. Точнее, человек в отражении. С трудом узнаю его, потому что сам не знаю, в кого превратился за последние годы.

И уж совсем непонятно, откуда у меня на губах эта придурочная улыбка?

Мне не впервой с зазнабами на таких тусах собачиться, но сейчас перебранка понравилась мне больше обычного. Почему? Из-за новенькой? Она не из тех, на кого я обычно охочусь, однако забавляться с ней тоже прикольно.

Снизу доносится шум. Стеф у меня на кровати, и делать нечего: придется позвать Нэта, чтобы вынести ее отсюда... и, наверное, бросить в коридоре. Уверен, Стеф спала в местах и похуже. У меня из головы все не идет Тесса, то, как она упрямо подбоченилась, пока спорила со мной, не желая уступать.

Выхожу в коридор и ловлю первого попавшегося новичка, уговариваю помочь перенести Стеф в другую комнату. Жду для верности, пока он потом выйдет, – чтоб не остался с пьяной Стеф в пустой спальне – и только потом возвращаюсь к себе.

Проходя мимо туалета, слышу дикие вопли. Это Тесса, я теперь ее голос где угодно узнаю.

– Да нет... Я пошла на вечеринку с соседкой и застряла в общежитии. Тут спать негде, а домой не вернуться.

Она уже плачет. Надо бы пройти мимо, нет ни сил, ни даже слабенького желания общаться с этой гиперчувствительной ревой.

– Она же...

Тесса всхлипывает, и ее слов не разобрать. Прижимаюсь ухом к двери.

– В том-то и дело, Ной...

Дергаю за ручку двери. Сам не знаю зачем, так что, наверное, оно и к лучшему, что дверь заперта.

– Минутку, – громко и раздраженно просит Тесса.

Стучусь.

– Говорю же вам, погодите!

Распахнув дверь, она видит меня, и глаза у нее чуть не вылезают из

орбит. Тесса вылетает из туалета, и я отворачиваюсь, но тут же нежно ловлю ее за руку.

– Не трогай! – вырывается Тесса.

– Ты что, плакала? – спрашиваю, хотя ответ и так уже знаю.

– Оставь меня, ладно, Хардин? – Голос у нее усталый. С кем она говорила по телефону? Со своим парнем?

Хочу уже отколоть остроту, но Тесса вскидывает руку.

– Прошу тебя, Хардин. Умоляю. Если в тебе есть хоть капля достоинства, оставь меня в покое. Промолчи, какую бы гадость ты ни хотел сказать. Очень прошу.

Ее серо-голубые глаза блестят от слез, и пришедшая мне в голову грубая шуточка внезапно становится неактуальна.

– Дальше по коридору есть пустая комната, можешь устроиться в ней. Мы там оставили Стеф.

Она смотрит на меня так, словно у меня выросла еще голова.

– Хорошо, – выдавливает наконец Тесса.

– Третья дверь слева, – говорю я и отправляюсь к себе. Хочется как можно быстрее убраться от этой девчонки подальше. – Спокойной ночи, Тереза.

Закрывшись, приваливаюсь спиной к двери. Голова идет кругом. Что-то со мной не так... Ну, Логан, держись, если ты что-то подсыпал мне в воду.

Хватаю с полки «Грозовой перевал», открываю на середине. Из всех героинь литературы, что мне попадались на страницах прочитанных книг, Кэтрин – самая стерва. Ума не приложу, как Хитклифф мирился с ее закидонами?

Да, он и сам не подарок, но Кэтрин – в разы хуже.

* * *

Вижу сон: Кэтрин – или, скорее, ее блондинистая версия помоложе – спотыкаясь, входит в здание колледжа. Внезапно раздается крик моей матери, и я, весь мокрый от пота, просыпаюсь. Резко сажусь на кровати и включаю свет.

Когда уже эта фигня закончится? Столько лет меня мучает.

Еще несколько тревожных часов я пялюсь в потолок и стены, потом иду в душ, а после – на кухню. Беру там мусорный пакет, решив хоть раз сделать доброе дело. Может, если помогу людям, мне в награду достанется

целая ночь спокойного сна?

Тесса еще не уехала. Она на кухне, облокотилась на стойку и смеется.

– Что смешного? – спрашиваю, смахивая в мешок пустые стаканчики.

– Ничего... Нэт тоже здесь живет? – спрашивает Тесса.

Делаю вид, что не слышу ее.

– Нэт здесь живет? – громче переспрашивает она. – Чем скорее ответишь, тем скорее я смогу отсюда убраться.

– Вот теперь я весь внимание. – Подхожу к ней, такой раздраженной, собираю со стойки мокрые бумажные полотенца. Улыбаюсь. – Нет, он здесь не живет. По-твоему, Нэт похож на того, кто живет в общежитии?

– Нет, но и ты не похож, – насмешливо фыркает Тесса.

Молчу. Черт, ну и срач тут развели.

– Здесь поблизости автобусные остановки есть? – Она по-детски топает ножкой, и я закатываю глаза.

– Да, примерно в квартале отсюда.

– Где именно, не скажешь?

– Конечно: примерно в квартале отсюда.

Тесса такая вспыльчивая, что мне смешно.

Резко развернувшись на плоских подошвах балеток, она быстро уходит из кухни. Я смеюсь себе под нос, стараясь не обращать внимания на то, как усмехается надо мной Логан на другом конце кухни. Иду к нему, но на полпути меняю направление – чтобы подсмотреть за Тессой. Она направляется к Стефу.

– Не поедет ли на автобусе. Кто-нибудь из этих придурков нас подбросит. Он просто стебется над тобой, – говорит Стеф. Врывается в кухню, ни дать ни взять ураган «Катрина». Вокруг глаз у нее размазана тушь. (Тесса макияжем почти не пользуется.) – Хардин, ты же отвезешь нас обратно? У меня голова сейчас лопнет.

– Да, конечно, только минутку мне дай. – Бросаю мешок с мусором на пол. Тесс фыркает, и я усмехаюсь. Ее очень легко выбесить.

Тесса и Стеф дожидаются у машины. Ставлю одну из любимых композиций «Уор пигз». Опускаю окна и наслаждаюсь прохладой от встречного ветра.

– Может, закроешь? – просит Тесса с заднего сиденья.

В зеркало видно, как разметало ей по лицу волосы. Приходится закусить кольцо в губе, иначе заржу. Притворившись, будто не слышу жалоб, врубаю музон еще громче.

Наконец увеселительная поездка закончена; девчонки выбираются из машины, и я говорю им вслед:

– Стеф, я чуть попозже загляну. – Сквозь подол ее платья проглядывают трусики, но в этом, надо думать, и прикол платьев-сеточек. – Пока, Тереза.

Я улыбаюсь, а она закатывает глаза. Сменяю и уезжаю прочь.

Как-то ночью, через несколько месяцев после встречи с ней, он перевернулся на бок и обнаружил ее рядом с собой на кровати. Она лежала, закинув на него ноги. Такого он прежде никогда не испытывал: боль ушла, зато разум и сердце словно пели. Хотелось разбудить ее, покаяться этом ангелу в грехах, но в этот миг она проснулась... и он не нашел в себе сил.

Он был трус и лжец. Оставалось надеяться, что она сумеет пощадить его. Поморгав немного, она обернулась, посмотрела на него, и он ощутил на себе сокрушительную тяжесть. Нельзя было разрушать образ, который она создала у себя в голове, однако он боялся за будущее: с детства он знал, что рожденная во тьме ложь на свету превращается в ужасную правду.

* * *

Я проспал всего три часа и проснулся от звуков смеха и собачьего лая. В принципе, я и так мало сплю, но немного тишины в коридорах пришлось бы очень кстати. Особенно если учесть, что сегодня понедельник и у меня скоро занятия... Проверяю время по мобильному – 8.43.

Твою мать.

Осталось меньше получаса, чтобы успеть на лекцию по литературе. И вообще, откуда в общежитии собака?!

Подобрав с пола черные джинсы, встаю и пытаюсь их натянуть. Меня шатает, я матерю тугие обтягивающие штаны. Ноги у меня чересчур длинные, чтобы носить мешковатые джинсы, в них я придурок придурком. Вчера я бросил ключи на пол, и вот приходится рыться в грязных вещах и вонючих носках. Черт, ну что за напасть!..

Иду по коридору, не обращая внимания на следы вчерашней гулянки. Логан машет мне рукой; под глазами мешки, в руке – баночка энергетика.

– Черт, я в говно, – стонет он, растягивая губы в улыбке. Как всегда. Не представляю, каково это – постоянно быть счастливым, как он. Даже с похмелья. Я бы не справился.

– Это ты круто придумал – не пить. – Подойдя к холодильнику, он достает полгаллона молока и пьет прямо из канистры.

– Нормально. – Глядя на него, качаю головой. Логан, улыбнувшись, отпивает еще. Постепенно кухня заполняется обитателями общежития. Хватаю

со стойки кусок пиццы – реликт вчерашнего пьяного решения заказать десять пицц в четыре утра.

Выходя из кухни, слышу, как Нил спрашивает у народа: мол, как насчет вечером, перед тусой, забуриться в какой-нибудь ресторан? Меня вряд ли пригласят – никогда не приглашают. Меня вообще не застать в кругу придурков, у которых на голове больше геля, чем волос; разве что на вечеринке вроде вчерашней.

Мать вечно распекала меня из-за того, что я не умею заводить друзей. Она просто фишку не рубит. Это ведь ни разу не просто и даже близко не весело. Зачем искать одобрения тех, кого я терпеть не могу? Чтобы повысить чувство собственной важности? Мне друзья в хрен не уперлись. У меня есть узкий круг людей, которых я более-менее могу выносить, и этого достаточно.

Стоянка у кампуса переполнена, приходится подрезать одного растяпу, чтобы занять его место.

Профессор уже вовсю разглагольствует, когда я вхожу в аудиторию. Оглядевшись в поисках свободного места, примечаю в переднем ряду девчонку. Длинные белокурые пряди выглядят знакомо... еще и юбка до пола. Да это же Тесса, пуританочка наша, соседка Стеф! Сидит рядом с Лэндоном Гибсоном. Ну точно, Тесса. Вот приколы: она в одной аудитории со мной, и единственное свободное место – рядом с ней. Денек задался.

Пока иду к ней, она оборачивается – и глаза у нее лезут на лоб. Тесса лихорадочно озирается по сторонам, а я по-быстрому подсаживаюсь. Тесса делает вид, что меня нет. Ожидаемо. На ней синяя рубашка, застегнутая под горлышко, на два размера больше. Волосы собраны на затылке.

Телефон у меня в кармане начинает жужжать.

Эсэмэс от моего спермодонора: «Карен готовит отличный ужин. Приходи».

Он что, гад, с ума сошел? Перевожу взгляд на Лэндона; он – так уж получилось – сын Карен. Сидит такой в рубашечке поло, свеженький.

Да не приду. С фиги ли мне соваться в папашин новенький дом, где он живет с подружкой и Лэндоном? Идеальным маленьким Лэндоном, который обожает спорт и целует всем зад, лишь бы стать самым милым и уважаемым мальчиком.

Ну его в задницу.

Жду, что мой дорогой братишка Лэндон что-нибудь скажет. Он молчит. Вот тебе, папа, и объединение семьи.

– Думаю, это будет мой любимый предмет, – говорит Лэндону Тесса после занятия.

Как ни странно, это и мой любимый предмет, если не считать, что я отсиживаю пары чисто прикола ради.

Поняв, что я следую за ними, Тесса оборачивается.

– Чего тебе, Хардин?

О, сработало.

Улыбаюсь ей невинной улыбкой, словно и не думаю ее злить.

– Да так, ничего. Просто рад, что у нас с тобой общие предметы в программе.

Мои слова так и сочатся сарказмом, в ответ на который Тесса закатывает глаза. Я плююсь на нее все занятие; мне по кайфу, как она ерзает или пыхтит от раздражения. Класс! Пара заканчивается быстрее, чем хотелось бы, и Тесса спешит собрать вещи до того, как профессор распустил нас. Ну уж нет.

Вскакиваю на ноги, готовый преследовать Тессу и Лэндона до самого выхода из здания универа. Я еще не навеселился. В коридоре Лэндон оборачивается к Тессе. Под нашими взглядами Тесса нервничает.

– Увидимся позже, Тесса, – говорит Лэндон. Мне – ни слова.

– Нашла с кем дружбу заводить, – дразню я Тессу, когда Лэндон сливается с толпой заблудившихся перваков.

Воображаю, как мамаша Лэндона и мой папочка радостно держатся за руки, типа, смотрите, как мы любим друг друга. От одной мысли, как мамочка Лэндона держит за руку моего папашу, Кена Скотта – он же Сраный Отец года, – меня передергивает. Не припомню, чтобы он хоть раз держал за руку мою мать.

– Не говори так о нем, он милый мальчик. Не то что ты, – отрезает Тесса.

Я оборачиваюсь к ней. Ого, как пылко она его защищает. Успела узнать Лэндона? А он ее?

Стоп, а мне какая хрен разница?

Задвинув этот вопрос поглубже, решаю еще немного позабавиться с Тессой.

– С каждой нашей новой беседой ты становишься веселее, Тереза.

Она ускоряет шаг, я догоняю.

– Еще раз назовешь меня Терезой...

Поджав пухлые губы, она пытается состроить злобную мину, но я, глядя в ее глаза оттенка серого, переходящего в бледно-голубой, расслабляюсь. Напряжение тает, и по спине пробегают мурашки.

Какое странное чувство. Гнать его! Прежде мне нравилось, как Тесса глядит на меня в попытке оценить и раскусить; теперь в ее глазах –

осуждение. Она смотрит на мои расписные руки, словно моя бабушка. Еще придирок не хватало.

– Хватит на меня пялиться!

Развернувшись, ухожу. Дыхание перехватывает. Как тогда, когда я выкуривал слишком много сигарет. Я больше не курю, завязал, – напоминаю себе, упираясь спиной в кирпичную стену, пытаюсь отдышаться.

Странная она, эта блондинка с самомнением.

* * *

Вся неделю – коту под хвост. Туса за тусой, шум и гам. А страдать – мне.

За неделю я, в общей сложности, спал часов двадцать, и сегодня просто нет сил. Голова гудит, перед глазами плывет. Ключи от машины не найти. Нервы на пределе, если кто докопается – побью.

Пока роюсь в вещах, раздается стук в дверь. Сперва я думал не открыть, но тут постучались еще раз – громче.

Открываю. На пороге – девчонка в джемпере с символикой универа. Глаза красные, щеки – румяные.

– Можно войти? – спрашивает она; руки у нее дрожат.

– Нет. Извини. – Захлопываю дверь прямо у нее перед носом. Секундой позже снова раздается стук в дверь. Черт возьми! Не знаю, кто эта чикса, но лучше бы ей свалить. Она все стучит и стучит, и я рывком распахиваю дверь.

На пороге – Нил, один из самых больших мудаков в общежитии. Светлые волосы на башке взъерошены, от него тащит пивом и мандой.

– Че надо? – спрашиваю, отходя в глубь комнаты и швыряя в него джинсами.

– Ты К-кэйдди не видел? – мямлит он.

– Кого?

– Та, с которой я был прошлой ночью. Ты ее видел?

Уж не та ли это красноглазая, что стучалась ко мне? Мотаю головой. Мне показалось, что она обкуренная.

– Она ушла и не вернулась. Забей. – Схватив с полки книгу, кидаю ею в Нила.

Тот стонет и, обозвав меня козлом, уходит.

Взбешенный, еду в кампус. Там продолжаю донимать соседку Стеф.

– Я весь в нетерпении. Столько хорошего слышал про этот предмет, – втирает ей Лэндон, когда я пристраиваюсь к ним в хвосте. Должно быть, они реально сдружились. Тесса отвечает тихим голосом, а Лэндон ей улыбается. Улыбка Тессы так и лучится теплом. Я отворачиваюсь.

Так они нравятся друг другу? У нее ведь есть парень, тот, модельной внешности. И у Лэндона телка имеется. Или он теперь свободен? Вон как на Тессу засматривается.

Где-то посреди лекции Лэндон выходит из аудитории, и Тесса отодвигается от меня подальше.

– На этой неделе у нас «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, – объявляет профессор Как-его-там. Тесса улыбается. Да не просто улыбается – лыбится от уха до уха.

Ну еще бы, чиксы обожают «Гордость и предубеждение». С ума сходят по Дарси.

Смотрю, как Тесса собирает вещи: огромный органайзер и кипа учебников (наверное, все учебники, доступные в нашей библиотеке). Притворяюсь, что задерживаюсь, но это чертовски трудно – если учесть, сколько Тесса копается.

Иду за ней следом. В коридоре говорю:

– Дай угадаю: ты без ума от любви к мистеру Дарси.

Грех не постебаться над ней.

– В него влюблена каждая женщина, прочитавшая эту книгу, – говорит Тесса, старательно не глядя на меня. На улице, на перекрестке она, прежде чем перейти дорогу, смотрит в обе стороны.

– Конечно, ты влюблена в него. – Я смеюсь и вдруг замечаю, что она уже почти перешла дорогу. Черт, вот ведь шустрая.

– Ты просто не в состоянии понять, чем привлекателен мистер Дарси, – пытается задеть меня Тесса.

В ночь смеюсь.

– Делать романтического героя из грубого и несносного существа? Это же глупо. Если бы у Элизабет была хоть капля мозгов, сразу его отшила бы.

Мисс Я-Сама-Гордость оборачивается и, к моему немалому удивлению, начинает хихикать. Невинно и искренне, как почти никто уже не умеет.

– То есть ты согласна, что Элизабет – дура? – дожимаю я.

– Нет, Элизабет – один из самых сильных и сложных литературных персонажей.

Она защищает Элизабет Беннет, как не стала бы защищать ни одна восемнадцатилетняя девушка. Меня разбирает искренний смех, и Тессу –

тоже, а смех у нее мягкий и легкий, как пух.

Какого хрена...

Я замолкаю и отворачиваюсь.

Тесса – странная.

– Еще увидимся, Тереза. – Покидаю ее, направляясь в другую сторону.

Мягкий и легкий? Как пух? Какого хрена?! Не смей так думать!

Иду к машине. В общаге сегодня очередная туса. Надо отвлечься и забыть этот бред, забурившись в тугую влажную...

Звонок телефона отвлекает меня от извращенных фантазий. Увидев на экране имя Джейса, отвечаю сразу же.

Давненько мы с ним не виделись, здорово, что он вернулся. У каждого в жизни есть такой человек, в обществе которого чувствуешь себя лучше. Джейс козел, первостатейный урод, спросите кого угодно, и вам подтвердят, но мы с ним круто оттягиваемся.

Чем ближе он к ней подбирался, тем глубже хотел ее изучить. Когда вдруг стало интересно, о чем она думает по утрам или как долго разогревается, он понял, что она – не просто очередная игрушка. Их отношения перестали быть игрой, хотя в некотором извращенном смысле он был рад использовать игру как предлог быть с ней как можно чаще. Он мог узнать ее лучше, не вызывая подозрений у приятелей.

Все – ради победы.

* * *

– На фиг ей опять приходить? – затягиваясь сигаретой, спрашивает у всех Молли.

– Тесса – соседка Стеф и по какой-то непонятной причине ей нравится, вот Стеф и таскает ее с собой, – объясняет Нэт.

– Она стерва. Охренительно наглая. – Я со стоном потираю голову. Тесса бесит меня, даже когда ее рядом нет. Молли, видимо, это нравится, и она тянется ко мне, но я успеваю отстраниться, прикинувшись, будто не понял ее намерений.

После обеда я трахал Молли, засаживал ей, думая о другой. Лапал ее бедра, полные груди. Она звала меня по имени. Потом я намотал ее розовые локоны на кулак, подумал о блондинке и сразу мощно кончил в презик. Молли потом очень гордилась, что дала мне разрядиться не в рот.

Знала бы...

– Зато она горяченькая, – добавляет Нэт.

Кто-то уже заметил, что Тесса – сексуальная?

– Горяченькая? Не, она не горяченькая, – через силу вру я.

– Она определенно секси, – на удивление уверенно заявляет Зед, проводя загорелой рукой по тщательно уложенным волосам. – Я бы трахнул ее без раздумий.

– Мечтать не вредно. Она пипец какая высокомерная. Ну кто, вообще, в колледже хранит девственность? – издевательским тоном замечает Молли.

Нэт смеется.

– И верно... а когда это вы с ней подружились и она раскрыла тебе

свои тайны?

– Мне? – сердито переспрашивает Молли. – Я бы с ней и говорить не стала, зато с ней общается Стеф. Вот она, по ходу, и подслушала разговоры нашей Принцессы с ее хахалем.

– Может, у нее хронический недотрах, потому она и стерва? – говорю я, отодвигаясь от Молли.

– Придется взять это дело на себя, – пытается пошутить Зед. Никто не смеется.

– Ну-ну... при всем желании ты не сможешь, – задираю я его.

– Типа ты сможешь. У меня шансов и то больше!

Да он шутит, по ходу! Или уже забыл о своей драгоценной Саманте?

– Я что-то пропустил? – спрашивает Джейс, опускаясь на бетонку.

– У Стеф соседка – снобиха, и Зед с Хардином спорят, у кого получится ее трахнуть, – чуть не рыча, вводит его в курс дела Молли.

Зед и правда думает, что Тесса станет с ним трахаться? Они все так думают? Козлы. Если она и правда чиста, то представляю, что с ней станет от самых простеньких ласк. Она извивалась бы подо мной, прося продолжения, а с Зедом она толком не кончит.

Но отдастся ли она ему? Будь мы с ним на равных, предпочла бы его Тесса?

– Знаешь, можем добавить немного перцу, – говорю я Зеду. – Ты как?

– Смотря какого перцу, – улыбается Зед.

– Гм-м... Выясним, кто из нас двоих первым ее трахнет.

На фига я это сказал?!

Другая часть меня отвечает: будет весело.

– Ну, не знаю... – тянет Зед. Я-то думал, он с радостью примет вызов, тем более что давно на меня дуется.

– Давай, ты ж не целка, не ломайся. Попросим Стеф, чтобы она притащила соседку на следующую тусу, подружиться с ней, – объясняю для всех. – Она молодая и наивная, делов-то, как два пальца обоссать.

Я и прежде такой трюк проворачивал: правда, ставки были другие и девки тоже, но игра есть игра.

– Идиотизм, – как обычно, пыхтит Молли. – Кому далась девственность какой-то там лохушки?

– Если ты так уверен в своих силах, даю тебе неделю, – говорит Джейс и, давась дымом, передает косяк Молли.

– Неделю? Чувак, она же суперстерва, и мы уже не ладим. Давай больше.

Они еще не знают, какая эта телка упрямая. Она груба и нахальна.

– Сколько? Две недели? Короче, распечатаешь ее за месяц, и я дам тебе пятихатку, – предлагает Зед, упираясь спиной в бетонную стену.

– Пять сотен баксов? – ахнув, переспрашивает Молли. Она шлюха в том смысле, что падка на внимание окружающих, и теперь ненавидит Тессу – та украла у нее пальму первенства.

– Накину три сотки, – говорит Джейс, сверкая покрасневшими глазами. – Итого восемьсот. Думаешь, справишься?

– Конечно, справлюсь. Надеюсь только, что она потом не сойдет с ума и не станет на меня вешаться.

Сижу и думаю: может, похвастаться, как я в прошлом такие пари выигрывал? Или не надо? Ладно, не буду. Поразительно, как легко возвращается моя фирменная ухмылочка, которую Марк, мой старый приятель из Хэмпстеда, называл «скрепляющей печатью». Она играет у меня на губах всякий раз, как я предчувствую победу. И вот я ухмыляюсь, глядя на Зеда и строя в голове план игры, пока остальные ждут, что меня кто-нибудь урезонит.

– Сомневаюсь, – хохочет Нэт и закуривает.

– Она на тебя не западет. Не такая она тупая, – сердито говорит мне Зед.

Джейс со смехом смотрит на меня.

– Ладно. Правда, потом понадобится доказательство победы.

Доказательство? Это нетрудно.

– Как насчет видео? – предлагает Джейс, упираясь спиной в стену. – Мне бы кое-какой материал пригодился.

– Не, – возражаю. – Слишком рискованно.

Это мы уже проходили, и повторов мне даром не надо.

– Уж поверьте, мои доказательства вы примете. – Глядя на Зеда, я снова ухмыляюсь. – Ни разу целок не распечатывал. Наверное, прикольно.

Изображаю улыбку и притворяюсь, что хочу спрятать ее за ладонью.

– Постойте, – вмешивается Молли. – Как вы, два придурка, собираетесь повернуть это дело? Где логика? Вы хоть с умом к этому подойдите, – раздраженно ворчит она и тянется к Нэту за зажигалкой.

– Кстати, да, – замечает Джейс. – Как насчет игры?

– Игры? – заинтригованно переспрашивает Зед.

– Типа правда или действие. Во-первых, чтобы вам, – Джейс поводит рукой между мной и Зедом, – не тратить время зря, мы можем позадавать ей вопросы о сексе и выяснить, что она и правда целка.

– Правда или действие? Ну, ты мне зубы-то не заговаривай, – со стоном говорю я. В такую хрень никто больше не играет.

– Глупая мысль. – Нэт качает головой, изобразив на лице презрение.
В эту игру разве что в младших классах играть станут.
– Вообще-то, идея нормальная, – говорит Стеф. – Тесса наивна и решит, что в колледжах так и развлекаются.
Все начинают смеяться и кивать головами. Болваны.
Я жму плечами. Делать нечего, соглашаюсь.
– Итак, правда или действие, – подводит итог Джейс.

* * *

Народу на тусу приперлось еще больше, чем на прошлой неделе; я, как всегда, трезв. Сидел у себя в комнате, пока внизу постепенно выкручивали регулятор громкости до предела, потом решил спуститься.

Брожу по гостиной в поисках Нэта, но застываю на месте при виде Тессы. Или мне кажется, что это Тесса? Она сидит на диване, совершенно иная: манящие серо-голубые глаза выделяются еще больше, подведенные маркером, как и аппетитные изгибы тела – под облегающим платьем.

Она очень сексапильная. Нельзя позволять ей догадаться об этом, но нельзя и не признать: она охрененно соблазнительна.

– Ты... изменилась.

Она встает с дивана. Бедра у нее... черт, я просто обязан их облапать.

– Наряд тебе идет, – со смехом говорю я, хотя и не думал стебаться.

Закатив глаза, Тесса дергает за уголок декольте, чтобы прикрыть офигенные груди.

– Странно тебя здесь видеть, – признаюсь я, продолжая есть ее взглядом.

– Я и сама себе удивляюсь: зачем снова согласилась прийти? – со вздохом произносит Тесса.

Не говоря больше ни слова, она уходит, а я еще думаю: идти за ней или нет? План у меня есть, и теперь, когда Тесса так преобразилась, я еще больше готов играть, но пока не время. Я позволяю ей затеряться в толпе.

Подхожу к стойке, облакачиваюсь на нее, и тут подваливает Молли.

– Ну, готов или нет? – раздраженно спрашивает она.

Злится и бесится, что лишилась моего внимания. Точно. Когда парни на нее смотрят, она чувствует себя нужной. Это я понимаю лучше кого бы то ни было.

– А ты? – выгибаю бровь.

Молли закатывает густо подведенные глаза.

– Попрошу Стеф заманить ее в гостиную, раз от тебя толку нет.

К тому времени, как я устраиваюсь на диване со стаканом воды в руке, Тесса присоединяется к нашей компании. Игра начинается, и я одновременно с возбуждением чувствую некоторую неловкость. Стараюсь не вспоминать о Натали, Мелиссе и прочих девчонках. Они не виноваты, что родились в таком обществе одновременно с козлами вроде меня.

– Сыграем в правду или действие? – предлагает Зед, и вокруг дивана собирается наша компашка татуированных. Молли пускает по кругу бутылку водки, и я отворачиваюсь. Пью воду так, словно она обжигает глотку не хуже спиртяги.

Стеф, Нэт, его сосед Тристан, Зед и Молли по очереди прикладываются к горлышку. Тесса следит за ними, однако к водке не прикасается. Вряд ли она алкоголик вроде меня. Скорей всего, просто пить не любит. Даже в колледже, даже на вечеринке.

– Давай, присоединяйся, Тесса, – улыбается ей Молли. Я знаю эту ее улыбку – и она не к добру. Поверить не могу, что мы собираемся сыграть в эту детскую хрень.

– Нет, не хочется, – говорит Тесса, рассматривая ногти. Зед слегка нервничает. Боится, наверное, что Тесса смотрит чаще на меня, чем на него.

– Чтобы сыграть, ей хотя бы ненадолго придется забыть о скромности, – поддеваю я Тессу. Все смеются – кроме Стеф. Меня она не одурачит, уж я-то ее знаю как облупленную.

Тесса постепенно сдается, готова сыграть. Я же наклоняюсь к Зеду и говорю ему:

– Будет просто. Можешь сразу засылать бабки.

Похоже, я не зря согласился на пари.

По итогам первых нескольких раундов Зед залпом осушает стакан с пивом, Молли показывает пирсинг в сосках. Тесса выпучивает глаза и заливается румянцем. Здорово! Невольно представляю себе ее титьки: полные, мягкие, с торчащими, украшенными штангами сосками.

– Правда или действие, Тереза? – спрашивает Нэт, продолжая игру. Ну наконец.

– Правда? – неуверенно произносит она. От меня не ускользнуло, что Тесса не стала поправлять Нэта. А стоит мне ее назвать Терезой, и она уже готова выцарапать мне глаза и скормить их своему бесхребетному бойфренду.

Нэт потирает ручонки, как будто мы заранее не договорились, о чем он станет спрашивать.

– Итак, ты... девственница? – говорит наконец он.

Глаза у Тессы становятся еще шире; она издает странный звук, как будто поперхнулась. Кошмар, позор, какое оскорбление! Посторонний спрашивает о таких интимных вещах!.. Шея и грудь у Тессы наливаются малиновым жаром. Она сучит пальцами, видимо, решая: облить Нэта бранью или смыться отсюда.

– Ну? – тороплю я ее, одновременно представляя ее обнаженной, подомной. Голосок у нее тихий, тонкий, и стонать она будет такими звуками, каких еще ни один трахаль не слышал.

Наконец невинная девочка быстро и молча кивает.

Мы все думаем об одном: эта милая хрупкая девочка только что стала лакомой добычей.

Тесса сама нам призналась: она – целка. Я, правда, и так это понимал. Она дрожать начинала, стоило с ней только заговорить. При мысли о том, что я стану у нее первым, покажу, чего она сознательно себя лишала, член напрягается. Взглядом раздеваю ее; мысленно прикасаюсь к гладкой коже, полным грудям, твердеющим соскам... Игра началась, и в моих жилах бурлит кровь. Жду не дождусь засадить Тессе.

Она теребит прядку волос, а я мысленно наматываю эти светлые пряди на кулак, притягиваю Тессу к себе, вставляю ей сзади. Я буду хлестать ее по заднице в надежде оставить следы. Она будет стонать, выкрикивая мое имя распухшими розовыми губками.

Поправляю штаны и снова смотрю на Тессу.

Она облизывает губы. М-м-м!

Много ли она членов попробовала? Кто-нибудь уже кончал ей в рот?.. Игра тем временем продолжается, и мы узнаем, что она в плане секса профанка. Придется многому ее научить.

Ошибки бывают разные, очень разные, и он совершил их все. Так запутался, что растерял всякое к ней уважение. Он любил ее и обожал больше жизни, но не мог признаться. Забывал об этом в самые нужные моменты. Он забавлялся с ней, играл, как малый ребенок, скрывая правду. Правду, которую спрятал, запер под замок полученного воспитания – ведь он сам не помнил, часто ли его в детстве обнимали и хвалили. Он не искал себе оправданий, просто не умел поступать иначе. Всегда винил других, не отвечал за свои слова и поступки. Ведь так много проще.

В конце концов, судьба его проучила.

* * *

– Действие, – говорю я, закатив глаза. Иного выбора от меня просто не ждали.

Пристально смотрю на Тессу: наша мать Тереза суетливо пытается придумать достойный вызов.

– Я... м-м-м... попробуй-ка...

Все ждут в предвкушении, что она такого попросит, а ведь она уже играет по нашей схеме.

– Давай, не томи, – тороплю ее.

Девочка еще не поняла, что за хищники ее окружают... так и сидит, молча, красноречиво охваченная паникой. Это всего лишь глупая забава для вечеринки, но Тесса – перфекционист, даже в таких мелких делах. Забавно наблюдать, как она страдает из-за пустяка. А еще у нее привычка жевать нижнюю губу, как у меня – теревить зубами серьгу.

На краткий миг представляю, как она берется за мою сережку губами. Возбуждает.

– Снять рубашку и не надевать до конца игры! – подсказывает Молли за Тессу.

Тесса заливается краской. Это уже тенденция.

– Детский сад. – Стягиваю с себя футболку. Тесса пялится на меня, да так пристально, что сама этого не замечает. Стеф пихает ее локтем в бок, и Тесса отворачивается, потупив взгляд.

Ну все, я, можно сказать, официально победил. У Зеда шансов нет.

Игра продолжается. Я сижу, обнажив торс, а Тесса пытается не смотреть на меня. Не могу понять, нравятся ей мои татухи или они ей противны.

Занятно.

– Тесса? – говорит Тристан. – Правда или действие?

Упершись руками в пол, откидываюсь назад.

– Зачем спрашиваешь? – говорю. – Мы и так знаем, что она выберет правду...

– Действие, – возражает наша упряmica. Поразительно, сколько воли в ее голосе. Еще секунду назад я не ожидал от нее такой смелости.

– Гм-м-м... Тесса, а ну-ка... выпей водки, – улыбается Тристан.

– Я не пью. – Она гордо выпячивает подбородок.

Так я и думал, но все равно рад услышать признание. Все только и ждут, чтобы накуриться; удивительно, что в компании есть кто-то, кто совсем не употребляет.

– Так в этом же суть игры, – напоминает Тристан. – Ты выбрала действие.

– Слушай, если не хочешь... – начинает Нэт.

– Ну и слабачка же она, – говорит Молли мне на ухо.

Слабачка? Потому, что пить не хочет?

– Ладно, один шот, – сдается Тесса. Вот так, запросто, наша мисс Я-на-то-и-это-не-пойду дает согласие.

Признаться, я слегка разочарован. Не знаю почему, но я решил, что она отличается от других. Не лезет из кожи вон, пытаюсь заслужить одобрение сверстников.

Выходит, я ошибался.

– Тоже действие, – говорит Зед и надолго прикладывается к бутылке, прежде чем ее передать. Меня бесит, что они будут пить из одной бутылки. Это реально противно.

Игра продолжается, все делают глоток за глотком, Тесса утирает с губ обжигающее пойло. Глаза у нее красные, в тон щекам. Даже когда она сидит, ее словно качает.

Тесса готовится выпить еще раз, и я сам не замечаю, как выхватываю у нее бутылку. Тесса и не противится. Неужто чувствует, что ей хватит?

Может, это для нее – первый глоток свободы? Тепличный цветочек, угодивший в злой мир паршивых людишек, которые пьют, лишь бы притупить боль от проблем, унаследованных от говенных родителей. Вдруг ее, как и меня, не замечали? Вдруг и ею родители не занимались? Однако, глядя на ее отутюженный воротничок, я понимаю: предки ни разу ею не

пренебрегали. Возможно, ее низкая самооценка – временна. Она хочет вырваться из-под колпака папочки с мамочкой, стать оторвой. Спокойно готова тусить с плохишами и напиваться в хламину.

Или наша компания просто умеет утягивать человека на дно.

– Тебе хватит, – говорю я и передаю бутылку Нэту, но Тесса перехватывает водку в последний миг и делает еще глоток. Облизывая губы, мельком усмехается. Скольжу взглядом по ее горлу; хочется разжать ей губы и выпить водку прямо у нее изо рта.

Гоню прочь эту мысль. Молли тем временем смотрит на меня и крутит у виска пальцем.

Может, я и псих, да.

– Не верю, что ты прежде не напивалась, Тесса, – говорит Зед. – Здорово же, правда?

Тесса хихикает, и я закатываю глаза.

– Хардин, правда или действие? – спрашивает Молли.

– Действие. – Зачем она спрашивает? Может, надо было последовать примеру Тессы, чтобы доказать?

– Поцелуй Тессу. – Молли растягивает накрашенные губы в улыбке. Тесса ахает.

– Нет, – успевает сказать она. – У меня парень есть.

– И что? Мы в игре, соблюдай правила, – говорит Молли, изучая ногти.

– Нет, – возражает Тесса голосом на тон выше. – Я не буду никого здесь целовать.

Она встает и уходит. Я отпиваю воды, глядя, как она скрывается за дверью. Весь вечер пялилась на мой обнаженный торс, а целоваться не захотела. Ей эта мысль настолько противна, что она разозлилась и убежала?

Или поцелуй для нее больше чем игра?

– А вот и она, дамы и господа! – смеется Нэт и опирается на меня. Пиво из его стакана хлещет через край и капает на ковер. Впрочем, эти полы видали и не такое.

– Лучше беги за ней, не то проиграешь, – издевательским тоном говорит Стеф, пока я натягиваю футболку.

Черт, она в последнее время такая стерва. В чем дело, интересно?

– Кто из вас двоих, долбоклюев, за ней бежит? – спрашивает Нэт.

Озираюсь по сторонам: Тессы в гостиной не видно. Зед следит за мной, проверяет, как я реагирую на ее поведение. Я же, сохраняя наплевательский вид, снова осматриваюсь. Хрен я уступлю ему Тессу. Ее попросили поцеловать меня, и она взбесилась. Так ведь не я придумал играть в эту дебильную игру, которая – полюбуйтесь! – дала обратный

эффект. Говорил я им, идиотам, что идея плоха...

– Ты куда? – спрашивает Молли, хватаясь за мою руку.

– Э-э... воды еще захотелось. – Стакан у меня полон, но мне плевать, даже если Молли это заметила.

Проталкиваюсь через толпу, ища на ходу взглядом белокурую макушку Тессы. Она у стойки, с бутылкой «Джека Дэниелса». Когда она подносит бутылку ко рту, у меня сводит горло – так хочется выпить.

Жуть, как быстро эта девчонка попала в наши опасные сети. Закрыв глаза, она жадно глотает вискарь... Ее чуть не рвет, но она снова прикладывает к горлышку. Ей что, нравится? Пристрастилась уже? Хочет забыть то, чего помнить не хочет? Как я когда-то? Неужто ей есть что забывать? Судя по всему, да.

Что я тут делаю? Слежу за ней, за тем, как она открывает для себя прелести алкогольного забытья?

Быстро возвращаюсь к своим. Молли вовсю подкалывает Логана по поводу его вчерашнего свидания. Нэт закуривает сигарету.

Сажусь обратно на грязный пол.

– Уйдем отсюда. Мне скучно, и тебе тоже, я вижу. – Молли жарко дышит мне в шею, обнимает меня. Передернув плечами, мотаю головой. Она снова на меня вешается.

– Я иду наверх, – говорю. Ее руки – что железный капкан, не отпускают.

– Классно. – Она губами приникает к моей шее.

Молли пьяна, и я дергаюсь так резко, что она падает на ковер. Встаю на ноги.

– Опа! – издевается над ней Логан.

Когда я поднимаюсь наверх, у меня звонит телефон. На экране высвечивается имя Кена. Нажимаю «отклонить». Я не в настроении с ним общаться. Как, впрочем, и всегда. Хочу побыть один, вдали от музыки и голосов. И пусть мой сраный папаша оставит попытки «сблизиться» со мной. Хочу уйти в страницы романа, у героев которого проблемы похлеще моих. Так я хоть почувствую себя немного нормальной.

Но вот я подхожу к своей комнате и вижу, что дверь приоткрыта, хотя и самую малость. Я же всегда запираю ее. Забыл на этот раз?

У меня на кровати сидит Тесса с книгой в руках. Снова звонит телефон, и злость переходит с Кена на Тессу. Мать вашу! Кем она себя возомнила, если дважды проникает ко мне в комнату без спросу?!

Зачем она снова пришла? Я предупреждал ее. Что с ней такое?

Подхожу.

- Я говорил, что ко мне нельзя? Что тут непонятного?
- П-прости. – От неожиданности она вытягивается в струнку. – Я...
- Вон отсюда, – указываю на дверь.
- Ну почему ты такой козел? – кричит Тесса.
- Это моя комната. – Я тоже кричу на нее. – Я просил больше не заходить ко мне! Вон!
- Почему ты меня так не любишь? – Она пытается говорить круто, но голос ее теряет решительность, а от вида ее больших глаз у меня учащается пульс.

Вопрос, такой прямой и откровенный, удивил его. Заставил понять, что он стоит на краю бездны. Один порыв ветра – и он свалится вниз.

* * *

Зачем она спрашивает? Разве не видно, почему я ее не люблю?

Она бесит. Она...

Ладно...

Постоянно осуждает меня, корит за мое поведение. А еще...

Не так уж она и плоха.

– Почему ты спрашиваешь? – говорю как можно спокойнее.

Тесса смотрит на меня испепеляющим взглядом. Отдаю должное, смотрю на нее в ответ точно так же. Думает напугать? Сидит на моей кровати, задает идиотские вопросы...

– Не знаю... потому, что я была с тобой вежлива, а ты со мной груб. Мне показалось, что мы, вообще-то, могли и подружиться.

Она что, издевается? Нет у меня друзей, и не надо.

– Мы? Подружиться? – Натянута смеюсь. – Мы не можем быть друзьями, ты разве не видишь?

– Я – нет, – просто отвечает Тесса, и поначалу мне это кажется шуткой. Она правда думает, что человек вроде меня может подружиться с человеком вроде нее? Я не то что людей, я своих приятелей еле-еле терплю.

С чего бы начать объяснения?

– Ну, для начала, ты слишком чопорна. Выросла, наверное, в идеальном стандартном доме, ничем не выделяющемся на фоне соседских, – начинаю я, вспоминая черную плесень на потолке у себя в детской. – Родители покупали тебе все, о чем бы ты ни попросила, и ты ни в чем не нуждалась. Судя по твоим идиотским плиссированным юбкам... – Стараюсь не обращать внимания на то, как плотно ее наряд облегает округлые бедра. – Ну, кто так одевается в восемнадцать лет?

Обалдело раскрыв рот, Тесса делает шаг мне навстречу, и я невольно отступаю. В ее глазах – настоящая буря, и у меня, похоже, проблемы.

– Ты обо мне ничего не знаешь! Козел снисходительный! Жизнь у меня была совершенно другая. Отец-алкоголик бросил нас, когда мне было

десять, а мать надрывалась на работе, чтобы я могла пойти в колледж. В шестнадцать я сама пошла работать, чтобы оплачивать счета. И знаешь, мне нравится так одеваться... – кричит она. – Уж прости, что не наряжаюсь как шалава, как все девчонки из твоего круга! Для человека, который так упорно старается выделиться среди других, ты слишком суров к тем, кто отличается от тебя!

Сказав это, она разворачивается к двери.

Неужели правда? Эта девочка-перфекционистка – из тех детей, которым пришлось слишком рано повзрослеть? Если так, то почему она всякий раз при виде меня улыбается?

Это я-то суров? Сама назвала девчонок в откровенных платьях шалавами. Она смотрит на меня, ждет реакции, но я молчу. Ее тирада меня оглушила.

– Знаешь, не хочу я с тобой дружить, – успевает сказать Тесса, не дав мне выйти из ступора.

Она берется за ручку двери, а я вспоминаю о Сете, моем первом друге. Его семья тоже бедствовала, но однажды умер его забытый дедуля, и им нехило привалило денег. Свои заношенные кроссы он сменил на белые, с лампочками в подошве. Мне они понравились, и я попросил у мамы на день рождения такие же. Мама грустно улыбнулась, а утром в день рождения протянула мне обувную коробку. Я так торопился распаковать ее, ожидая увидеть внутри кроссы с лампочками, а в коробке лежала пара обычных кроссовок, без этих драных огоньков. Мама расстраивалась, и я не понимал почему; со временем, однако, мы с Сетом играли все реже... В конце концов я стал видеть его лишь тогда, когда он проходил мимо нашего дома с новыми друзьями, и у всех у них были кроссы с подсветкой.

Сет был моим первым и последним другом, и без дружбы жизнь стала намного проще.

– Ты куда? – спрашиваю у Тессы, у той, что решила, будто мы можем подружиться. Она, смущенная – как и я, – останавливается.

– На остановку. Сяду на автобус, уеду и больше никогда и ни за что сюда не приду. Хватит, я даже пытаться не буду с вами поладить.

Чувствую себя полным говном. С одной стороны, мне ее ненависть на руку. С другой... надо же мне ей понравиться, чтобы трахнуть ее.

А вот уж когда я выиграю пари, пусть ненавидит меня сколько влезет.

– Поздно одной на автобусе кататься, – говорю я. Если учесть, как она выглядит и сколько выпила, с ее стороны чертовски глупо идти сейчас до остановки.

Она резко оборачивается, и в ее глазах я вижу слезы.

– Тебе ведь на самом деле плевать, что со мной будет? – со смехом качает головой Тесса.

– Я и не говорю, что мне не плевать... Я просто предупреждаю: опасно ходить сейчас одной.

Смотрю на книжную полку, мысленно сравнивая Тессу с Кэтрин, главной героиней романа, который она читала, когда я вошел. Они обе похожи: угрюмые и зазнавшиеся. Элизабет Беннет – такая же, норовит сказать что-нибудь громкое. Мне это нравится. Студентки сегодня уже не те пошли, какие-то неживые.

– Что поделать, Хардин, выбора у меня нет. Все пьяны.

Она снова начинает плакать.

Я немного добрею. Почему она плачет? Она вообще хоть когда-нибудь не грустит?

Пытаюсь развеселить ее единственным известным мне способом – сарказмом.

– Ты всегда на вечеринках плачешь?

– Только на тех, наверное, где есть ты. А раз уж на других мне бывать не приходилось...

Тесса открывает дверь, переступает порог, затем, споткнувшись, хватается за край комода.

– Тереза... – слишком мягко произношу я. – Ты как? Все хорошо?

Тесса кивает. Она смущена, зла и привлекательна. Но больше, конечно, зла.

Да какое мне дело, все ли с ней хорошо? Она пьяна, ей плохо, и черта с два я стану пытаться обскакать Зеда. Не хочу, да и она не соображает – это будет нечестно.

– Может, присядешь на пару минут? Потом иди себе на автобус, – предлагаю я. Вдруг мне такая любезность зачтется?

– К тебе ведь нельзя... – Голос у нее тихий, в нем отчетливо слышно любопытство. Тесса присаживается на грязный пол. Знала бы, что эти полы повидали!..

Запоздало замечаю, что губы мои расплзлись в улыбке. Тесса, кивнув, икает, как будто ее сейчас вырвет.

– Смотри, не наблюдай мне тут, – предупреждаю.

Сблюет – заставлю все убирать.

– Мне бы водички, – просит Тесса.

– На, – протягиваю ей свой стакан.

Оттолкнув его, она раздраженно закатывает глаза.

– Я же воды просила, а не пива.

– Это и есть вода. Я в завязке.

– Вот умора, – фыркает Тесса. – Ты же не станешь тут сидеть и нянчиться со мной?

Еще как стану. Не подумаю оставить ее тут одну, чтобы она ковырялась в моем бардаке и блевала на мои книжные полки.

– Кстати, я и правда останусь тут с тобой и буду нянчиться. Ты первый раз в жизни напилась, а еще у тебя есть дурная привычка лапать мои вещи, пока меня нет рядом.

Присаживаюсь на кровать, а Тесса осторожно делает глоток из стакана. У нее, поди, «вертолеты». Бедняжка. Пристально слежу за тем, как она допивает воду, как закрывает глаза, как облизывает потом губы и бурно дышит. Она не замечает моего взгляда, а я стараюсь не слишком задумываться, почему вообще на нее вылупился.

Она для меня сплошная загадка, которую до одурения хочется разгадать.

Снаружи вроде все просто: блондинка, не модель, но красивая, а судя по правильной манере речи, часами не отрывается от книжек. Однако темперамент и привычка дуться заставляют поинтересоваться, что же скрывается под оболочкой.

– Можно задать вопрос? – не подумав, говорю я. Улыбаюсь и чувствую, что выгляжу дурак дураком.

– К-конечно, – запинаясь, отвечает Тесса.

Ну, и о чем ее спрашивать?! Я-то полагал, она меня ко всем хренам пошлет.

Ладно, есть один простенький вопросик.

– Чем после учебы займешься?

Да, надо было задать более личный вопрос, выяснить нечто, что поможет обойти Зеда.

Тесса думает, постукивая пальчиком по подбородку.

– Ну, планирую стать писателем или издателем, как получится.

Да, это сразу видно.

Я вот тем же думал заняться, но молчу. Закатываю глаза и устремляю взгляд в пустоту.

– Это все твои книги? – спрашивает Тесса, окинув жестом руки мои полки.

– Мои.

– А какая у тебя любимая?

Твою ж бога в душу мать, вот ведь любопытная.

– У меня нет любимых, – вру я. Что-то она тут задержалась и начинает

задавать личные вопросы. Если узнает, какие книги у меня любимые, мне это в игре не поможет.

Надо сменить тему, уйти от личных вопросов, побесить Тессу.

– А мистер Роджерс^[2] знает, что ты снова пошла на вечеринку?

Я ухмыляюсь, а она сердится. Миссия выполнена.

– Мистер Роджерс?

– Твой парень. Я такого мудака еще не встречал.

– Не говори так о нем. Он... он у меня... хороший.

Тесса так смешно запинаясь в попытках подобрать комплимент своему парню-мажорику, что я невольно начинаю ржать.

– Тебе до него очень и очень далеко, – грозит она мне пальчиком.

– Хороший, говоришь? Ничего другого ты о нем сказать не могла? «Хороший» значит зануда.

Смеюсь.

– Ты его не знаешь, – бесстрашно заявляет Тесса, и это не может не вызвать восхищения.

– Зануда, зануда. Носит кардиган и лоферы. – Ржу не могу. Глядя на разъяренную Тессу, начинаю смеяться еще громче. Так и вижу живую куклу Кена, что ноет из-за дырочки у себя в кашемировом свитере.

– Он не носит лоферы. – Тесса прикрывает рот ладонью в попытке спрятать улыбку. Я бы на ее месте тоже смеялся.

– Зато вы с ним встречаетесь два года, а он тебе так и не присунул. Значит, он точно зануда.

Тесса, поперхнувшись, сплевывает воду обратно в стакан.

– Что ты сказал?

– Ты все слышала, Тереза. – Улыбаюсь, чем еще больше распаляю огонь ее гнева.

– Ну ты и сволочь, Хардин.

Ух, как мне нравится, когда она сердится...

В лицо мне хлещет вода.

Пораженный такой дерзостью, я даже успеваю ахнуть. Я-то думал, мы так играем, обмениваясь грубостями, и намеренно задираю Тессу; думал, ей это нравится не меньше моего.

Судя по отворачиванию, с каким она смотрит на меня, я ошибся.

И на хрена я вообще заговорил о ее парне? Вот тупой. Мы так хорошо сидели, смеялись, и вот нате, я все испортил.

Тесса выбегает из комнаты, а я, утершись, выхожу в коридор. Тесса бежит вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз.

Возвращаюсь в комнату, где компанию мне составляет тихо гудящий

под потолком вентилятор. Сажусь на кровать; впервые, как я заехал в общагу, мне не хочется оставаться здесь одному.

Едва их губы первый раз соприкоснулись, он почувствовал – почувствовал, как где-то в глубине души, под слоем пыли что-то шевельнулось. То, что дремало очень давно. Она пробудила его, подарила ему свет и смех, страсть; с тех пор он изменился навсегда.

* * *

Тесса взяла и плеснула мне в лицо водой, а потом вылетела из комнаты, вся такая разобиженная. И вот я бегу за ней по лестнице, не усидел. Плачу про себя, как ребенок, закативший истерику из-за сломанной любимой игрушки.

Правда, Тесса – не моя игрушка; она слишком светла и чиста для моих грязных лап.

Я ведь просто хотел поднять ей настроение, развеселить. Не следовало заговаривать о ее тупице-бойфренде.

Как она меня бесит! Гордячка и бука. Уж больно она нежная и этим выедаёт мне мозг. Разве можно вот так плескать водой – да хоть чем – в лицо? Для того, кто такого высокого мнения о себе, она поступает как капризный ребенок.

Тессу я нахожу на кухне – она снова хлещет алкоголь из горла. В кармане жужжит телефон – еще эсэмэска: «Карен приготовила ужин, заходи. Есть разговор. Ты не ответил на прошлые сообщения, и я подумал, что в три утра ты не спишь и это точно прочитаешь».

Разговор с папашей? Да ну на фиг. У меня есть дела поважнее. Например, показать Зеду, кто здесь главный. А Зед, кстати, уже подкатил к Тессе.

Ну конечно, раз меня рядом нет, можно и подкатить к девушке. Урод.

Тесса напивается. Зря она так. Завтра ей будет очень хреново. Впрочем, Зеду только того и надо.

– Ты посмотри, какие милые. – Стеф подошла незаметно. В руках у нее ведро со льдом. На голове – кавардак.

Снова перевожу взгляд на Тессу и Зеда. Она смотрит ему в глаза и вздыхает. Ей вроде хорошо: плечи расслаблены, взгляд мягкий. Со мной она держится иначе... Но ведь Зеда она знает ничуть не лучше меня,

почему же такая разница в отношении? Может, потому, что, болтая с Тесс, Зед облокотился на стойку и смотрит ей прямо в глаза? Не отвлекаясь на грудь? Тесса улыбается, и Зед подступает к ней ближе. Добрый коп.

Черт, а он лучше, чем я думал.

Тесса переводит взгляд на дверь, и Стеф отскакивает за стенку, увлекая меня за собой. Я высвобождаюсь.

Глаза у Стеф налиты кровью. Зрачки – как крохотные черные точки в красном океане.

– Только не говори Тессе, что я здесь. Достало сюсюкаться с ней. – Когда Тессы нет рядом, она даже не думает быть доброй соседкой. Первостатейная сука.

Мимо проходит пьяная блондинка в облегающем платье и подмигивает мне. Я помню ее... вроде бы.

– Это же ты ее сюда притащила, – запросто напоминаю Стеф. Хотя мне плевать. Сам не знаю, зачем вообще заговорил об этом.

– И что? Я на сегодня устала от нее, к тому же вы двое с ней играете, не забыл? – Пожав плечами, Стеф уходит.

Ну что ж...

– Будешь стоять тут как вуайерист – проиграешь! – кричит она от парадной двери и берет за руку того самого странного чувака, на которого еще неделю назад жаловалась.

Это я-то проиграю?

Ну-ну!..

Впрочем, прохлаждаться здесь я не намерен.

Иду в гостиную и сажусь на диван. Жду, когда Тесса сама придет ко мне. Зед ей скоро наскучит своей болтовней про науку и цветочки, про спасение мира и озеленение. Может, он, конечно, в эту хрень и верит – поди разбери. Или подсознательно чувствует, что выносить его могут только растения.

Наконец, Тесса заглядывает в гостиную. Зед волочит за ней, как потерянный щенок. А Тесса меня даже не замечает. Садится на пол с моими приятелями, в нескольких шагах от меня.

Кто-то стискивает мое плечо. Та самая пьяная блондинка.

– Хардин-н-н... – мычит она мне в ухо. Ее так сильно кренит, что я не пойму: она меня домогается или просто боится упасть. – Рада снова тебя видеть.

Слегка отпихиваю ее, пытаюсь высвободиться, но алкоголь превратил ее в настырного спрута. Наконец удастся придвинуться к одному из членов «братства», имени которого никак не запомню, и накинуть руку блондинки

ему на плечо. Блондинку ведет в сторону, и вот она уже лопочет: «Сти-и-ив, давно не виделись...» Я тем временем ускользаю.

– Автобусы всю ночь ходят? – спрашивает Тесса. Голос ее звучит невнятно, нижняя губа выпирает.

Усилием воли заставляю себя отвлечься. Плевать мне на нее, плевать, что она пьяна. Однако через десять секунд я останавливаюсь перед Тессой.

Увидев меня, эта противная девчонка закатывает глаза. Как по мне, она этим долбаным жестом злоупотребляет.

А вот с Зедом она глаза не закатывает. С ним она другая.

– Так ты с Зедом? – Я заламываю бровь, и Тесса, пошатываясь, встает на ноги. Сколько она выпила?

– Пусти, Хардин! – Она вскидывает руки, а я чуть не смеюсь над этим пафосным жестом. Тесса взглядом обводит комнату, словно ищет, чем бы в меня запустить. – Я только хотела про автобусы узнать.

Она толкает меня плечом и хочет пройти мимо, но я бережно хватаю ее за руку.

– Остынь... время три утра, автобусы уже не ходят. – Отпускаю и смотрю: ага, кажется, осознает. – Ты опять здесь застряла, из-за новой пагубной привычки.

Какая ирония: Тесса ненавидит это место и все же опять остается здесь на ночь.

Она смотрит на меня пустым взглядом огромных глаз, надув губы, и я ловлю шанс присыпать ей раны солью.

– Если только ты не хочешь пойти к Зеду... – Киваю в сторону гостиной.

Не сказав ни слова, Тесса гордо удаляется.

Ну, и какой в этом смысл? Бегаю, понимаешь, за ней, злю... Смысла нет, я впустую трачу время. Она в эту игру играет не хуже меня.

Вернувшись к себе в комнату, беру с полки книгу. Снимаю футболку и кидаю на пол, следом отправляются джинсы. Сажусь на кровати и, открыв наугад роман, начинаю читать.

К чему было возмущаться ее наивности и доверчивости? Вечером мы расстались врагами, а утром, едва забрезжил рассвет, я шла к Грозовому Перевалу рядом с лошадкой моей озорницы. Я была не в силах видеть, как девочка страдает: смотреть на ее бледное, измученное лицо, встречать ее невеселый взгляд. Я уступила, потому что надеялась, что Линтон окажет нам холодный прием, и это станет прекрасным

доказательством того, что слова его отца не были правдивы.

Светловолосая Кэтрин сидела на краю причала. Волосы ее скреплял бант – алый, точно кровь, бегущая в венах. В голове у нее царила пустота и растерянность. Обернувшись, Кэтрин – голосом, от которого зазвенел воздух, – позвала: «Хардин?»

Голос Кэтрин такой громкий, что выдергивает меня из сна. Я что, заснул?

– Хардин! Хардин, открой дверь! Пожалуйста!

Растерянный, в панике, я вскакиваю с кровати. Кто-то дергает за ручку двери, стучится.

– Хардин! – кричат из коридора. Неужели это...

Отпираю и рывком распахиваю дверь. На пороге Тесса, смотрит на меня дикими от ужаса глазами. Волосы у нее на затылке дыбом.

– Тесс? – Тру глаза, чтобы прогнать сонную муть.

– Хардин,пусти, пожалуйста. Он... он... – Тесса оборачивается, и я выхожу посмотреть, кто же ее так напугал.

В нашу сторону идет Нил: глаза красные, футболка – в пятнах. Пьяный вусмерть, он приваливается к стене.

Почему Тесса бежит от него? Он к ней...

Увидев меня, Нил замирает. Если ему шкура дорога, он свалит. Если нет, Тесса и все свидетели – те, кто был рядом и не помог ей, – увидят бесплатное шоу.

Быстро оглядываю Тессу: не сделал ли Нил чего такого, за что мне придется потом прятать труп от полиции?

– Ты его знаешь? – надтреснутым голосом спрашивает Тесса.

Руки у меня начинают дрожать.

– Да. Иди в комнату. – Провожу ее к себе и сажусь на кровать. Тесса пристально следит за мной, а я снова тру глаза. – Все нормально?

С виду с ней все хорошо, просто перенервничала, даже не плачет. Хороший знак... вроде бы.

– Да, – тихо говорит Тесса. – Да, прости, что разбудила. Я не знала, что...

Она тараторит, голос у нее дрожит.

Погодите-ка... она извинилась за то, что разбудила меня?

Провожу рукой по волосам, откидывая челку со лба.

– Не переживай. – Руки у Тессы тоже дрожат, и я задаю вопрос, который крутился в голове с момента, как я открыл дверь: – Тот тип тебя лапал?

В голове рождаются кровожадные мысли. По Нилу никто скучать не станет, это уж точно.

– Нет, – отвечает Тесса и добавляет: – Пытался. Я сама сглупила – заперлась в комнате с пьяным незнакомцем.

Ну ни хрена себе!

– Не твоя вина в том, что он пытался сделать. Ты не привыкла к таким... ситуациям. – Стараюсь говорить спокойно, чтобы не напугать Тессу еще сильнее. Я часто видел, как такое случается с женщинами: с мамой, с пьяными девчонками на вечеринках. В прошлом году пришлось спасать от Нила пьяную Молли. Нилу я сломал нос и вывихнул плечо; думал, он усвоил урок. Похоже, что нет. Видно, требуется освежить ему память. Логан поможет, как и в прошлый раз.

Тесса приближается ко мне, и я похлопываю по матрасу. Она садится и складывает руки на коленях. Глядя на нее, такую хрупкую и уязвимую, я вдруг вспоминаю, что на мне лишь черные боксеры. Надо бы одеться, но в то же время не хочется привлекать внимание Тессы к своей наготе. Она пришла в поисках убежища, не дело смущать девушку еще сильнее.

– Я и не собираюсь привыкать к такому. Больше сюда ни ногой... вообще на вечеринки не буду ходить. На что надеялась? А этот парень... он был так...

Тесса вздрагивает, и по щекам у нее сбегают слезы.

– Не плачь, – шепчу я и утираю ей слезы. Тесса шмыгает носом. Это выглядит так невинно и так умилительно, что я хочу отвернуться... и не могу.

– Я и не замечал, что у тебя серые глаза, – признаюсь.

Прежде я обращал внимание лишь на детали вроде ее груди, ее податливости на мои уловки. Я был так увлечен, так мелочен.

Нет, вру. Едва увидев эту девушку, я отмечаю в ней мельчайшие детали.

Гляжу на ее полные, чуть раскрытые губы. Прикусываю колечко и уже хочу убрать руку, но тут Тесса сама подается вперед и целует меня.

От неожиданности делаю резкий вдох. Что это она вытворяет? Какого хрена я делаю?!

Остановиться не могу, не могу. Языком провожу по ее нежным губам; жадно втягиваю ртом воздух, который она выдыхает, прикладываю ладони к ее щекам. Кожа у Тессы горячая, губы трепещут. Кладу руки ей на бедра.

Ощутив привкус водки у нее во рту, отстраняюсь.

– Тесс...

Она вздыхает, и я жадно разделяю ей губы языком. Дышу глубоко,

чтобы в голове прояснилось. Как мы дошли до этого?

Обычно изнутри меня сжигает пламя, однако сейчас я спокоен. Хорошо. Наконец хоть какое-то облегчение от лихорадки. Такого спокойствия я прежде никогда не испытывал. Оно меня пугает.

Разум расслаблен, не напряжен; поцелуи Тессы словно заглушили рассудок. Прижимаю ее к себе, крепче ухватываю за бедра и откидываюсь на кровать. Тесса садится на меня, руками упирается мне в грудь. Поцелуй не прекращается. Она играет с моим языком, дразнит. Как же она хороша! Чертовски хороша!

Ее волосы падают мне на лицо, и я разрываю поцелуй. Тут же с губ Тессы срывается стон, и у меня встает. Она меня хочет. Она уже на грани.

Нет, так далеко мы с ней не зайдем. Только не сегодня. Тесса пьяна, а я так не работаю. Да, трахнуть ее хочу. Хочу трахать ее снова и снова, хочу ее всю, вдоль и поперек, но не сегодня. Она – целочка; интересно, на каком этапе она со своим парнем? Вот так уже седлала его – когда он лежит на кровати в одних боксерах, а Тесса елозит по нему, обхватив бедрами, запустив в рот язык? Может, они постоянно так развлекаются, и Тесс только строит из себя чопорную девственницу?

Ной уже лизал ее нежную шейку? Скорее всего, нет – вон как Тесса томно вздыхает, стоит коснуться ее языком. Она стонет, когда я целую ее в шею, отведя в сторону волосы. Спускаюсь ниже, к ключицам, и Тесса вновь стонет, повторяя мое имя.

Возвращаюсь к ее губам, и она все сильнее трется об меня. Уверен, чувствует мой стояк, чувствует, как сильно я хочу ее.

– Хардин... погоди, – стонет Тесса, продолжая дразнить меня языком. – Хардин! – повторяет она, и я отстраняюсь. Губы у нее набухли, стали невыносимо розовые; глаза – дикие. – Нельзя, – говорит Тесса. Отнимает руки от моей груди, и приглушенное пламя внутри меня оборачивается льдом.

Я знал, что это ненадолго. Так, минутная слабость. Хотелось бы, чтобы минута длилась и длилась, но все когда-нибудь заканчивается. Приподнимаюсь на локтях, и Тесса скатывается в сторону.

– Прости, прости, – шепчет она хриплым голосом. Ей ни капли не жаль, нет – вон как тяжело и томно дышит, не сводит глаз с моих губ.

Мне вспоминается книга, в которой жительницы одного городка поклялись больше не извиняться перед соседями. Забавно получилось, ведь они выяснили, что в девяноста процентах случаев прощения просят, когда на них и вины-то нет. Тесса отлично вписалась бы в местное окружение.

– За что простить? – как можно спокойнее спрашиваю я, вставая с

кровати и зарываясь в комод, полный черных футболок. Натянув одну, смотрю на Тессу – та краснеет при виде моих трусов.

– За то, что целовала тебя...

С чего это она извиняется? Не хотела – не целовала бы, да и я вроде никак не показывал, что я против.

– Подумаешь, поцелуй. Я постоянно с кем-то целуюсь.

Тон намеренно сохраняю нейтральный, чтобы ей не сделалось хуже. А Тесса уже обо всем сожалеет и готова броситься наутек. Если она правда побежит, придется ее догонять. Вроде наметился прогресс в игре, так что нельзя упускать достижений. Я касался ее, ласкал, чувствовал вкус ее губ, языка. Она задыхалась, желая продолжения. Я вырвался вперед по сравнению с Зедом и не могу упустить преимущество. Тесса из этой мухи такого слона раздует... Надо утешить ее, и тогда она откроется, станет доверять мне, и в следующий раз – кто знает? – получится продвинуться дальше.

Тесса смотрит в пол. Ну вот, опять. Неужто ее настолько переполняет стыд? Не нравится мне это.

Хватит ей кормить совесть, а не то мне капец, и Зед выиграет пари.

– Может, просто забудем об этом? – предлагает Тесса.

– Поверь, я тоже не хочу, чтобы об этом кто-нибудь узнал. Закроем тему.

Тесса морщится, и я уже жалею о своих словах. Паршивый из меня утешальщик.

– Смотрю, ты снова стал собой? – Взгляд Тессы становится острее.

Ни хрена она обо мне не знает. Подумаешь, пару раз со мной поругалась и теперь воображает себя экспертом по Хардину Скотту. Воображает, что лучше меня, боится, что все узнают, как мы целовались, потому что... потому что я – это я, а она – маленькая мисс Совершенство. Тут уже я не могу сдержаться.

– Не надо думать, что раз мы поцеловались – вопреки моей воли, кстати, – то между нами теперь связь.

Мои слова для нее – как удар тараном. Тесса вскакивает на ноги, в глазах у нее полыхает ярость. Прямо современная Жанна д'Арк, готовая сжечь меня на костре.

– Мог бы и остановиться, – закипая, говорит она. Сжимает руки в кулачки, которые ей самой, наверное, кажутся сгустками пламени.

Сам не успеваю заметить, как с моих губ срывается:

– Вряд ли.

Тесса со вздохом прячет лицо в ладонях, и я отворачиваюсь. Какая же

она эмоциональная, и это – еще не самое странное. Проявлять эмоции – нормально, но Тесса проявляет их так открыто... Я ведь ей не друг и не родственник, а она швыряет мне в лицо свои чувства, будто мы с ней всю жизнь знакомы. Не боится показывать, что у нее на душе, не боится открытости.

Загадка Терезы Янг сводит меня с ума. Эта девушка открыта и хрупка, и вместе с тем у нее шипы. Странно, я не могу ее понять.

– Если хочешь, ночуй здесь, раз тебе все равно некуда податься, – тихим голосом предлагаю я.

Тесса, подбоченившись, мотает головой. Может, стоит извиниться за грубость? Я порой бываю груб, даже не к месту, но зачем тратить силы на чужого мне человека? Она меня не знает и никогда не узнает.

– Нет, спасибо.

Она выходит в коридор, и я, впиваясь пальцами в дверной косяк, мысленно желаю ей сладких снов. Мне-то самому сна не видать.

– Тесса, – тихо зову ее, надеясь, что она меня не услышит.

Он ничего не ждал от этой игры, однако менялся с каждым ее взглядом, с каждой улыбкой. Сам не заметил, как его опека со временем превратилась в контроль. Он, как мог, боролся с этим, однако было уже слишком поздно – сил не хватало.

* * *

Тесса двадцать минут как убежала, и ее нигде нет. Ну почему она не может быть как Молли и другие девчонки, которых я цеплял? Почему не прибежит обратно? Откуда в ней столько воли?

Зная ее – пусть даже плохо, – можно сказать: она пошатнет все мои представления о девчонках.

Охренеть. Вот веселуха-то.

– Она ушла, чувак. – На кухне ко мне подходит Логан, в руке у него бутылка водки.

Ушла? Она ведь не знает, как отсюда уехать. Ее древний телефон, если что, не поможет.

– Хрен там. – Мотаю головой и беру чистую чашку. Наливаю себе воды из-под крана, а Нэт смотрит на меня, выгнув бровь и глупо ухмыляясь.

– Чего, придурок? – спрашиваю, делая большой глоток.

– Ничего, – смеется Нэт и гадко так переглядывается с Логаном.

– Я что-то пропустил?

– Да нет. – Логан кладет мне руку на плечо, и я отстраняюсь. – Зачем ты вообще ее ищешь?

– Тебе-то что? – быстро говорю я. Сам не знаю: то ли вру им, то ли я снова в игре. Да, я все еще в игре, но прямо сейчас просто хочу знать: куда продолбалась Тесса?!

– Верно. – Нэт пихает Логана локтем, прямо как мальчишка. – А вообще, она и правда ушла. Через парадную дверь.

– То есть ты взял вот так и отпустил ее?

– Отпустил? Ну да, мне-то что? Она от тебя ушла. Я вообще думал, что и тебе будет по фигу, – говорит Нэт, и они с Логаном опять переглядываются.

– Где Зед? – спрашиваю. Пусть думают, что меня волнует соперник.

Пожав плечами и мотнув головами, они принимаются болтать, как будто прежний разговор им уже неинтересен.

Оставляю их трепаться. Руки сами собой сжимаются в кулаки. Может, Тесса дозвонилась до кого-нибудь, попросила забрать? У нее друзья вообще есть? С таким человеком вряд ли кто дружить захочет. Как и со мной. Правда, Тесса симпатичнее. Самую малость.

Уверен, ей хватит ума не топать три мили обратно до своей общаги.

Впрочем, не в уме дело.

В упрямстве. В ослином, мать его так, упрямстве.

В комнате у меня пусто. А я-то надеялся, что Тессе достанет наглости снова ко мне прийти и усесться на кровать, позаимствовав еще книгу с полки.

Та еще упрямица. И все же покинула нашу общагу. Одна.

Жеванный стыд, она же одна топает по ночным улицам.

Да что за... Дьявол, она меня выбесила. Есть ли девчонка труднее?

– Нэт! – зову приятеля, стараясь переорать музыку. Бегу вниз.

– Чего? Куда-то торопишься? – спрашивает он, и на его губах медленно расцветает ухмылочка. Я сбавляю скорость и на первый этаж спускаюсь спокойным шагом.

– Не, я просто... – убираю волосы со лба, – брюнетку искал. Ну, в черной майке, с большими титьками.

Жестом показываю объем буферов.

Опустив глаза, Нэт улыбается.

– А, понятно, – говорит он, и на изнанке нижней губы у него мельком становится видна татуировка: какая-то надпись.

Он подмигивает, и Логан смеется.

– Вот, короче, мне она нужна...

Иду прочь; за спиной еще слышу их треп. Не оборачиваясь, выхожу к машине. Улицы пусты, Тессы нигде не видать.

Объехав квартал несколько раз, направляюсь к ее общаге. Она уже там, наверное. Должна быть там.

Оказывается, мотался я в поисках Тессы часа два. Вбегаю в общагу, поднимаюсь на этаж и нахожу ее комнату. Открываю дверь – не заперто – и вижу на кровати Стеф с Тристаном. Оба голые по пояс; руки Стеф ласкают тело Тристана. Она отрывается от поцелуя и, слизав с губ остатки помады, спрашивает:

– Тебе помочь?

– Где Тереза? – спрашиваю. Тристан тянется за футболкой, однако

Стеф отбирает у него одежду и швыряет ее на пол. – Ну?

– Здесь Тессы нет, но мы ее видели по пути. – Стеф присасывается к шее Тристана, и меня чуть не рвет.

– Видели по пути? Вы ее встретили и не подвезли?

Подобрав с пола футболку Тристана, швыряю в них и направляюсь к двери. Тристан встает с кровати.

– Стеф просила не останавливаться.

– Какого хрена? – оборачиваюсь к Стеф.

– Да все с ней нормально, – хихикает та. – Пусть прогуляется.

– Эй, – толкает ее Тристан. Он сам явно недоволен.

Стеф закатывает глаза.

– Оба одевайтесь и вон из комнаты. Тесса скоро будет здесь, – говорю.

– Моя комната, – говорит Стеф. – Никуда я отсюда не пойду.

– Быстрее, – подгоняю я ее, мысленно ища предлог. – Мне надо побыть с ней наедине.

– Зачем? – смеется Стеф. – Потрахатьсья?

– Поработать в этом направлении.

– Поехали ко мне, Нэта не будет, – предлагает Тристан, отводя Стеф волосы за ухо. Та с улыбкой кивает.

Наконец остаюсь один и сажусь на кровать Тессы. И как раз когда думаю: не прошвырнуться ли по ее вещам, чисто из любопытства? Открывается дверь. На пороге – Тесса, как будто выросла на несколько дюймов, руки сжаты в кулачки. Стоит мне изобразить улыбку, как она взрывается.

– Да ты издеваешься! – кричит она высоким голосом.

– Ты где была? Я два часа по округе катался, тебя искал.

– Что? Зачем? – спрашивает она зло и одновременно смущенно. Лицо разругалось на прохладном осеннем воздухе, волосы растрепались.

Пытаюсь придумать хоть какое-то объяснение.

– Не хочу, чтобы ты шастала по ночным улицам одна.

Тесса раздражается смехом. Кто бы мог подумать: она смеется! Это дикий безудержный смех, не то что привычные ее сдержанные улыбочки и натянутые хохотушки.

– Убирайся, Хардин, – немного успокоившись, просит она. – Поди вон!

– Тереза, я...

Раздается громкий стук в дверь.

– Тереза! Тереза Янг, немедленно открой дверь! – звучит по ту сторону пронзительный женский крик.

– Господи, Хардин, полезай скорее в шкаф, – шепотом говорит Тесса и

за руку стаскивает меня с кровати.

– Не стану я в шкафу прятаться. Тебе уже восемнадцать.

Тесса бросается к зеркалу, тщательно присматривается к отражению, поправляет волосы. Мчится в противоположный конец комнаты и, выдавив себе на руку солидную порцию зубной пасты из тюбика, втирает ее в язык. Ну прямо школьница, что пыталась улизнуть из маминого дома и спалилась. Как ошпаренная, Тесса несется к двери, дрожащей рукой берется за ручку.

– Привет, а вы что здесь делаете? – спрашивает Тесса у проходящей в комнату матери. Та осматривается; следом входит еще человек.

Тот самый парень, Ной.

Мать Тессы направляется прямиком ко мне, но я сосредоточен на парне, бойфренде Тессы. Волосы у него чуть светлей, чем у Тессы, на кардигане – ни складочки, брюки цвета хаки отутюжены идеально. Просто удивительно: такой ранний час, а он похож на опрятную фигурку Кена, только что из коробочки.

Зачем он здесь? Неужто они такие подозрительные?

Он что, позвонил мамочке Тессы, как в какую-нибудь полицию нравов?

Сделав глубокий вдох, мамаша выдает:

– Так вот почему ты на звонки не отвечаешь! Потому что у тебя этот... – она всплескивает руками, в точности как дочь, – ...этот... татуированный... хулиган? В шесть утра, у тебя в комнате!

Татуированный хулиган? Ну что за школьные понятия! Ох уж мне эти женщины...

Тесса расправляет плечи и вскидывает подбородок. Готовится спорить.

Теперь-то я знаю, в кого она такая предосудительная. А еще – откуда у нее такие формы и вспыльчивый характер. Из глаз у Тессы чуть ли не молнии вырываются, ногти глубоко впились в ладони. Хотя матери по фигу, она этого не видит. Не замечает, что кожа на шее у Тессы сделалась пунцовой. Не видит этого и мистер Роджерс.

Меня бесит, что ее распекают за нормальное для первокурсницы поведение. Уж кто-кто, а Тесса ведет себя намного примернее любой из студенток. Мамаше гордиться бы ею.

– Так вот чем вы, барышня, в колледже занимаетесь? Не спите ночами и водите парней к себе в комнату? – распаляется мать. – Бедный Ной места себе не находит, беспокоится за тебя. И вот мы приезжаем, и что же мы видим? Ты якшаешься с незнакомцами!

Незнакомцы? Мамаша кричит все громче, а Ной, сам того не замечая,

пятится к двери... Так, все ясно. Ему мозги промыли еще сильнее, чем нашей дорогуше Тессе.

Я, не в силах сдержаться, замечаю:

– Вообще-то, я только что заглянул. Тесса ничего дурного не делала.

Тесса смотрит на меня как на безумца. Как это я посмел бросить вызов ее матери?! Мамаша тоже не верит ушам. Я смеюсь про себя. Эти люди даже не знают, на что я, в принципе, способен!

– Прошу прощения? Я не к вам обращалась. Ума не приложу, что подобные вам могут делать в такое время в комнате моей дочери.

Лошара в углу молчит, как ему и положено.

– Мама... – как можно более грозно начинает Тесса. Взглядом тверже обычного мельком смотрит на меня. Уж не знаю, с чего она так распалилась – от стыда ли, от гнева?

– Тереза, – ничуть не смущенная, сквозь зубы отвечает мамаша, – ты совершенно отбилась от рук. Я даже отсюда слышу запах перегара. Смею предположить, что это все влияние твоей милой соседки и вот его, – добавляет она, ткнув в мою сторону пальцем.

Знала бы меня – помалкивала.

– Мама, мне уже восемнадцать, – начинает Тесса, но в голосе ее уже слышны нотки поражения. – Я прежде ни разу не пила и ничего плохого не делала. Сейчас занимаюсь тем же, чем и все нормальные студенты. Прости, что у меня села батарейка на мобильном и что вам пришлось сюда ехать. Со мной все хорошо.

Тесса опускается на краешек стула. Мне не нравится, как она покорно сносит удары стервы-мамаши. Ее словно подменили.

Я сам сижу неподвижно.

– Не могли бы вы оставить нас на минуту, юноша?

Она даже не просит. И это ее обращение, «юноша»... Казалось бы, вежливо, но я-то знаю эту уловку: я вырос среди богатеньких ребятишек и понимаю, когда со мной говорят свысока.

Смотрю на Тессу: взглядом даю понять, что не уйду, пока она не будет готова остаться наедине с мамашей и бойфрендом.

Тесса кивает, и я выхожу из комнаты. В груди у меня жжет.

Он ужаснулся, когда стал видеть ее во снах. Она поглощала его полностью, всего, без остатка, и он ничего не мог с этим поделать. Боялся подумать, что она способна с ним сотворить. Он-то всегда считал себя сильным, сильнейшим, а тут пришла она и забрала корону.

* * *

Жду под дверью у Тессы, когда наконец выйдут мамаша и ее слуга. Минута сменяет минуту, и я уже начинаю сомневаться в собственном рассудке.

Зачем я жду? Что я сделаю, когда «гости» уйдут? Захочет ли Тесса вообще говорить со мной? Наверное... если извинюсь за то, что позволил ей поцеловать меня. Это могло бы решить все проблемы.

Наконец мамаша выходит и бросает на меня властный взгляд. Следом за ней – Тесса. Она крепко держится за руку Ноя.

Я сижу, привалившись спиной к соседней двери. Встаю. Ужасно хочется что-нибудь сказать или сделать, но что – не знаю.

– Мы в город, – сообщает Тесса. Мне остается только кивнуть.

Я все гляжу на то, как она держится за руку парня. Залившись краской, Тесса уходит, а ее мамаша одаривает меня самой неискренней улыбкой, какую я видел.

– Этот парень мне определенно не нравится, – говорит мистер Роджерс.

– И мне, – тихо отвечает Тесса.

Ну и ладушки. Мне она тоже не особенно нравится.

* * *

Сажусь в машину, и тут начинает вибрировать телефон в подстаканнике. Беру его и вижу на экране имя Молли, нажимаю «ответить». Молли успевает сказать только: «...таскать за волосы...» – и вешает трубку.

Пять минут спустя без стука вхожу в комнату Молли. Ее соседка

сердито смотрит на меня из-под густо накрашенных глаз. Затаившись сигаретой, соседка говорит:

– Она у себя.

Молли лежит на кровати, головой на куче подушек и широко разведя голые ноги. Спальня у нее маленькая, светло-голубые стены оклеены фотографиями из журналов моды. Окон нет, а кровать стоит у дальней стены. Неудивительно, что она тут почти не живет; мне бы не понравилось торчать в комнате без окон.

Жестом Молли подзывает к себе. Ее розовые волосы собраны в растрепанный пучок на макушке.

– Так-так-так, кто к нам пришел? – насмешливо говорит она, когда я присаживаюсь рядом. Задрав юбку еще выше, Молли показывает черные трусики. Гладит себя по округлым бедрам.

– Ты звонила, – напоминаю.

– И ты пришел, – гордым и саркастичным тоном заявляет она.

– Смотри не перевозбудись, доступная наша.

Молли хмурит брови, притворяясь оскорбленной.

– Так и есть. – Она смеется, а я качаю головой. Какая же она бесстыжая!

Холодной рукой Молли хватается меня за локоть и подтягивает к себе. В приглушенном свете настольной лампы на запястье у нее белеют шрамы.

Губы Молли впиваются мне в шею, и я стараюсь не думать о полных губах Тесс. Молли тем временем на ощупь находит пуговицы моих джинсов, быстро расстегивает их и стаскивает с меня брюки вместе с трусами. Приподнимаюсь, чтобы облегчить ей задачу. Убеждаю себя, будто мне этого хочется. Это приколы такие. Другим тоже нравится, когда я себя так обманываю. Другим – таким, как я и Молли. У меня свои тараканы в башке, у Молли – свои. К счастью, Молли о них даже не пыталась рассказывать, да мне и по фигу, откровенно говоря. Никогда не интересовался судьбой Молли. Знаю только, что она – как я, и довольно.

Она языком касается головки моего члена, дразнит. Мне дразнилки не по душе, и я, схватив Молли за волосы, направляю ее так, чтобы она проглотила меня целиком. Молли придушенно булькает, и я ее отпускаю. Однако ей нравится, когда жестко. Намного жестче.

Наматываю волосы Тессы на кулак. Ее рот влажный и теплый. Язык ласкает меня неожиданно агрессивно. Руки тоже заняты делом, гладят мне бедра. Не думал, что у нее такие длинные ногти...

– Хардин, – стонет она и снова глотает мой член. Голос у нее визгливый и какой-то не такой...

– М-мать твою, Тесса...

Молли поднимает голову.

– Ты серьезно?

– Чего? – прочистив горло, переспрашиваю я.

Молли закатывает глаза.

– Я все слышала.

– Ни хрена ты не слышала, а если слышала, то не прикидывайся, будто не называла меня Лога...

– Заткнись. – Она картинно машет рукой. – Так мне закончить?

Молли опять в игривом настроении. Смотрит на меня странно, с сочувствием, что ли.

К черту ее сочувствие. Молли такая же одинокая, как и я... Кто она такая, чтобы меня жалеть?

– Нет, – говорю и натягиваю брюки. Встаю, прячу телефон в карман, а Молли смотрит на меня все тем же взглядом.

– Я тебя не прогоняю, – говорит она прежним пофигистским тоном и тут же добавляет: – Осторожнее, девчонки вроде нее не остаются с такими мудаками, как ты.

В глазах у нее еще больше грусти. Сейчас как блевану ей на черный ковер... Да, она не пытается меня оскорбить, она честна, но мне ее советы не нужны.

Я и не хочу, чтобы Тесса оставалась со мной. Я только хочу ее трахнуть и выиграть пари.

Не сказав больше ни слова, я выхожу. На улице сажусь в машину и еду к себе.

В дверь колотят и колотят. Человек по ту сторону зовет, и я стараюсь не выдать себя ни звуком. Тихонько открываю шкаф и прячусь внутри, зажимаю уши ладонями. Стук становится громче.

– А ну выходи, живо! – гремит голос.

Отец снова надрался. Он теперь каждый день напивается.

Еще удар, и дверь не выдерживает – проламывается. От треска меня передергивает. Ненавижу себя за страх – я ведь не должен бояться. Мне двенадцать, и для своих лет я очень высок. Должен постоять за себя.

Почему я боюсь? Потому что слаб.

К голосу отца примешиваются другие... Снова пришли чужаки? Разве так может быть? Отец ведь дома... хотя вряд ли он защитит нас.

Дверь шкафа распахивается, и я жмусь к дальней стенке. Бежать дальше некуда.

* * *

Просыпаюсь с криком – один, в пустой комнате. Я здесь просидел три дня кряду, и хоть бы кто позвонил или заглянул. Зато кучу дел переделал. Не хочу видеть Тессу, не хочу видеть Зеда и остальных. Да они и не напоминают о себе.

Так всегда, если ты невидим: всем на тебя плевать, а тебе и наплевать-то не на кого.

Грязной футболкой с пола утираю вспотевшее лицо. Волосы у меня тоже мокрые, перед глазами плывет. Прошлое и настоящее перемешались, а будущего просто нет.

Впрочем, мне светит судьба одного из тех, что пропадают на работе, много трахаются и приходят поздно ночью в пустой дом. Я добьюсь успеха, куплю особняк – еще больше, чем у Кена, – и никогда не приглашу в гости папашу.

Что я этим докажу – не знаю, но что-то этим доказать надо.

А сегодня надо вылезти из кровати.

* * *

Приехав в кампус, сразу принимаюсь искать Тессу. Давненько мы с ней не виделись. Интересно, как там Зед? Опередил меня по очкам?

Утро, и у Тессы пара по литературе. Если только Тесса не решила прогулять...

Ну да, как же, прогуляет она. Аудиторию нахожу как раз к концу занятия: Тесса выходит из дверей. Она что-то сделала с волосами. Постриглась? Совсем чуть-чуть. Мило. Кто-нибудь еще заметил в ней перемену? Ага, следом за Тессой из аудитории выходит ее дружок Лэндон. Уж он-то точно заметил.

Догоняю эту сладкую парочку и говорю:

– Постриглась, Тереза?

Тесса удивленно оборачивается. Бросает: «А, привет, Хардин» – и ускоряет шаг. Подошвы ее балеток скользят по кафелю: скрип-скрип-скрип. Куда это она так торопится?

Ясно: она просто не хочет, чтобы ее приятель-ангелочек узнал, как мы с ней целовались. Как она сама на меня кинулась.

– Как выходные прошли? – спрашиваю и широко улыбаюсь.

Вместо ответа она хватается Лэндона за руку и притягивает его к себе.

– Хорошо, – кричит Тесса через плечо. – Пока, еще увидимся.

Она уводит Лэндона наружу через главные двери. Провожая их взглядом; острого желания повидаться как не бывало.

Медленно бреду по дорожкам вокруг кампуса, иду к машине. Учиться сегодня настроения нет.

Возле одного из корпусов вижу Зеда. Он сидит на скамейке, посасывая сигарету.

Зед поднимает на меня взгляд и, выдохнув дым, говорит:

– Привет.

– Привет. – Даже не знаю: присесть рядом или пройти мимо?

– Ну, как успехи в обольщении?

– Есть небольшой прогресс, – вру. – А у тебя?

С нетерпением жду, что он скажет. Зед тем временем затягивается и отвечает:

– Не-а. Знаешь, какое-то у меня чувство странное... А у тебя?

– Не-а, – говорю, скопировав манеру, которой Зед, кстати, злоупотребляет. О чем его ни спроси, он отвечает «не-а» – мол, на ерунду полноценным словом не отвечают.

Зед пожимает плечами, и я думаю: пусть себе тут сидит и кукуется, курит одну за другой, а я пока поищу Тессу. Терпеть не могу запах сигаретного дыма, он напоминает мамин дом; у нас вечно было накурено –

хоть топор вешай, а выцветшие стены в гостиной покрывал желтый налет.

Чтобы как-то убить время, покупаю себе кофе, однако весь стаканчик проглатываю минуты за две. Обожженное горло саднит.

Идти особенно некуда, и я решаю заглянуть в общагу, где обитают Стеф с Тессой. Шагаю не спеша, разглядывая людей: тут и там вижу парочки, задроты-ботаны что-то возбужденно обсуждают, опрятные спортсмены гоняют мяч. Мне становится неуютно.

В коридоре общаги замечаю рыжую шевелюру Стеф.

– Хардин! – зовет она, вскинув руку. – Меня ищешь?

– Не совсем. – Бросаю взгляд на дверь ее комнаты.

– О-о, понятно, – смеется она и поправляет титьки. – Ладно, пойду займусь чем-нибудь, пообщайтесь наедине.

У самой двери она оборачивается и кричит:

– Не за что, козел!

– Я тебя и не благодарю, – бормочу себе под нос и стучусь в дверь комнаты.

Внутри шелестят страницы, закрывается книга. Тесса идет открывать, делает шесть шагов. Я тем временем выдыхаю себе под горло футболки – проверить, не пахнет ли изо рта.

Погодите, это я-то...

– Стеф еще не вернулась, – на автомате отвечает Тесса, открыв дверь. Как ни странно, на меня она даже не смотрит и сразу возвращается на кровать. Не захлопнула дверь у меня перед носом. Неплохое начало.

– Я подожду. – Сажусь на кровать Стеф и оглядываю половину комнаты, принадлежащую Тессе.

– Располагайся, – со стоном отвечает она и по-детски натягивает одеяло на голову. Смотрю на эту неподвижную горку и смеюсь. Интересно, это какой-то новый метод или игра в прятки наоборот – мне полагается исчезнуть?

Стучу по изголовью кровати, надеясь разозлить Тессу и так вывести на разговор. Ничего не выходит. Даже когда несколько минут спустя звонит будильник, она его выключает – даже не выглянув из-под одеяла. Собралась куда-то?

Если да, то с кем?

– Идешь куда-нибудь? – спрашиваю.

– Нет. – Тесса садится. Смотрит на меня высокомерно. – Я просто вздремнула двадцать минут.

– Ты поставила будильник, чтобы не проспать дольше двадцати минут? – Я смеюсь, а сам мысленно желаю, чтобы у меня получалось спать

дольше, чем обычно.

– Да. Тебе что за дело?

Тесса принимается раскладывать учебники в порядке расписания занятий. Рядом с аккуратной стопочкой книг кладет небольшой органайзер. Да она просто маньячка.

– У тебя что, обсессивно-компульсивный синдром? – несколько удивленно спрашиваю я.

– Нет. Быть организованным – это не плохо.

Как она снисходительна!.. Дрянная девчонка, а с виду такая милая. Думает, наверное, что она – само совершенство, хотя на самом деле у нее дурнейший характер.

Подхожу к ней, пытаюсь придумать новый способ ее разозлить. А разозлить ее – плевое дело. Быстренько осматриваю аккуратную комнатку: опрятная заправленная постель, на ней стопочки бумаг и учебников... Ага, попалась!

Хватаю с кровати стопку бумаг, и тут наши глаза встречаются. Тесса опускает взгляд, пытаюсь, наверное, придумать, как со мной разговаривать. Протягивает руку за бумажками, но я дразню ее – задираю руку. Тесса злобно пыхтит; грудь вздымается и опадает, нижняя губа дрожит. Далеко ли можно зайти? Пожалуй, еще чуточку можно. Я завелся. Сильно злить Тессу не буду, так – подразню мальчика, чтобы не забывалась. Подбрасываю пачку листов в воздух, и те, кружась и шелестя, падают на пол. Челюсть у Тессы отвисает, щеки наливаются румянцем.

– А ну подбери!

Я только хихикаю. Вот еще выдумала! Сперва отсоси. Поднимаю ставку: раскидываю еще стопочку листов.

– Хардин, перестань!

Подбрасываю в воздух третью стопку, и Тесса – поразительно! – кидается на меня, отталкивает от кровати.

– Кому-то не нравится, когда его вещи разбрасывают? – издевательским тоном произношу я и смеюсь. Тесса разозлилась. Причем сильнее, чем обычный человек разозлился бы из-за такой глупости.

– Да! Мне не нравится! – Она снова отталкивает меня.

Я упиваюсь ее гневом.

Быстрый шаг ей навстречу. Хватаю за руки и прижимаю к стене. Тесса смотрит на меня и даже не думает вырываться. На смену раздражению приходит голод, жажда. Если я что и знаю о женщинах, то могу сказать: в такой момент они и заводятся. Тесса готова. Страстный гнев доставляет ей не меньшее наслаждение, чем мне. Она смотрит в мои глаза. Все, она

хочет этого. Хочет меня! Я, может, ей и не нравлюсь, но ее влечет ко мне. Смотрю на Тессу: мне она тоже не нравится, между нами – животная страсть. Мы прямо созданы друг для друга. Это все звериная похоть. Похоть высшей пробы.

– Хардин, прошу... – тихо шепчет Тесса. Хочет, чтобы я ушел, и в то же время – чтобы целовал ее. Я знаю, потому что сам хочу бежать от этой девчонки как можно дальше, однако вот он я, стою перед ней, глазами ем ее губы.

Не могу не коснуться ее. Тесса бурно дышит. Смотрит на меня, ждет, и тогда я перехватываю оба ее запястья одной рукой. Приоткрыв рот, Тесса высовывает язычок, и я срываюсь. Она издала звук – такой тихий, едва слышный, что сама, наверное, не заметила, но я уловил его и больше не могу сдерживаться.

Прижимаюсь к ней всем телом. Тесса со стоном заводит мне руки за спину, хватает за плечи. Ее язык следует за моим, двигаясь точно в такт. Подхватываю ее под бедра и поднимаю. Сердце колотится, я дико завелся, не знаю, как остановиться. Тесса прижимается ко мне плотнее, сосет мои губы, и я несу ее к кровати.

Тесса тянет меня за волосы, отчего я просто зверею. Она стонет, дышит прерывисто. Сев на кровати, я устраиваю Тессу у себя на коленях, держу ее за бедра. Мои пальцы впиваются ей в плоть, тело пытается понять, что происходит. Я проделывал это прежде, охренеть сколько раз, так почему я не успеваю? Не успеваю за ней?

– Твою мать, – бормочу я. Член восстает, и ширинка больно врезается в пах.

Тесса стонет. Разрываю поцелуй, чтобы стянуть с нее футболку. Взглядом скольжу по глазам, по губам и груди. На ней черный лифчик: ни кружев, ни блесок, ничего особенного. Просто заношенный черный бюстгальтер. Это так невинно и просто, так обыденно, что офигительно возбуждает. Кусаю себя за губу в попытке протрезветь, чтобы не сорвать с Тессы лифчик. Грудь у нее полные, налитые, выпирают из чашечек. Внизу на шее родинка, которую хочется целовать. Хочется всю Тессу покрыть поцелуями, заставить кончить и ощутить вкус ее соков.

– Ты такая сексуальная, Тесс, – выдыхаю ей в рот. Она охает.

Я все меньше себя контролирую, а Тесса все безудержней трется об меня. Я плотней прижимаю ее к себе...

Она вдруг спрыгивает и подбирает футболку, спешит одеться, прикрыться. В этот момент открывается дверь...

Тесса услышала этот звук раньше меня. Как? Неужели страсть

захватила ее не так сильно? Я бы ни за что не остановился, пусть бы даже в комнату вошли ее тираниха-мать и мистер Роджерс.

Но нет, на пороге – Стеф, изображает сильное удивление. Она столько раз при мне изображала его... Сегодня Стеф, наверное, Зед заплатил, чтобы она вломилась в комнату и нас отвлекла.

Надеюсь, Тесса не считает ее подругой. Стеф куда фальшивее рыжего цвета своих же крашенных волос.

– Черт, я что-то пропустила? – подбоченившись, спрашивает она.

– Ничего особенного, – отвечаю. Стеф подмигивает мне, а Тесса старательно отводит взгляд, смотрит в стену.

Я, не оглядываясь, выхожу из комнаты.

Если скажу хоть что-нибудь, то взорвусь.

Сердце в груди громко бухает, в голове – туман.

Я, словно в трансе, возвращаюсь к себе и залезаю в душ. Буду мыться, пока не избавлюсь от чувств, вызванных во мне этой странной замкнутой девчонкой. Все валится из рук, а ведь мне положено держать игру под контролем. Не жаждать ее губ и разума, не предвкушать, как мой член вонзится в ее тугую пилотку...

Мне полагалось просто выиграть пари.

Не знаю, сколько я простоял под душем, но вода стала холодной, и я выхожу, ступая по скользкому кафелю. Открываю шкаф, тянусь за полотенцем и вижу: бутылка с коричневой жидкостью, запрятанная здесь неизвестно кем, как будто улыбается мне, напоминает, что я – в ее власти. Я долго держался, не подходил к ней – так почему сейчас меня тянет к ее содержимому?

Ох уж эта моя тяга все контролировать! С тех пор, как я бросил пить, я неплохо потрудился: слежу за мыслями и поступками; однако серые глаза Тессы все стоят у меня перед мысленным взором, а ее блестящий разум умоляет раскрыть все его тайны.

Бутылка взывает ко мне... и я захлопываю дверцу шкафа.

У меня все под контролем.

Ни Тесса, ни эта сраная бутылка меня не подчинят.

Не позволю.

Ложусь наконец в постель и смотрю в потолок. Ночь предстоит долгая.

* * *

В шкафу темно, очень темно. Я устал прятаться, но идти больше

некуда. Крики матери не стихают, однако сколько бы я ни спускался в гостиную, найти ее саму не могу. Я ее только слышу, не вижу. Зато видел их – мужчин. Я видел их и слышал их голоса – они эхом разносятся по нашему маленькому дому.

Дверца шкафа распахивается. Съежившись, я мысленно прошу: только бы меня не нашли, только бы не нашли, – и в то же время смутно желаю, чтобы мамины крики наконец смолкли.

Ко мне тянется рука, и я озираюсь в поисках оружия.

– Хардин? – раздается в темноте тихий голос.

Вещи на вешалках расходятся, словно занавес, и она смотрит прямо на меня.

Тесса.

Она здесь. Откуда?

– Хардин, не бойся.

Она садится рядом, теплая и бесстрашная. За ухом у нее цветок, под короткими ногтями – грязь. Пахнет от Тессы цветочной лавкой.

Мамины крики стихают, и мое сердце успокаивается, больше не колотится, а мерно стучит. Тесса обнимает меня своей маленькой ручкой.

* * *

Добираюсь до колледжа; в жилах бурлит кофеин. Зрение обострилось, дурацкий сон позабыт.

Откуда в моем сне взялась Тесса? Что ей там делать? Это даже не Тесса была, а ее юная версия: пухлые щечки, блестящие глаза, в которых читаются ранняя зрелость и женственность. Странный был сон, охренительно странный, и мне ничуть не понравился.

Зато я выспался. Реально сумел отдохнуть, хоть разок за всю мою сраную жизнь. Проснулся... свежим, что ли. Я спокойнее, чем обычно.

Захожу в аудиторию, где проходят лекции по литературе, и сажусь в переднем ряду, рядом с двумя свободными местами. Жду, пока занятия начнутся, смотрю прямо перед собой. Борюсь с желанием обернуться на дверь, глянуть – не идет ли Тесса.

Наконец я все же оборачиваюсь. Тесса входит – вместе с Лэндоном. Она улыбается, никого, кроме него, и не замечая; подружилась с этим пареньком. Вот ведь подстава.

Причем я не самой дружбе удивляюсь. Дружба Тессы именно с Лэндоном пугает сильнее конкуренции Зеда.

Сегодня заканчиваем «Гордость и предубеждение», и профессор говорит:

– Надеюсь, книга всем понравилась. Раз уж вы ее дочитали, уместно построить занятие на использовании Остин приемов, позволяющих предугадать концовку. Позвольте задать вопрос: вы, как читатели, ожидали, что в конце концов Элизабет и Дарси сойдутся?

Рука Тессы моментально выстреливает вверх, и я откидываюсь на спинку стула. Тесса у нас всезнайка. Точно как Лэндон... ну прямо идеальная американская парочка.

– Да, мисс Янг? – произносит препод, и лицо Тессы озаряется. Она прямо кончает, когда ею довольны. Этим можно воспользоваться.

Я останавливаю внутренний монолог и жду ее речи по поводу старой доброй Джейн Остин.

– Когда я первый раз читала книгу, то сильно переживала, сойдутся ли Элизабет и Дарси.

Ну да, они должны были сойтись, прямо как не могут не сойтись Тесса с идеальненьким Лэндоном.

– Хотя я и прочла роман десять раз, все равно переживаю, когда их отношения только начинаются. Мистер Дарси жесток и позволяет себе нелицеприятные высказывания в адрес семьи Элизабет; неизвестно, сумеет ли она простить его – не говоря уже о том, чтобы полюбить. – Тесса сияет, сложив руки поверх книги. Ждет, что профессор погладит ее по головке, похвалит. А Лэндон пялится на Тессу так, словно она вот-вот озарится разноцветными огнями и из ушей у нее польется радуга.

Вот как сломаю им кайф!

Ну же, Хардин, не молчи.

Слова так и просятся на язык, а много-то и не надо. Сказать всего пару фраз. Мама всегда повторяла: «Дыши, Хардин». Она учила не волноваться, напоминая: «Многие боятся выступать на публике, Хардин. Стыдиться нечего».

Нет, я не боюсь выступать на публике. Я саму публику не люблю.

– Он ее заманивал, – громко произношу я, и мой голос эхом отдается от стен тихой аудитории.

– Мистер Скотт? Желаете что-нибудь добавить? – спрашивает препод, явно удивленный.

– А то. – Подаюсь вперед. Лицо Тессы – застывшая маска. Она старательно скрывает недоумение. – Он заманивал Элизабет, потому что женщины хотят того, чем обладать не могут. Мистер Дарси вел себя грубо и тем привлек к себе Элизабет. С самого начала было ясно, что они сойдутся.

Сказав это, я принимаюсь теревить заусенец на пальце.

– Неправда, что женщины стремятся обладать тем, чем обладать не могут, – взрывается Тесса. Я как можно спокойнее поднимаю на нее взгляд. – Мистер Дарси вел себя так потому, что из гордости не мог признать своей симпатии к Элизабет. Стоило ему перестать вести себя по-свински, как она догадалась о его любви.

И, словно ставя точку, Тесса гневно хватает дрожащей ручонкой по парте.

Озираюсь по сторонам: все на нас пялятся, а сестренка моего приятеля Дэна так и вовсе улыбается.

Взгляды сокурсников прикованы ко мне. Нужно что-то сказать, нужно ответить.

– Не знаю, с какими парнями ты общаешься, но если бы Дарси любил Элизабет, то не вел бы себя как свинья. – Совсем как твой нынешний парень и твой будущий парень, Лэндон. Они с тобой паиньки. – Дарси лишь потому просил руки Элизабет в конце, что она постоянно на него бросалась.

Элизабет что, правда кидалась на Дарси? Нет, совсем наоборот.

А Тесса – она бросается на меня? Снова нет, совсем наоборот.

Но я не дам ей переспорить меня.

– Она не кидалась на него! Он манипулировал ею, заставил думать, будто он – хороший. Сыграл на ее слабости!

– Он ею манипулировал? Повтори... – Я запинаюсь. В голове каша. – Я имел в виду, что Элизабет наскучила однообразная жизнь, и она в поисках развлечений решила поприставать к Дарси!

Я сам от себя в шоке. Я кричал на нее, да еще схватился за краешек парты!

– Если бы Дарси не был таким шлюхом, мог бы сам прекратить все это, после первого же раза, и не заявлялся бы к ней в комнату!

В аудитории раздаются смешки, охи-ахи, а значит, к нашему спору приобщились все. Надо было в коридоре повесить табличку, что сегодня здесь живые дебаты.

Шлюх, значит?

Может, я и переспал с половиной кампуса, совершив больше ошибок, чем Тесса, и успев позабыть о половине из них, зато я не ханжа и не

предвзятый сноб. Представьте, что я назову Тессу женским аналогом того, кем она обозвала меня.

– Ну хорошо, оживленная вышла дискуссия, – говорит профессор. Он явно обеспокоен, что из-за человеческих эмоций план занятия пошел коту под хвост. – Полагаю, на сегодня тему можно считать закрытой...

Схватив сумку и прижав ее к груди, Тесса пулей несется к выходу. Лэндон явно не умеет вести себя в стрессовых ситуациях и сидит на месте. Должно быть, он рос в тепличных условиях и мамочка каждое утро пекла ему перед школой маффины с присыпкой из чистой любви.

Я же питался черствым сухим завтраком, а перед тем, как залить его молоком, нюхал коробку – не прокисло ли. То, что происходит между мною и Тессой, заранее не спланируешь.

Бросаюсь вон из аудитории. Тесса затеяла ссору, а теперь убегает. Она привыкла так поступать, чтобы последнее слово оставалось за ней.

– На сей раз не убежишь, Тереза!

Все на меня оборачиваются. Ловлю Тессу за руку у самого выхода. Она вырывается.

– Что ты меня постоянно лапаешь? Еще раз схватишь – врежу! – громко и яростно предупреждает она.

Снова тянусь схватить ее за руку.

– Чего тебе, Хардин? Хочешь позлорадствовать? Снова достал меня и доволен? Устала я от этой игры...

Тесса говорит и говорит. Не стану передавать всех ее слов – у меня просто не получится, честно. От ярости и злости она утратила рассудок. С Лэндоном она вся такая милая, улыбается, а со мной – фурия, мечет громы и молнии. Сейчас ее глаза сверкают – не то от гнева, не то от досады. Значит, я все еще могу вызвать в ней бурю эмоций.

– Правда же, я вызываю в тебе самое худшее? – Нащупываю прожженную дырку на кромке футболки. – И не играю я с тобой в игры.

Вокруг собирается толпа, и я провожу пальцами по волосам. Почему с Тессой все всегда так масштабно?

Тесса потирает виски.

– Тогда чем же ты занят? От твоих перепадов настроения у меня голова болит.

Нежно беру ее за руки – она не противится – и завожу в узкий переулок между корпусами. Сердитым взглядом даю понять окружающим, чтобы не пялились. Нечего подслушивать, а то Тесса опять врубит режим «идеальной девочки».

Какая она спокойная, смирная, пусть даже наши тела так близки!

Встречаемся взглядами, и Тесса судорожно сглатывает. Губы у нее дрожат. Я вроде нашел брешь в ее броне.

– Тесса, я... сам не знаю, что делаю. Ты ведь первой меня поцеловала, не забывай. – Не важно, что я с тех пор не могу забыть вкус ее губ. Она первая поцеловала меня, и это всегда будет аргумент в мою пользу.

– Ну да... пьяная, не забыл? – Она стыдливо опускает взгляд. – А вчера ты сам начал меня целовать.

Тесса ни за что не признается, что хочет меня, всегда найдет отговорку. Меня ее отрицание раздражает все больше и больше. Я же чувствовал, как она расцветает, когда целовал ее.

Сама она, может, и ненавидит меня, но телу-то не прикажешь.

– Конечно... ведь ты меня не остановила. – В ее взгляде появляется любопытство. – Это, наверное, утомляет?

– Что – утомляет? – гордо вскинув подбородок, спрашивает она.

– Делать вид, будто не хочешь меня. – Шагаю ей навстречу, и Тесса пятится, упираясь спиной в стену.

Она так спокойна, будто тело наконец осознало, чего желает.

Однако разум снова берет верх.

– Ч-что? – лопочет она. – Я не хочу тебя. У меня парень есть.

Тесса из кожи вон лезет, лишь бы говорить ровным голосом.

Я слегка улыбаюсь.

– Парень, с которым тебе скучно. Признайся, Тесс, не мне, а себе самой: тебе с твоим парнем скучно. – Говорю как можно медленнее, произнося каждое слово по отдельности и одновременно наклоняясь к Тессе.

Ее взгляд прикован к моим губам – как же иначе? Мысленно Тесс прикидывает шансы. Легонько касается губ – вспоминает, наверное, наши поцелуи. Она тут, со мной, никуда не денется. Желание и любопытство, влечение ко мне не дадут ей сбежать.

– Ты с ним хоть раз ощущала то же, что ощущаешь со мной? – Мне и правда интересно.

– Ч-чего? Ну конечно же, да, – робко пытается заверить меня Тесса.

Не верю, неправда. О книжках она и то искренней рассуждает, чем об умениях милого бойфренда ублажить ее.

– Нет... Он к тебе не прикасался ни разу... по-настоящему.

Ее рот приоткрыт, и я практически слышу, как из горла доносится бешеный стук сердца. Неужели она не понимает, как ее прерывистое дыхание и полные губы меня заводят? Видно ли по глазам, как сильно я хочу намотать ее волосы на кулак, развернуть ее к себе и поцеловать?

Вот ее тело точно знает об этом. Знает.

– Не твое дело.

Наверное, если носить маску так долго, как носит она, то эту маску уже не снимешь. Либо же Тесса просто чувствует себя невидимкой.

– Ты даже не представляешь, как хорошо я могу тебе сделать. – Подступаю ближе. Ну, дай мне тебя убедить, дай показать... Еще чуть-чуть, и начну молить ее.

Снова упершись в стену, Тесса затравленно озирается, ищет, куда отступить. Дышит бурно. Наконец мои чары действуют.

– Да ладно, признаваться не обязательно. Я и так вижу.

Тесса ахает – казалось бы, такой невинный звук, но мне все ясно. Она хочет большего; разум и тело изнемогают.

– Пульс участился, да? Во рту пересохло, и у тебя это чувство... внизу. Я прав, Тереза?

Воображаю, как она голая лежит передо мной, как я провожу пальцами по ее влажной киске.

Сделав резкий вдох, Тесса спешит отвернуться.

– Ошибаешься.

Нет, она знает: я прав.

– Я не ошибаюсь, никогда. Только не в таких делах.

Тесса вздыхает. Я на верном пути.

– Зачем ты твердишь, будто я кидаюсь на тебя, если сам зажимаешь меня в угол?

– Затем, что первый ход сделала ты. – Смеюсь. – Я удивился не меньше твоего.

– Я была пьяна, ночь выдалась долгая... Я запуталась, а ты был добр... по-своему добр.

По-своему добр? Я исключительно добр, ведь на то есть причина – пари.

Тесса садится на краешек тротуара. Оглядываюсь – не смотрит ли кто. Все спокойно – прохожие внимания не обращают.

– Я с тобой вовсе не подл, – говорю. Считает ли Тесса иначе?

– А вообще ты из кожи вон лезешь, только бы насолить мне. И не мне одной – всем. Просто со мной ты особенно груб.

Особенно груб? Да я ласков с ней, как с котенком!

– Это не так. Я с тобой не грубей, чем с остальным человечеством.

Тесса внезапно вскакивает на ноги.

– Зачем я трачу на тебя время?

Она вот-вот уйдет, а я не хочу ее отпускать. Не хочу?

Нет, не хочу. Я плохо умею извиняться, особенно если не вижу, за что, но сейчас лучше сказать по-человечески «извини». Я быстро выяснил, что Тесса падка на извинения.

– Эй, ну прости. Присядь, – прошу я вкрадчивым тоном, который нравится девчонкам. Тесса так и стоит, а я сажусь рядом с тем местом, где сидела она.

– Присядь. – Хлопаю по бетонке.

Попыхтев немного, она все же садится. Скрещивает ноги и вздыхает.

– Может, договоримся держаться друг от друга подальше? Останемся друзьями? У меня правда нет желания воевать с тобой.

Что-то я не заметил, чтобы мы часто цапались. Болтаем вот и впрямь чаще, чем ожидалось. Я с Кеном и то чаще ссорюсь, а разговариваю – куда реже.

Жаль насовсем расстаться с ней. Мне будет не хватать ее колкостей, ее гневных взглядов.

– Я не хочу от тебя отдаляться, – признаю.

Бесит, что с ней приходится вести себя как можно приличней: стоит оступиться, и она уйдет. Хотелось бы верить, что сегодня мы немного сблизились и Тесса больше не станет убегать от меня так поспешно. Надо признаваться ей в чувствах, открываться больше, чем я привык кому-либо открываться, но взамен – ничего. Я как будто женился, только мне по вечерам ни секса, ни ужина.

– В смысле... вряд ли у нас получится больше не видеться, раз уж твоя соседка – одна из моих лучших друзей. Значит, надо нам подружиться.

Мне предстоит победить в споре, а добыча-то не из легких.

– Выходит, друзья? – спрашивает Тесса нарочито деловым тоном.

Предложить ей поделить выигрыш пополам? Отличное выйдет начало для цветущей дружбы.

Друзья? Тогда уж друзья с опцией «потрахать».

– Друзья. – Протягиваю ей руку.

Изображаю очаровательную улыбку, однако Тесса мотает головой. Чует подставу, хотя и не так тонко, чтобы вообще держаться от меня подальше.

– Только не друзья с привилегиями, – уверенно заявляет она и тут же выдает себя, покраснев. Я и не замечал, как соблазнительна невинность.

– С чего это ты о привилегиях вспомнила? – спрашиваю, потеряв сдержку в брови.

– Как будто сам не понимаешь. Стеф мне рассказала.

– Что, про нас с ней?

Стеф – девчонка ничего, с ней прикольно общаться. У нее свои тараканы, как и у всех, но она их напоказ не выставляет, как я или Молли. Интересно, что эта рыжая рассказала Тессе? Про наши эскапады, наверное, и красок не пожалела. Стеф всегда требовала больше, чем я мог дать.

– Про вас с ней и про тебя с другими девушками, – с трудом произносит Тесса.

– Ну, нам со Стеф... было весело. – Я улыбаюсь, и она отворачивается. – И да, у меня есть девчонки, которых я трахаю, но тебе-то что за печаль, подруга?

Представляю Тессу на месте любой из них, как она лежит подо мной, приоткрыв от наслаждения рот. Вот она закрывает глаза, у нее перехватывает дыхание, когда она кончает – я работаю пальцами и ртом одновременно. Уверен, еще никто не ласкал Тессе клитор языком, вводя пальцы в...

– Да никакой печали, – говорит Тесса, выводя меня из задумчивости. – Просто не надейся, что однажды я стану одной из тех, других.

Огонь моих фантазий лишь ярче вспыхивает.

– Ой-ой-ой! Ревнуешь, Тереза?

– Еще чего! Мне жаль этих девушек. – Она качает головой, и я смеюсь. Со мной она забыла бы о жалости. Получала бы наслаждение, безграничное наслаждение, о каком и мечтать не смела.

– Зря жалеешь. – По-прежнему воображаю ее голой. Хочу видеть, что она скрывает под мешковатой одеждой. – Поверь, им всем это нравилось.

– Ладно, ладно, я все поняла. Давай сменим тему... – Прикрыв глаза, Тесса запрокидывает голову. – Ну что, будешь вести себя учтивее?

– Конечно. А ты перестанешь быть такой зажатой стервой? – дразню я ее.

– Это не я стерва, а ты – нахал.

Мы оба смеемся. Смех Тессы легкий, текучий; он меня обволакивает. Голова приятно кружится.

Голова кружится? Да ты что, Хардин!

Надо собраться и перевести наш паровозик дружбы на верные рельсы.

Подаюсь ближе к новой подруге.

– Ты только глянь на нас двоих, друзей.

Тесса, отпрянув, встает. Я возвращаюсь к фантазиям и представляю, как стягиваю с нее юбку.

– Тесс, у тебя ужасная юбка. Раз уж мы теперь друзья, не носи ее больше.

Смущенная, Тесса сверкает глазами, и я спешу улыбнуться. Я ведь не

оскорбить хотел, а подразнить. Нет, правда, если хочет носить непривлекательную одежду, флаг ей в руки. У меня самого всего несколько пар черных джинсов и замызганные футболки.

Телефон у Тессы в сумочке начинает вибрировать.

– Мне пора на занятия, – говорит она.

Смотрю на кусок древнего пластика у нее в руках. «Нокиа»?

– Будильник? Для начала занятий? – спрашиваю. Похоже, у нее последняя в мире «раскладушка». По-моему, Тесса намеренно создает себе образ отставшей от времени.

– Я много когда будильник ставлю, – пожимает она плечами. – Такая вот я.

Она как будто стыдится своих привычек. Оправдывается. С чего бы? Наверное, это чье-то влияние. Наверняка мамашина работа. Да, я тоже заставляю Тессу стремиться своего поведения, но эта женщина – зануда из зануд. Небось и в туалет заставляла ходить по будильнику.

– Ладно, тогда я поставлю себе напоминалку, чтобы мы завтра с тобой повеселились после занятий, – говорю я.

Хочу провести с ней время. Мне это нужно.

Тесса смущенно сводит брови к переносице.

– Вряд ли наши представления о веселье совпадают.

Это уж точно. Я себе веселье представляю не так, как она. В понимании Тессы, приятное времяпрепровождение – это когда мальчик с девочкой делают вместе уроки, лежа на заваленной заметками и тяжеленными учебниками кровати. Такое вот академическое средство борьбы с возбуждением.

Я себе развлечения представляю иначе. Веселье – это когда я сижу на кровати, упершись спиной в изголовье, а Тесса мне сосет. Она заглатывает моего красавца все глубже и глубже, а я потягиваю холодный вискарь; в стакане приятно позвякивает кубик льда.

Хотя... Мне вообще-то пить не следует, так что дам ей в рот на трезвую голову.

– Ну, – говорю я вслух, – принесем в жертву пару котят, сожжем здание-другое...

Тесса хихикает, и я невольно улыбаюсь в ответ. Нас отвлекает проходящая мимо парочка: парень с девушкой держатся за руки и смеются над какой-то дебильной шуткой. Я не расслышал, что именно сказал парень, но шутка наверняка дебильная, ведь оба в одинаковых полосатых носках – так они ненавязчиво показывают невинным встречным, что состоят в отношениях. Придурки. Тесса их словно и не заметила, смотрит

под ноги.

– Тебе и правда не помешало бы развеяться, а раз уж мы с тобой друзья, то и повеселимся вместе.

Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и ухожу.

– Вот и хорошо, рад, что ты согласилась. До завтра.

Прейдя улицу, оборачиваюсь и вижу, что Тесса по-прежнему сидит на бордюре. Она не стала отказываться, значит, хочет со мной погулять. Ну вот, и какого хрена мне теперь делать? Я-то рассчитывал, что она будет ломаться и согласится не с первого раза и что я успею составить план.

Сажусь в машину и думаю, как быть с Тессой. Я ведь ни с кем не гуляю. Разве что прихожу на тусы к кому-нибудь в гости. В остальное время кукую один, в общаге или у себя в комнате.

Завожу мотор. Ну, теперь что? В кино сходим? Какие фильмы нравятся Тессе? Наверняка что-нибудь в духе экранизаций книг Спаркса^[3]. Мы сядем в темном зале, я незаметно ее обниму. Может, угощу попкорном или шоколадкой по завышенной цене – чисто чтобы впечатлить. Беда только в том, что поболтать не удастся. Обязательно кто-нибудь начнет ворчать, и я устрою ссору.

В прошлом ритуал свидания был куда проще. Если бы мы жили в каком-нибудь из романов Остин, я бы пригласил Тесс на свидание под присмотром дуэньи. Мы гуляли бы по саду, разговаривали, и если бы мне достало храбрости – коснулся бы ее затянутой в перчатку руки своей, тоже в перчатке. Тесса зарделась бы и, приложив палец к губам, стрельнула бы настороженным взглядом в сторону дуэньи.

Современные ритуалы разительно отличаются: можно потискать соски через футболку, а она запустит мою руку в теплую ложбинку себе между ног. Нет сопровождающих – нет и правил.

Из задумчивости меня выводит телефонный звонок.

У Тессы есть мой номер? Кстати, мне бы ее номерок узнать, через Стеф.

Увидев на экране имя Кена, я морщусь, однако на звонок отвечаю. Такая настойчивость достойна награды.

– Алле? – говорю, сворачивая на шоссе. Прижимаю трубу плечом к уху. Единственный недостаток моего «Форда-Капри» 1970 года выпуска – в салоне нет блютуса.

– Э-э... привет, Хардин, – запинаясь, произносит Кен.

Я ответил наконец, и он растерялся. Кен звонит время от времени и думает, наверное, что поступает правильно, по-отцовски. Звонит-то для галочки, потому что знает: я не отвечу; упорство, с которым он названивает

непослушному сыночку, помогает ему самоутверждаться. Новая подружка поди хвалит его, типа «Пусть пока позлится, когда-нибудь все равно придет».

Она бы и сама злилась, будь у нее такой папаша.

– Привет. – Поставив телефон на громкую связь, кладу его обратно в подстаканник.

– Как дела, сынок? – спрашивает Кен. «Сынок»? Офигел?

– Нормально.

– Рад слышать, – говорит он, откашлявшись. – Я вот хотел пригласить тебя на ужин, завтра. Карен готовит цыпленка. Было бы здорово, если бы ты пришел.

На ужин приглашает? Чтобы я пришел в его новый дом, сел за стол с его новой семьей и мы все мило так поболтали? Да ну на хер!

– У меня планы на завтра, – говорю. На этот раз честно.

– О... Тогда, может, заглянешь после дел? Карен еще и десерт приготовит.

– У меня вся ночь расписана. – Интересно, какая завтра погода? Небо затянуто серыми облаками, как и всегда в этом сраном штате. Должно быть, солнце его ненавидит, поэтому здесь постоянно дожди и пасмурно. – Завтра дождь не ожидается? – спрашиваю у Кена. Проще так, чем посмотреть прогноз погоды.

– Нет, к утру потеплеет, и всю неделю будет ясно.

Если бы у меня с этим человеком, который принял участие в моем создании, сложились нормальные отношения, я бы спросил совета: как быть со свиданием? – но отношения не сложились, и я не спрошу.

Могу спросить разве что, какие бумажки и когда надо заполнять по учебе. Мы слишком чужие друг другу.

Уж лучше я обращаюсь к Вэнсу.

– Мне пора, – говорю и обрываю звонок. Ищу в телефонной книге имя Вэнса.

Отвечает он после первого же гудка.

– Хардин, как жизнь?

– Можешь посоветовать, куда отвезти кого-нибудь? – выпаливаю не своим голосом.

– Труп, что ли? – смеется Вэнс, и я улыбаюсь. Ну и придурок же он.

– Нет. – Главное, не упомянуть Тессу. – Есть человек, и с ним надо где-нибудь оттянуться.

– А, на свидание собираешься?

– Да не то чтобы...

Не знаю даже, как назвать эту нашу встречу. Это точно не свидание, ведь мы же друзья.

Ну, пока я ее не трахну.

Тесса зажата, носит черт знает что и почти не ругается. Куда мне ее сводить, чтобы поднять настроение? Пробую вспомнить места, что мне нравились.

Река у Семьдесят пятого шоссе – ничего. Если погода хорошая, можно будет искупаться: в ясный день под мелкой водой видно каменистое дно. Согласится ли Тесса искупаться в относительно чистой речке? Нет, наверное, но я все равно предложу.

– Ну, прогулка на природе, по-моему, верняк, – говорит Вэнс.

Первый раз, когда они остались наедине, в нем что-то пробудилось. Сперва он пробовал бороться с новым чувством, думал, что стал слишком мягок – и не только к ней, ко всем окружающим. Он ведь всю жизнь провел в одиночестве, оттачивая мастерство не сближаться ни с кем – кроме разве что ради секса. Его не учили, как уживаться в обществе, он не нуждался в друзьях или полноценной семье. Ему так нравилось, так было проще. Во время первой встречи с ней он задыхался, однако позже, со временем, почувствовал нечто иное, нечто, что могло бы изменить все, к чему он привык.

* * *

Наконец утро, а я и не спал. Дело даже не в сраных кошмарах, дело в Тессе.

Я видел ее во сне, и далеко не так, как хотелось бы: не голой и постанывающей. Нет, Тесса была в ярости. В похожем на кино кошмаре, который породил мой усталый мозг, она ушибла пальчик на ноге и весь день ныла. В другом сне она с ума сходила от тоски и хотела, чтобы за ней приехал бойфренд. Вместо него появился какой-то кардигановый монстр, страшный и одновременно скучный.

На мысли об этой девчонке я потратил до печального много времени. Уже через месяц она потеряет для меня всякий смысл. Если «свидание» сегодня пройдет как надо, то скоро я выиграю спор... Дьявол, да если я сумею очаровать Тессу, то, может, и у реки...

Звенит будильник, и я выбираюсь из кровати.

Сегодня решающий день. Голова пульсирует. Раздражает то раздражение, с каким приходится что-то делать, дабы расположить к себе Тессу. Надо, наверное, в душ зайти... Одеваясь, мельком думаю: что там поделявает Тесса? Так же раздражена? Уж наверное. Она ведь такая зажатая, а стоило мне предложить дружбу, как она чуть ли не буквально внесла меня в свой органайзер.

После душа подыскиваю в комодке чистую черную футболку. Нашел одну, но она мятая... ладно, сойдет. Выхожу из общаги и сажусь в машину. Под ногой хрустит – это пустая бутылка из-под воды закатилась под педаль

газа. Сонный и злой, вылезаю из салона и ищу, куда бы ее выбросить.

Мне и правда не помешало бы выспаться.

В колледж приезжаю раньше, чем нужно, вспомнив на полпути к аудитории, что забыл в салоне тетради и учебники. Ладно, хрен с ними.

Первая пара – литература. Занимаю место; Тессы и Лэндона еще нет, и я тихо злорадствую. Я пришел раньше Тессы, и это наверняка ее взбесит. Нужно уметь радоваться таким мелочам жизни.

Поглядывая время от времени на дверь, листаю список пропущенных звонков: Молли, Джейс и эта странная девчонка, имя которой я никак не запомню. Наконец появляются Тесса и Лэндон: трещат только так, Тесса свежа и вроде как выспалась. Ни тебе кругов под глазами, ни каких-то еще признаков бессонной ночи.

– Готова к свиданию? – спрашиваю у Тессы, когда проходит мимо впритирку к моей парте. Какой же соблазнительный изгиб у ее бедра! Очертания бедер – мои любимые очертания в женском теле.

– Это не свидание, – напоминает Тесса и, повернувшись к Лэндону, добавляет: – Просто дружеская встреча.

– Да без разницы. – Сегодня Тесса надела джинсы. Черт, в обтяжечку.

Все занятие Тесса старательно на меня не смотрит. Я тоже не обращаю на нее внимания.

После пары Лэндон что-то ей говорит – вот говнюк, слишком тихо, – и Тесса отвечает:

– Мы пытаемся поладить. Моя соседка – его хорошая подруга.

Пытаемся поладить? Ну-ну.

Подхожу немного ближе к Нердракуле и его подружке, горяченькой нердочке. Лэндон свою сраную рубашку поло заправил в серые слаксы. Он разве не бедный студентик? А, нет, постойте, он ведь живет в большом красивом доме, недалеко отсюда, с человеком, который фактически мой отец, тогда как моя мать живет в Англии, в какой-то дыре. Мне же домом служит общага, кишущая неряшливыми выпендрежниками, которые никак не спешат помогать нашему прекрасному обществу. Парень Тессы наверняка попадет в братство: блондин, голубые глаза, носит лоферы, кардиганы. Это будет союз, заключенный на небесах.

Если он научится пить. Пить очень много...

Поймав на себе мой взгляд, Лэндон даже не думает понижать голос.

– Ты очень хороший друг, но вряд ли Хардин заслуживает твоей доброты.

Правда? Чего же я тогда заслуживаю, Лэндон? Папочку, который любит выпивку больше, чем единственного биологического сыночка?

– Тебе заняться нечем, кроме как клеветать на меня? Исчезни, приятель, – как можно вежливее говорю я. Если бы я высказал все, что думаю, Тесса отменила бы уговор о свидании.

Мне Лэндон не отвечает, только хмурится и шепчет что-то Тессе. Когда он уходит, Тесса оборачивается ко мне.

– Не надо было так грубить. Вы же, считай, братья. – Она чуть не молнии из глаз мечет.

Считай, братья? В каком подобии объективной реальности живет эта курица, если считает нас с Лэндоном братьями? Мы два чужака, объединенные третьим.

– Что ты сказала? – спрашиваю сквозь зубы.

Только лишь потому, что мой нищеврод папаша привел Лэндона с его мамочкой в особняк, набитый под завязку шоколадными печеньками... Стоп, откуда Тесса знает?..

Запускаю пятерню в волосы.

– Ты про его маму и твоего папу? – смущенно отвечает Тесса и, кивнув, хмурится, словно выдала некий секрет.

Оборачиваюсь к двери. Может, еще успею догнать паршивца Лэндона.

– Не твое дело.

С чего он взял, что может обсуждать наши семейные дела?

– Не знаю, с какой стати этот говнюк все тебе выложил, но мне, похоже, придется его заткнуть.

Стискиваю кулаки до хруста. Кожа на незаживающих ссадинах лопается.

– Не трогай его, Хардин, – сердито предупреждает Тесса. Ну, прямо Королева Воинов. Очень убедительно. – Он не хотел ничего рассказывать, я его заставила.

Выходит, она теперь знает про мою семью. Знает то, что ей знать не положено.

– Ну, и куда мы сегодня? – спрашивает Тесса.

Она слишком близко ко мне подбирается. Вот, дошла и до личного, а мне от этого легче не трахается. Тесса, наверное, у Лэндона и на другие вопросы обо мне ответы выудила: почему я не живу с Кеном, не общаюсь с ним?.. Лэндон наверняка выложил ей и то, что отец рассказывал про мое детство.

– Никуда мы не едем, я передумал, – говорю я и оставляю ее одну.

Тессу нельзя подпускать к себе ближе. Слишком уж она настырна. Не желаю больше иметь с ней дела.

Когда я добираюсь до машины, голова пульсирует от боли, а ладони

влажные от пота. Зачем, зачем Лэндон рассказал Тессе о моей семье? Теперь она все знает. По крайней мере, хорошее о моем папочке: что он ректор колледжа, что он был третьим на своем курсе и любит спорт.

А не узнает она, что он алкаш – алкаш из алкашей, – потому что и Лэндон Кена с этой стороны не знает.

Он вообще что-нибудь об отчине знает? Правду о нем? Или мой дорогой старик совсем ему голову заморочил?

Я бы хотел первым раскрыть его подноготную за кокосовым пирогом мамочки Лэндона.

Мне вдруг становится душно, и я торопливо опускаю окно. Ручка стеклоподъемника заедает, и я дергаю. Не машина, а развалюха!.. Где-то через полминуты, отдышавшись наконец, выезжаю с парковки. Если бы Тесса за мной побежала, не знаю, что бы я сделал...

И десяти минут не успеваю провести у себя в комнате, как приходит эсэмэска от Молли: «Зед в общаге с Целкой Барби. Поспеши, любовничек».

«Что? Откуда знаешь?» – отвечаю. С какой стати именно Молли сообщает об этом?..

Может, прикалывается?

«Я не целуюсь и секретов не выдаю».

Прямо слышу ее насмешливый тон. Обуваюсь. Мои черные ботинки до того сносились, что в любой момент готовы порваться. Я, однако, проходил в них несколько лет: они такие удобные, что вряд ли удастся найти им замену.

От Молли я больше ничего не добьюсь, поэтому, выбегая на улицу, набираю сообщение Стеф: «Тесса с Зедом?»

Отвечает она моментально: «Не здесь».

Сразу понимаю: врет, – и ускоряю шаг.

Врываюсь в комнату и вижу: Тесс с Зедом сидят на кровати Стеф. На маленькой кровати. А еще тут сама Стеф и Тристан. Тесса сидит неподвижно. Но она с Зедом, на кровати. На кровати, с Зедом.

Я в ярости.

– Черт, мог бы и постучаться, – пеняет мне Стеф, строит из себя дурочку. Она ведь знала, что я сразу примчусь, – потому и рассказала все Молли. Удивляюсь только, что Молли мне написала. Встретившись со мной взглядом, Стеф смеется. – А то вдруг я голая или еще что!..

Вдруг? По глазам вижу, что она была голая. Да, я видел ее голой и знаю, что сиськи у нее и вполтину не так велики, как выглядят под одеждой. Просто Стеф носит лифчики с «виннипухами». Зато у нее одна из лучших задниц, что я когда-либо лапал...

Проходя в комнату, говорю:

– Было бы что прятать.

У Тессы и Тристана лица такие, будто им в миску с сухим завтраком нассали.

– Ой, да заткнись. – Стеф смеется, довольная тем, что привлекла к себе внимание, без которого жить не может.

– Чем занимаетесь? – спрашиваю ребят, присаживаясь на кровать Тессы. Ну, хотя бы не Зед сюда свой зад опустил. Хоть какое-то утешение.

Зед улыбается мне. Какого хрена?

– Мы, собственно, в кино собирались, – сообщает он. – Тесса, пошли с нами.

Тесса смотрит на меня, затем на него. Она нервничает. Она готова согласиться!

– Вообще-то, – спешу вмешаться я, – у нас с Тессой на сегодня планы.

Предупреждающе смотрю на Зеда, и тот медленно, как бы с вызовом, моргает. Тристан молчит, не желает вмешиваться в драму. Он вообще-то чел хороший, но встречается с такой поганкой...

– Что? – хором спрашивают Зед и Стеф.

– Да. Я как раз за ней заехал.

Тесса, правда, сидит неподвижно, не собирается со мной уходить.

– Ну ты как, готова? – невозмутимо спрашиваю ее.

Тесса, похоже, борется сама с собой. Я уже готов ее убеждать, когда она кивает и встает.

– Ладно, позже увидимся! – Мой голос звучит так громко, и Тессу к двери я подталкиваю так быстро, словно я на спидах.

Снаружи Тесса едва за мной поспевает. Ноги у нее длинные, зато ляжки слегка толстоваты. Вот бы, ухватившись за них, уложить Тессу лицом на капот моей тачки и ей хорошенько вставить. Член буквально дрожит от напряжения, скорее бы в мягкое нутро...

Из задумчивости выныриваю, заметив, что машинально открыл перед Тессой дверцу пассажирского места. Она, правда, садиться не спешит.

Стоит такая, скрестив на груди руки и невольно приподняв сиськи. Злитесь.

– Ладно, запомню, что дверь тебе открывать не надо... – саркастично произношу я.

Она качает головой, готовая метать молнии.

– Что это такое было? Я ведь знаю: ты не за мной приехал. Сам отменил встречу!

Она кричит в полный голос. На парковке мы не одни, но Тесса, похоже, не замечает окружающих. Мы хоть и ссорились дважды на людях, однако она не из тех, кто любит работать на публику.

Она мне просто мозг выносит.

– Нет, я именно за тобой и приехал. А теперь давай в тачку, – жестом велю забираться в салон. Не зря же я прибрался внутри.

– Если не признаешься, что приехал не ради встречи со мной, то я вернусь обратно и пойду в кино с Зедом!

Я ее просто не понимаю. Называет меня грубияном, а сама вон как со мной обращается. Ну, и какого хрена мне говорить?

Сдать Молли? Черта с два, Розовая мне потом инфу больше не сольет. И что это Тесса пугает меня походом в кино с Зедом? Знает про пари? Стеф просветила?

Что-то в ней явно изменилось. Да, наверняка Стеф растрепала ей про пари.

– Признавайся, Хардин, или я ухожу.

Она что, насмехается надо мной? Нет? Вроде бы говорит искренне, искренне возмущается. Вон как ноздри раздувает... Это, кстати, забавно.

– Ладно, ладно, признаюсь. А теперь садись уже в чертову тачку, больше я просить не буду.

Победить я хочу, но игра становится слишком требовательной и запутанной. А я не собираюсь вкладываться в нее, пока не передам приз кому-нибудь из сокурсников. Оставив дверцу с пассажирской стороны открытой, перехожу на свою сторону.

Тесса – что неудивительно – наконец-то садится.

Злой как черт, выезжаю с парковки. Я бы отказался – и отказался ведь – от затеи с прогулкой, но вот я снова с Тессой. Голова болит, я разрываюсь: одна моя половина хочет орать и, открыв окна в салоне, продышаться, зато вторая ощущает спокойствие, которое медленно наполняет меня тишиной. Врубаю музыку погромче, чтобы заглушить мысли. Обычно это помогает: группа мужиков орет, надрываясь, поет о смерти и депрессухе, и все это на фоне повторяющихся проигрышей и оглушительных барабанных соло.

Тессе, похоже, философия «Слипнота» не по душе, и она тянется к ручке переключения волн.

– Не трогай мое радио.

– Будешь и дальше вести себя как придурок, я с тобой гулять не стану, – угрожает мне Тесса и демонстративно откидывается на спинку сиденья.

– Я не придурок. Просто не трогай радио.

Я задыхаюсь, а громкая музыка притупляет чувство паники. Тесса глядит на радио до того злобно, что мне становится смешно. Правда, смеяться сейчас не время.

– Какая, кстати, тебе разница, пойду я с Зедом в кино или нет? Тристан и Стеф тоже хотели пойти, – говорит Тесса, надменно выпятив подбородок.

Типа двойное свидание? Ну здрасьте...

– Сомневаюсь, что намерения у Зеда такие невинные. – Не знаю, что еще сказать, поэтому смотрю прямо на дорогу.

Выдержав напряженную паузу, Тесса разражается смехом. Да что с ней такое, мать вашу?

– А у тебя, значит, невинные?.. Зед хотя бы учтив со мной.

Она смеется, не переставая. Зед учтив с ней? Учтив?!

Мне тошно подумать, что он тоже претендует на твою невинность, лапочка.

Я вроде как первый ее засталбил.

Ладно, молчи, Хардин.

– Может, все-таки сделаешь тише? – просит Тесса, стараясь перекричать Кори Тейлора.

Согласно киваю. В моих силах все же немного поднять ей настроение.

– Ужас, а не музыка, – жалуется Тесса. Удивила! С первого взгляда ясно, что слушает она совершенно другое.

Принимаюсь барабанить пальцами по рулю и замечаю, что Тесса точно так же, с отсутствующим видом, постукивает пальцами по коленкам.

– Ты не права. Хотя... что ты считаешь достойной музыкой?

Улыбаюсь при мысли, что ее хит-парад состоит из чего-нибудь вроде «Н-Синк», Джессики Симпсон и одной из тех жутких девчачьих групп, которых регулярно рождает матушка Англия.

– Ну, – подумав немного, говорит Тесса, – мне нравятся «Бон Айвер» и «Фрей».

– Еще бы. – Одна группа христианского толка, вторая – до безобразия хипстерская. Я вот ничуть не удивлен.

Ладно, ладно, оба коллектива достойные, просто не в моем вкусе. Драйва не хватает.

– Что не так? Они же безумно талантливы и музыку исполняют просто прекрасную. – Слова Тессы наполнены страстью, но стоит глянуть ей в глаза, как она отворачивается и смотрит в окно.

– Ну да... талантливы. Талантливо усыпляют народ.

Тесса игриво шлепает меня ладошкой по руке. Со мной такое впервые, хотя я постоянно вижу, как этой фигней страдают другие пары.

– А мне вот нравятся, – гордо улыбается Тесса. – Куда едем?

– В одно из моих любимых мест. – Точно не говорю, уж больно любопытная.

– А конкретно? – продолжает допытываться Тесса. По-другому она не может, зануда несчастная.

– Тебе все надо знать наперед? – перехожу в контратаку.

– Да, мне нравится...

– Все контролировать?

Тесса молчит.

Ладно, пусть молчит. Давить пока не буду.

– Не скажу, пока не приедем, а придем мы... минут через пять.

Тесса смущенно озирается по сторонам. Ее так и распирает, она хочет спросить, но усилием воли заставляет себя успокоиться. Мне же лучше. Минуты через две она начинает оглядываться на заднее сиденье.

– Приглянулось что-то? – дразню ее, и Тесса качает головой. Убирает за ухо длинную выбившуюся прядь. Интересно, она натуральная блондинка? Похоже, натуральная, в мамочку.

– Что у тебя за машина? – спрашивает она, глядя на свои матерчатые туфли.

– Классика, «Форд-Капри». – Машину свою я люблю больше жизни и горжусь ею до умопомрачения. Рассказываю Тессе про восстановленный движок и глушитель, и она в меру поддерживает беседу: улыбается и кивает, хотя в тему явно не врубается. Зато мне, как ни странно, приятно потолковать с живым человеком.

Оглянувшись на Тессу через некоторое время, замечаю, что она смотрит прямо на меня. В затылке, а потом и во всей спине рождается напряжение.

Слишком близко. Она подбирается ко мне слишком близко.

Это просто игра, вот и относись к ней как к элементу игры, Хардин.

– Не люблю, когда на меня так смотрят, – как можно спокойнее говорю я.

Тесса чересчур любопытная, и мне это почему-то нравится.

По узкой дорожке проезжаю на небольшой, присыпанный гравием участок между массивными деревьями. Тут хорошо, и не бывает людей, что для меня просто идеально. Особенно в такой редкий погожий день, когда над Олимпийским Полуостровом не идет дождь. К мертвому небу я привык, еще когда рос в Хэмпстеде; осенью солнце там тоже редкость.

Оглядевшись, Тесса начинает хмуриться.

– Не волнуйся, убивать я тебя не собираюсь, – пытаюсь рассмешить ее, когда мы вылезаем из машины.

Видя поле желтых полевых цветов, она слегка расслабляется.

– Чем займемся? – спрашивает Тесса.

– Сперва погуляем.

Вздохнув, она следует за мной по тропинке. Вид у нее несчастный. О чем я только думал?

– Тут недалеко.

Тесса мне не доверяет, и у нее сегодня дурное настроение. Ну-ну, а когда у нее хорошее настроение? Сосредотачиваюсь на облачках пыли, что поднимаются из-под ног. Шагов Тессы почти не слышно, и плетется она невероятно медленно.

– Ладно, если поспешим, то к закату управимся, – дразню я ее, когда мы доходим до дерева, к которому привязан старый забытый велосипед. Он служит отметкой, что полпути пройдено, а всего идти где-то милью. Неплохо. Тесса бредет еще медленней, чем раньше, но мучения окупаются, когда мы наконец достигаем воды. Тесса тихонько охает, словно речушка посреди леса – настоящее чудо.

Она плавать-то вообще любит? Надо было спросить, пожалуй.

Молча жду, пока Тесса хорошенько осмотрится. Когда мы наедине, не могу придумать ни фиги, о чем с ней поговорить. Может, сразу в воду залезть? Тесса стоит на месте, избегая смотреть мне в глаза, пинает пыль под ногами.

Ну и хрен бы с ней. Я – купаться.

Снимаю футболку и жду, что Тесса вот-вот разнюхается. Говорит она мало, зато эмоции у нее всегда сопровождаются характерными звуками: с улыбкой идут охи-ахи, раздраженная, она пыхтит, а возбужденная – задыхается.

– Погоди, зачем ты разделся? – спрашивает она. Сама не замечает, как

пристально пялится на мою обнаженную грудь. – Будешь купаться? Здесь?

Тесса с отвращением указывает на воду. Ну разумеется, маленькая мисс Я-Сама-Гордость не желает намочить одежду и волосы!

– Да, и ты – тоже. Я тут часто отдыхаю. – Расстегиваю пуговицу на джинсах, а Тесса продолжает нить.

Взгляда при этом с меня не сводит.

– Не стану я тут плавать!

Вообще-то вода здесь чище, чем в большинстве озер. Терпеть не могу брезгливых гордячек и чистоплюек.

– Почему? Тут даже дно видно. – Указываю на сверкающую гладь воды. Я-то думал, Тессе здесь понравится. Бесит, что я не могу предугадать ее реакции.

– Там ведь, наверное, рыба водится и бог знает что еще! – вопит Тесса. Рыба? Она что, серьезно? Эта странная девушка боится рыбы?

– И потом, ты не предупредил, что мы едем купаться. Мне не в чем...

– Хочешь сказать, ты нижнее белье не носишь? – Улыбаюсь, а самому безумно хочется увидеть ее без одежды. – Купайся прямо в лифчике и трусиках.

Черта с два она согласится. В серых глазах Тессы полыхает гнев. Жду не дождусь, что она скажет.

– Не стану я в нижнем белье купаться, маньяк. – Тесса садится на траву в нескольких шагах от берега. – Я просто посмотрю.

Улыбнувшись, она скрещивает ноги.

Ну вот, она снова пялится на мое тело – а именно на проступающие под трусами контуры члена. Тесса зарделась и пытается отвести взгляд, притворяясь, что смотрит на пучок сорванной травы.

– Какая ты скучная. Многое теряешь, – кричу ей и прыгаю в реку.

Ай, вашу ма-а-ать! Вода холодней, чем я думал. Гребу к противоположному берегу, у которого солнце греет воду весь день. Там и правда теплее, намного теплее.

– Тесса! Водичка самое то!

Тесса отрывает взгляд от пучка травы и смотрит на меня. Она с ума сходит от скуки, а я понятия не имею, какого хрена с ней делать. Не хочет ведь купаться со мной...

– У меня еще никогда таких скучных друзей не было.

Закатив глаза, Тесса подставляет лицо солнцу.

– Хотя бы ножки помочи. Тебе понравится. А то скоро станет совсем холодно.

Наконец она сдается и снимает туфли, ставит их рядышком. Обувь у

нее какая-то странная: похожа на лоскутки ткани, приклеенные к полоскам мягкого картона. Как такое можно носить?! Тесса тем временем, закатав штанины джинсов до колен, опускает ноги в воду, прикусывает нижнюю губу.

Я думал, она станет ныть, но она широко улыбается.

– Правда, здорово?

Тесса отворачивается, снова подставляя лицо солнцу.

– Давай, искупаешься! – Ухожу под воду.

Стоит мне вынырнуть, и Тесса мотает головой. Ни в какую не соглашается. Ну и трудная же она! Тогда я плещу в нее водой, и Тесса с криками спешит отодвинуться дальше от берега. Чувствую себя немного странно, ведь я прежде никого сюда не приводил.

Как же заставить Тессу войти в воду? Иначе весь день насмарку. Придется уболтать ее как-нибудь. Чего она попросит взамен?

Она вроде не из тех, кто идет на компромиссы...

– Если искупаешься, я отвечу на один из твоих самых наглых вопросов. На любой, но только один. – Не успела идея оформиться у меня в голове, как я поспешил ее высказать. Тесса должна кивнуть, она любопытная. – Предложение действительно всего одну минуту.

Вот так, иначе протянет весь день. Проплываю под водой футов двадцать. Тесса там наверху небось кипит от злости. От этой мысли становится так смешно, что я чуть не начинаю глотать воду.

– Тесса! – Уж больно много она думает. – Хватит на всем подряд заикливаться, давай сюда!

– Мне надеть нечего, – говорит Тесса. – Если я так залезу в воду, мне потом назад придется ехать мокрой.

– Надень мою футболку. – Она хмуро смотрит на упомянутый предмет одежды, который лежит рядом на траве. – Давай, надевай уже. Длины тебе хватит. Можешь не снимать нижнее белье...

Мне бы не хотелось, чтобы она купалась в нижнем белье, но решать, конечно же, ей.

Тесса какое-то время смотрит на воду, на меня и наконец хватается с земли футболку. Я победил!

– Ну ладно. – Своевольна, чертовка. Уперев одну руку в бок, она продолжает ставить условия: – Только отвернись и не подглядывай, пока я переодеваюсь... Серьезно!

Грозная кошечка вернулась. Я со смехом наблюдаю, как она, зажав между колен мою футболку, начинает стягивать свою, и отворачиваюсь – я все-таки джентльмен. Честное слово.

– Быстрее, черт подери, а то обернусь, – грожу я, мысленно сосчитав до тридцати. Потом украдкой подглядываю, как Тесса, нагнувшись, укладывает джинсы на траве рядом с туфлями. Она реально маньячка, раз у нее во всем такой порядок. Вот как брошу сейчас ее обувь в тихую воду... Как отреагирует? Взбесится! Прикусив кольцо в губе, чтобы не рассмеяться, разглядываю ее тело: ноги загорелые, это замечаю в первую очередь. Футболка сидит почти идеально, причем так натянулась на сиськах, что едва достает до бедер. Сильнее прикусив кольцо, продолжаю наслаждаться открывшимся видом.

– Э-э... может, уже войдешь в воду? – Откашлявшись и стараясь не смотреть на ее бедра, зову я. – Прыгай!

– Иду! Иду!

– А ты с разбега!

– Ладно.

Тесса делает глубокий вдох и неуклюже, скованно бежит к воде. Буквально в одном шаге от кромки застывает и с воплем прячет лицо в ладонях.

– Ой, да брось! Так хорошо начала! – Я со смехом смотрю на Тессу – она смотрит на меня, улыбается и смеется в лучах солнца. Я невольно смущаюсь. Что мы тут делаем? Смеемся друг над другом? Как в одном из фильмов по Николасу Спарксу, где пара ссорится до того мило, что трейлер моментально становится вирусным. Скучающие женщины ждут яркого явления какого-нибудь книжного героя. Все это хрень. Их ждет паршивый брак с паршивым мужиком, который только о себе и думает.

– Не могу!

Она как будто до смерти воды боится. Боже правый.

– Неужто страшно?

– Нет... не знаю. Немножечко.

Иду к ней и умудряюсь удариться пальцем о крупный камень на дне.

– Присядь на край берега, и я помогу войти в воду, – предлагаю Тессе. Она придвигается ближе, и я тянусь к ней. Тесса пытается скрыть от меня трусики, сводя ноги. Спасибо, только отвлекаться мне не хватало.

Хватаю Тессу за бедра, и член моментально твердеет.

Черт бы побрал эти мягкие манящие бедра, между которых тянет зарыться лицом.

– Готова? – Сделав вдох, скольжу руками по податливым бедрам вверх, к пояснице. Держусь из последних сил, едва себя контролирую. Так и хочется стиснуть эти ляжки, нагнуть ее и отыметь прямо тут.

В чем дело? Я ведь не зеленый студентик, который с полоборота

заводится. Может, во всем виновата невинность Тессы и ее соблазнительное тело? Или причина – в пари, ведь я хочу успеть овладеть этим телом раньше Зеда?

Опускаю Тессу в воду, которая доходит ей до груди. Она вытягивает руки вперед, чуть загибают. Кожа у нее покрылась мурашками – их хорошо видно под ярким солнечным светом.

– Не стой просто так, двигайся! – Чтобы я сам не стоял тут весь день и не паялся на тебя.

Тесса как будто не слышит, однако проходит дальше, на глубину. Футболка вдруг задирается, словно хочет взлететь. Не успеваю я отвернуться, как Тесса спешит отдернуть ее и прикрыться.

– Можешь снять, – говорю. – Уж я точно возражать не стану.

Наморщив носик, Тесса... обдаёт меня брызгами! Черт! Так весело, что даже противно.

– Ты что это, обрызгала меня?

Тесса хихикает и снова бьет ладонями по воде.

Тряхнув волосами, кидаюсь к ней. Хватаю за талию и утягиваю под воду. Тесса успевает зажать нос. Ей-богу, как маленькая.

– Не знаю даже, что веселее, – хохочу во весь голос. – То, что ты радуешься, или что ты нос зажимаешь.

От хохота едва могу говорить.

Тесса с грозным видом поднимает руки и пытается окунуть меня под воду. Смешно, ей-богу. Я просто не двигаюсь с места, и Тесса сама начинает над собой смеяться. Я тоже смеюсь, аж живот сводит. Ее смех легкий, напоминает о желтых полевых цветах.

– Ты вроде обещал ответить на любой вопрос, – напоминает Тесса.

Я и не ждал, что она забудет, хотя рассчитывал, что она подождет немного подольше.

– Обещал, но только на один.

Спросит, наверное, что-нибудь глупое, типа: больно было татуировки набивать? Гляжу на травянистый берег и жду.

– Кого ты больше всего любишь?

Какого хрена?!

Это что еще за вопрос такой? Капец какой странный. Не хочу я на него отвечать. Нечего мне ответить. Теперь их с Лэндоном разговор кажется мне еще более подозрительным. Кого я люблю больше всех? Кого я... люблю?

Кого я больше всех люблю? Ну, маму я люблю. Я давно ей этого не говорил, но она по-прежнему моя мама. Вот и все, больше мне никто не нужен. Разве что я сам. Себя я и люблю больше всех. Правда, вряд ли такой

ответ сгодится.

И все же...

– Себя.

Набираю в легкие воздух и опускаюсь под воду, оставляя Тессу делать выводы.

– Не может быть, – заявляет она, стоит мне только вынырнуть. – Как насчет родителей?

Вот так, запросто, она переходит черту. У Тессы Янг нет чувства меры, когда дело доходит до сраных личных вопросов. Ожидая ответа, она смотрит на меня нежным взглядом, чуть приоткрыв рот. Бесит – она смотрит на меня с жалостью.

Хватит, Тесса, прекрати!

– Не надо о родителях, ясно?

– Прости, мне было любопытно. Ты обещал ответить на вопрос, – тихо напоминает она. – Мне правда жаль, Хардин. Больше я о них не заговорю.

Вряд ли стоит ей верить. Тесса что-то затеяла, сразу видно. Она слишком догадлива и чересчур настырна. Я не знаю ее, и она уж точно ни черта не знает меня. Так с чего же она взяла, что может задавать такие личные вопросы?

Сегодняшний день закончиться может двумя способами: мы либо продолжим сражаться, и она под конец, вся злая, вернется к себе в комнату, или же я очарую ее, и она захочет быть со мной.

Надо быть вежливым. Не хочется провести обратный путь в неловкой тишине. Ухватив Тессу за талию, легко подхватываю ее и бросаю в сторону. Она кричит и размахивает руками, словно крыльями; когда выныривает, голова у нее мокрая, а глаза – дикие.

Она счастлива.

Все могло закончиться двумя способами, и мне удалось ее осчастливить.

– Ты за это ответишь! – весело грозит Тесса и решительно идет ко мне. Должно быть, верит, что и правда в состоянии отомстить. Ее мокрая кожа блестит на солнце, вода стекает по лицу. Она все ближе и ближе. Почему не останавливается?..

Я удивленно ахаю, когда Тесса запрыгивает на меня и обхватывает ногам. В такой ситуации рулить положено мне.

Она вдруг напрягается и разжимает ноги.

– Извини.

Нет, нет.

Хватаю ее за бедра, чтобы она снова меня обхватила. Как приятно

прижать ее к себе, такую теплую. Стоит ей обхватить меня за шею руками, у меня щекочет в спине, в самом низу. Чувствую легкую панику. Смотрю на Тессу и пытаюсь угадать, о чем она думает, но это попросту невозможно.

– Что ты со мной делаешь, Тесс? – спрашиваю, нежно проводя большим пальцем по ее дрожащей нижней губе. Дыхание у нее горячее, глубокое. Я все еще помню вкус ее губ. Хочется снова его ощутить, надо просто...

– Не знаю...

Не знает она... И я не знаю. Мы оба не управляем собой, и ситуация может враз накалиться.

Чего я и хочу.

Эта девушка хоть понимает, насколько она сексуальна? Что, только глядя на ее губы, на их форму, я уже воображаю о ней дикие вещи? В моих фантазиях она стоит на коленях, широко раскрыв рот, жадно высунув влажный язык, готовая отсосать, ублажить меня. Хочется провести членом ей по пухлым губам, подразнить. Я могу безумно разогреть ее тело. Губы у нее светло-розовые, контур верхней просто невероятен, будто нарисованный, как у мультяшки. У сексуальной мультяшки, Джессики Рэббит^[4].

Я из-за нее с ума схожу. Мать твою, это нехорошо.

Хотя я и сам нехороший, и меня это нисколько не смущает.

– Твои губы... ими такие вещи можно вытворять... – Вспоминаю, как эти самые губы впивались в мой рот. – Мне прекратить?

Смотрю на Тессу: не нервничает ли? Она еще крепче обхватывает меня ногами. Значит, хочет, чтобы я продолжал. Дам ей пару секунд на раздумья.

Тесса прижимается ко мне плотнее.

– Ты ведь понимаешь, что мы не можем оставаться просто друзьями?

Тут она делает резкий вдох, и я наклоняюсь к ней, целую в подбородок и скольжу губами вдоль линии челюсти. Веки ее трепещут и смыкаются. Стоит коснуться губами точки на шее, под ухом, как Тесса исторгает стон:

– О, Хардин!

Поразительно.

Я потрясен. Голос у Тессы томный, полный желания. Она хочет меня. В моих руках она тает; при мысли, какую форму можно придать ее удовольствию, сердце начинает бешено колотиться. Тессу до меня еще ни разу не трахали, но она, я уверен, доводила себя до оргазма.

Мне хочется, чтобы она еще раз простонала мое имя, так же, как хочется вновь ощутить вкус ее губ.

– Тесса, я хочу, чтобы ты простонала мое имя. Еще, еще. Прошу, позволь мне, – сам не свой, умоляю ее.

Вокруг тишина. Слышно только, как бурно дышит Тесса да плещется вода о наши тела. Тесса кивает.

– Скажи, – требую я. Прикусываю мочку уха, и Тесса захлебывается стоном, яростно кивая.

Просто кивнуть – не то. Надо произнести, вслух.

– Скажи это, детка, я хочу знать, что ты меня хочешь.

Запускаю руки ей под футболку.

– Хочу... – отчаянно выдыхает Тесса. Я улыбаюсь, не отнимая губ от теплой кожи ее шеи, и Тесса судорожно втягивает воздух. Мне и одного слова достаточно в качестве приглашения. Она напрягается, словно боясь, что я могу отпустить ее, выронить. Я направляюсь к берегу, и Тесса трется о мой восставший член.

У самого берега я ее отпускаю, и Тесса чуть ли не плачет. От звуков ее голоса кровь моментально приливает к промежности. Помогаю ей подняться из воды. Она подает руку, глядя мне на грудь, на живот – на вытатуированное мертвое дерево. Она, уроженка какого-нибудь чопорного зачуханного городишки, наверное, ненавидит мои татухи. Ее набожная мамаша, поди, внушила ей: люди с татуировками – зло, они съедят ее душу. Тесса, наверное, привыкла к виду чистой и ухоженной груди Ноя. Пристально слежу за тем, как она вглядывается и пытается понять значение рисунка. Уверен, у ее парня татух совсем нет. У него, поди, ни шрама на теле и в душе.

Отхожу от Тессы, а она стоит на месте, ждет указаний.

Я же просто не знаю, что с нею делать. Она все еще пялится на мою кожу... Зачем? Кстати, мне-то что с того? Чего беспокоюсь? Я для себя эти рисунки набил, а не для какой-то там предвзятой чиксы.

И с какой стати я оправдываюсь?! Плевать, что обо мне телки думают. Меня заботит не мнение их, а то, как бы их трахнуть, как они сходят с ума от моих ласк.

Хватит размышлять, Хардин. Я сейчас как Тесса – думаю слишком много. Да что она творит со мной?!

Перехожу к самой сути:

– Хочешь здесь? Или у меня в комнате?

Мне ее трахнуть? Уложить на траву, раздвинуть ноги и слушать, как она выкрикивает мое имя, пока я вылизываю ей клитор?

Поправляю трусы.

– Здесь, – говорит она, пожав плечами.

– Точно хочешь? – спрашиваю. Ее тянет ко мне, я вижу. Мне удалось ее завести. Чувствует ли она то же самое? Хочет ли касаться меня, как я хочу касаться ее?

– Подойди, – велю я.

Раскрасневшись, она медленно приближается.

Играть в игры у меня терпения не хватит, я хочу, чтобы она меня ощутила. Я трахну ее, прямо здесь, на траве. Уложу и обласкаю каждый дюйм ее дьявольски роскошного тела. Мокрая футболка облегает груди и бедра, точно резиновая перчатка. Надо снять ее.

Начинаю стягивать с Тессы футболку. Не так-то это просто – снимать с человека мокрую липнущую футболку.

Первая часть дня прошла в соответствии с представлениями Тессы о приятном и беззаботном времяпрепровождении. Зато вторая пройдет как надо мне. Я не привык вести разговоры или отвечать на вопросы о том, кого я больше всех люблю. Я привык получать удовольствие, используя нежное и податливое женское тело.

Он готовился победить. Он почти победил.
И вдруг понял, что совершенно не готов к победе.

* * *

Дрожащими руками расстилаю на траве мокрую футболку. Как простыню для Тессы.

– Ложись, – говорю ей и помогаю устроиться. Приподнявшись на локте, принимаюсь разглядывать ее тело, ее грудь. Загорелая кожа буквально блестит на солнце. Тесса – как сочное, ярко-красное яблоко, которое только и ждет, чтобы я его съел. Я видел много, много женщин, полностью голых, но черт меня задери, они не ровня Тессе. Веду взглядом вдоль бедер, вверх, к грудям, но тут мне закрывают обзор две маленькие ручки. Тогда я сажусь. Трава подо мной мягкая – хоть какая-то польза от вечных дождей.

Осторожно беру Тессу за руки и опускаю их вдоль тела.

– Не прикрывайся, – говорю и, встретившись с ней взглядом, добавляю: – От меня.

– Просто... – Ее щеки пылают, она отворачивается.

– Нет, – не даю закончить ей глупого предложения, – не надо прикрываться. Тебе нечего стыдиться, Тесса. – Она не верит. Кто же ее так затюкал? – Я серьезно. Посмотри на себя.

– У тебя столько девушек было... – Ну разумеется, как без этого! Зачем вообще говорить о других? Я ведь не состою – и никогда не буду состоять – в отношениях. Обычно я не связываюсь с невинными, которых до меня не трахали. Мне нравится, когда девочка все знает и умеет. Никогда не собирался никого учить, особенно искусству секса.

Ну, разве что Натали, – напоминает надоедливый внутренний голосок. Натали, милая богобоязненная девчушка с восхитительной попкой и волосами черными, как смоль. Она была такая невинная, что даже не могла раскатать резинку у меня на члене. В воскресной школе, куда она ходила чуть ли не с рождения, такому не учат.

– Ты не похожа на них, – заверяю Тессу. Она нервничает, нетронутая и такая аппетитная. Хочется поскорее нырнуть в нее.

– У тебя есть презерватив? – Последнее слово Тесса произносит чуть ли не шепотом. Она хоть раз в жизни резинку-то видела? Натали видела – в темноте.

Да с какого хрена я о ней сейчас вспоминаю?!

Трахну Тессу прямо сейчас и выиграю пари. Забурюсь в ее чистое, непорочное тело, получив то, ради чего я сюда и приехал. Она смотрит на меня, ждет. Думает, что я вожу сюда девчонок и трахаю их в лесу. Особенно тех, у кого прежде не было опыта.

– Презерватив? – Я смеюсь, решив вдруг, что сегодня-то секса точно не будет. – Я не собираюсь с тобой трахаться, – говорю вопреки собственной воле.

– О, – стыдливо произносит Тесса. – Куда же ты...

С чего она взяла, что нам ради секса надо уехать отсюда?

– О, нет, Тесса, я не то имел в виду. Просто у тебя прежде ни разу не было... ну, совсем не было... и я не стану заниматься с тобой сексом. Сегодня. – Верит она мне или нет?

Румянец у нее на щеках немного бледнеет.

– Нам сперва еще многое надо сделать. – Еще как надо. Тесса будет умолять взять ее. Ее тело будет жаждать моих прикосновений, оно будет принадлежать мне, все, без остатка. Вот она лежит передо мной, открытая и готовая, и я воспользуюсь этим моментом – наилучшим для нее образом.

Залажу на Тессу. Она слегка вздрагивает, когда у меня с волос падают капельки воды – ей на лицо. Улыбаюсь, глядя, как она зажмуривается и ждет, что на нее снова капнет.

– Поверить не могу, что тебя еще ни разу не трахали, – совершенно серьезно говорю я. Хочется лечь на нее, чтобы она хоть немного представила, на что был бы похож секс здесь и сейчас. Опустившись на локти, я глажу ее шею, провожу пальцами между грудей. Они такие мягкие на вид, такие огромные; и в то же время упругие, торчащие. Соски затвердели, только и ждут, чтобы их обсосали. Если я начну ласкать их руками, точно не сдержу член в трусах. Слава богу, Тесса еще не сняла лифчик.

Пальцами провожу по плавному, едва заметному изгибу животика. Тесса покрывается мурашками и вздыхает. Запускаю руку ей в трусики, накрываю влажную киску, нахожу клитор.

– Ну как, приятно? – спрашиваю, прихватив крохотный бугорок большим и указательным пальцами.

Тесса не отвечает. У нее там все мокро и разбухло. Она отдается мне с первого же прикосновения, а ведь я только начал показывать, как хорошо

могу ей сделать. Наклоняюсь и легко провожу губами по ее рту.

– Согласись, что это лучше, чем когда ты сама себя ласкаешь? – Отпустив клитор, сую палец ей в щелку. Интересно, что у нее чувствительней, клитор или влагалище? По-моему, клитор.

– Ну так как? – тороплю ее.

– Ч-что?

– Когда сама себя ласкаешь – чувство то же?

Тесса не отвечает... почему бы ей не признаться?

У нее внутри горячо! Представляю, как она лежит на кровати у себя в комнате, раскинув ноги и теребя клитор. Все приходится делать тихо, потому что соседка спит, но Тесса все равно доводит себя до оргазма, зажимая под конец рот ладонью. Иногда, кончая особенно мощно, она кусает себя за пухлую губенку, давясь криками. Хочу знать, как у нее все происходит, но она лишь пялится на меня, словно у меня вторая голова выросла. Я ведь только и спросил, как она мастурбирует. Упс...

До меня вдруг доходит, что наша маленькая мисс Я-Сама-Гордость ни разу не рукоблудила.

– погоди... так ты ни разу этим не занималась? – спрашиваю, продолжая дразнить ее. Мой палец уже совсем мокрый. До чего приятно. – Ты так реагируешь на меня... вовсю течешь.

Тесса стонет. Какой изысканный звук. Возвращаюсь к клитору, нежно ущипнув за него и снова принимаясь теребить бугорок между пальцами.

– Что... это... было? – горячо шепчет Тесса, совершенно не сопротивляясь.

Я снова щиплю ее за клитор, потираю его большим пальцем. Тесса задыхается, ее ноги напряглись. Она уже близко, очень близко. Жду не дождусь, когда она кончит от моих ласк. Поверить не могу, что прежде она ни разу не испытывала такого восторга от секса. Черт, она многое пропустила.

Тесса выгибается, приподняв груди чуть ли не к моему носу. Лизну разок, вреда не будет.

Нет, будет. Я отвлекусь. Лучше поцелую ее, горячо, одновременно беря свое и давая ей то, чего она хочет. Она ни с кем еще такого не ощущала.

Мало-помалу она ускользает из этого мира. Благодаря мне. Моим ласкам.

Второй рукой принимаюсь мять ее груди, даря двойное наслаждение. Тесса уже сучит ногами.

– Вот так, кончай, кончай, – подбадриваю ее. Она закусила губу, покраснелась, глаза у нее... глаза просто дикие. – Смотри на меня, детка, –

прошу я и щиплю вывалившуюся из чашечки бюстгалтера плоть.

– Хардин, – горячо стонет Тесса, не позволяя мне отвернуться. Сколько в ней секса, эротики, и при этом она совершенно естественна. – Хардин... – Она притягивает меня к себе, дышит бурно, пытаюсь совладать с собой.

– Дам тебе минутку отдышаться, – говорю. Медленно достав руку из трусиков, кладу ее на живот Тессе – за пальцами тянется лоснящийся след ее оргазма. Тесса вздыхает, а я вытираю руку о трусы.

Я так возбужден, что перед глазами как будто туман. Тесса лежит рядом, и вид у нее такой, словно она в жизни не кайфовала. Наверняка ей захочется еще. Бог свидетель, я не заставлю себя просить дважды. Каждая частичка моего тела желает скользнуть в нее, хочу услышать ее стоны, ощутить упругость утробы.

Но не сегодня. Сегодня нельзя. Встаю и подбираю с земли джинсы и ботинки.

Одеваюсь и чувствую на себе взгляд Тессы.

– Мы уже все? Уезжаем? – тихо и неуверенно спрашивает она.

Хочет еще кончить – теперь, когда знает, что способно испытывать ее тело.

– Ага... а ты не прочь задержаться?

– Просто подумала... не знаю даже... вдруг ты захочешь чего-то...

Я словно унизил ее. С чего бы? Уже жалеет, что позволила мне заставить ее кончить?

Мог бы заранее догадаться, что так и будет.

Тесса чуть поворачивается на бок, пытаюсь прикрыться. Хотя погодите... она говорила, что мне может захотеться чего-то...

– О, нет. Мне ничего не хочется.

Я бы с удовольствием дал тебе полизать член, но это не в моих планах.

– Не сейчас, – говорю вслух, давая понять: в другой раз я с удовольствием приму ее предложение.

Кивнув, Тесса поспешно натягивает джинсы и футболку.

Как-то это неправильно. Хочется снова ее раздеть. Она переминается с ноги на ногу, как будто в паху у нее дискомфорт. Не должно быть, я едва-едва ввел в нее палец. Наверное, просто неуютно от того, что трусики пропитались не только водой. От этой мысли становится смешно, и одновременно я еще сильнее возбуждаюсь.

– Что-нибудь не так? – спрашиваю у Тессы.

Мы в машине, едем. Выруливаю на гравийную дорожку. Солнце опускается за линию горизонта, в воздухе стоит влага. Скоро пойдет дождь.

– Не знаю. Ты какой-то странный стал.

Странный? Как это?

– Это не я странный, а ты.

– Нет, ты молчишь после... ну, ты понял. – Стесняется сказать прямо.

– После того, как ты испытала со мной первый оргазм? – подсказываю.

– М-м... да. Ты потом лишь молча оделся, и вот мы уезжаем. Чувство, как будто ты мной воспользовался...

Воспользовался? Для чего?!

Хотя да, я ею пользуюсь. Черт побери.

Однако Тесса об этом не знает, просто от неуверенности придумывает всякие глупости.

– Не пользуюсь я тобой. Если я кем-то пользуюсь, я что-то получаю, – тихонько смеюсь.

Тесса не смеется. Глаза у нее красные, и по щеке катится слезинка. Вот черт.

Она плачет?

– Ты плачешь? Что я такого сказал?

Не понимаю ее. Почему она такая чувствительная и мне от этого фигово? Зачем она искажает все, мною сказанное? Обращает все в грубость? Неженка... Хотя винить ее за это я не могу.

– Я не хотел тебя обидеть... прости. Я не привык все продумывать, планировать далеко вперед... о том, что делать после. Я же не собирался, кстати, отвезить тебя сразу в общагу. Может, поужинаем где-нибудь? Спорю, ты хочешь есть.

Стискиваю ее бедро, и Тесса улыбается. Боль в груди становится намного, намного тише.

– Какую кухню предпочитаешь? – Не знаю, куда ее везти. Прежде я девушек по кафешкам не водил.

Тесса собирает спутанные волосы в пучок на макушке. Так даже лучше: смогу как следует разглядеть ее лицо.

– Ну, мне в принципе нравится все, если я знаю, из чего приготовлено блюдо... и если без кетчупа.

– Не любишь кетчуп? Я-то думал, американцы на нем помешаны. – Какая-то она и правда странная.

– Сама не знаю почему, но меня от него воротит.

Как забавна ее непреклонная и искренняя ненависть к кетчупу.

Тесса смеется вместе со мной.

– Тогда остановимся у обычной закусочной?

В машине становится слишком уж тихо, и я спрашиваю:

– Ну, что планируешь делать после учебы?

Черт, я ведь уже спрашивал об этом. Собеседник из меня просто паршивый.

– Перееду в Сиэтл. Буду работать в издательстве или сама стану писателем. Знаю, глупая мечта. – Тесса стыдливо принимается рассматривать собственные руки. И ничего это не глупо, у меня мечта точно такая же. – Ты вроде уже спрашивал? Забыл?

– Мечта не глупая. У меня есть знакомый в «Вэнс паблишинг». Они далековато, но, может, тебе стоит попроситься к ним на время практики? Могу замолвить словечко перед их боссом.

Вэнс такую умную девчонку, как Тесса, оторвет с руками и ногами.

– Что? Ты правда попросишь за меня? – пораженно спрашивает она.

– Ага, ничего особенного, – пожимаю плечами. Я бы любому помог. Серьезно.

– Ух ты, спасибо, большое спасибо! Мне все равно пора думать о практике или работе, а работа в издательстве – это же просто чудо!

Она хлопает в ладоши, прямо как маленький ребенок, выигравший огромного мишку на ярмарке. Не могу не улыбнуться.

* * *

Останавливаемся у закусочной, и Тесса неуверенно оглядывает старенькое заведение.

– Еда здесь просто чудесная, – обещаю я ей и выбираюсь из машины. Внутри почти пусто. Мы садимся, и низкорослая официантка приносит меню. Я смотрю куда угодно, только не на Тессу.

Стоит нам сделать заказ, как она начинает расспросы, пытается разузнать о моем детстве. Туда я ее не пущу.

– Папа много пил и бросил нас, когда я была маленькая, – внезапно сообщает она.

Я хмуро смотрю в тарелку, стараясь не представлять, как она девочкой прячется от собственной версии моего козла-папани.

Заканчиваем еду, садимся в машину; я замыкаюсь в себе, сосредоточенно вожу пальцем по ляжке Тессы, выписывая небольшие узоры.

– Ты хорошо провел время? – спрашивает Тесса, когда мы подъезжаем к кампусу. Очень ждет ответа.

Да, время я провел замечательно. Хотелось бы повторения, чтобы она стонала, в то время как я ввожу и ввожу в нее палец.

– Да, – говорю вслух, – мне понравилось... Слушай, я бы проводил тебя до комнаты, но не хочу потом играть в допросы со Стеф...

Тесса разочарована, хотя изо всех сил пытается скрыть это за фальшивой улыбкой.

– Не переживай. Увидимся завтра, – грустно произносит она.

Мне приятна мысль, что Тесса не торопится уходить. Она смотрит на меня, ждет, что я скажу, а я только молча убираю ей за ухо выбившуюся прядку волос. Говорить тут нечего. Мне лишь хочется снова ощутить ее, почувствовать то безграничное спокойствие, что приходит с ее прикосновением. Тесса прижимается щекой к моей ладони; становится похожа на маленькую девочку, открытую, ждущую. Беру ее за руки и притягиваю к себе. Тесса придвигается и садится мне на колени. Мое тело еще хранит тепло солнца, а Тесса жадно водит пальцами по моей груди и животу. От ее прикосновений словно бьет током.

Притягиваю ее к себе. Запускаю язык в рот, дразню, готовый взять все, что она может предложить. Мне все еще мало, хочу большего. Вожу пальцами по ее теплему животу... и вдруг звучит отвратительный рингтон.

– Еще напоминалка? – спрашиваю я.

Тесса зарывается в сумочку. Экран ее телефона маленький, но я все же успеваю различить имя абонента: НОЙ.

Драгоценная школьная любовь. Звонит, именно когда Тесса у меня в машине, запустила мне язык чуть не по самые гланды. Тесса нажимает «отклонить» и улыбается. Выходит, не так уж она и невинна. Похоже, здоровый оргазм вытеснил ханжество и занудство.

До меня вдруг доходит: Тесса никогда ничего не расскажет о нас Ною. Ни словом не обмолвится. Сейчас она меня поцелует, вернется в комнату и перезвонит задроту-бойфренду. Они признаются друг другу в любви, и при этом Тесса будет улыбаться точно так же, как улыбается сейчас мне.

Облизнув губы, она наклоняется через центральную консоль и хочет снова меня поцеловать.

Нет, нет.

– Мне пора. – Со вздохом устремляю взгляд прямо перед собой в пустоту за ветровым стеклом.

– Хардин, я ведь его сбросила, – защищаясь, говорит Тесса. – Я с ним

обязательно поговорю об этом... не знаю только, когда и как. Скоро, обещаю.

Ладно, насчет ее ханжества я ошибся, однако дело еще хуже, чем я думал. Провела со мной всего день – и уже торопится порвать со школьной любовью. В надежде, что я стану ему заменой.

Нет, нет и нет.

В салоне становится душно, трудно дышать. А Тесса ждет ответа.

– Поговоришь о чем? – спрашиваю, хотя знаю: этого волка кормить больше не следует.

– Обо всем. – Она обводит руками салон, волнуя сгустившийся воздух. Чем я только думал? Надо было сразу отыметь ее, и дело с концом. Зачем разводил беседы о кетчупе и планах на будущее? Как и любая другая баба, Тесса теперь хочет стать частью моей жизни. А если так, зна чит, она на всю башку чокнутая. – О нас, – добавляет Тесса.

О нас? Черт, уже страшно.

– О нас? Ты же не хочешь порвать с ним и... остаться со мной?

Тесса внезапно становится тяжелее, как бы напоминая, что целочки – не мой профиль. Натали, кстати, я не лишал невинности. Свою девственность она подарила парнишке из церкви, в порядке «эксперимента».

– А ты что... не хочешь этого?

Господи, какая же она торопыга!

– Нет, да ты и не должна этого делать. В смысле, брось его, если хочешь, только не ради меня.

– Я... подумала...

– Тереза, я же говорил тебе: я ни с кем не встречаюсь.

Она вздрагивает. Все оказалось куда сложнее и муторней. Часть меня хочет сказать: я не хочу быть козлом, такое поведение заложено в меня от природы, не моя это вина. И не ее. Однако вина – моя, ведь во мне нет ни капли от того, что заставляет людей создавать пары, жить вместе долго и счастливо и, взявшись за руки, носиться по цветочному полю. Я на такое вообще не способен.

– Ты отвратителен. – Она слезает с меня, хватая сумочку и телефон. Странное ощущение, когда Тессы нет у меня на коленях. В ее глазах бушует давно назревавший шторм. – Больше ко мне не подходи! Я серьезно!

Прокричав это, она выпрыгивает из машины.

Те же слова произносит у меня в голове голос Натали. Она обливается слезами, а у Тессы глаза хоть и влажно блестят, но она сдерживается, не

плачет из гордости. В этом мы с ней похожи: неумная гордыня в нас может сослужить дурную службу.

Тесса уходит, ни разу не обернувшись. Напоследок от души хлопает дверцей и несется через парковку. Я немедленно завожу мотор и уезжаю. Врубаю музыку на всю громкость, чтобы заглушить нарастающий в голове ураган мыслей. Руки так и зудят.

Натали, Тереза. Натали, Тереза.

Натали стоит на крыльце дома моей мамы, прижимая к груди портфель с цветочным рисунком. Из покрасневших глаз льются слезы.

– Хардин, прошу тебя, – плакала она тогда. – Мне некуда идти...

Она умоляла, изо рта у нее вырывались облачка пара. Я просто не мог ее впустить, не мог – и все тут. Ее выгнали из семьи и отлучили от церкви. В тот момент Натали выглядела такой юной, смотрела на меня блестящими синими глазами и ждала, что я передумаю.

Я не передумал. Просто не мог, и все тут, мать вашу. Не мог я оставить ее у нас дома. Что мне было делать? Я не хотел иметь с ней ничего общего, а если бы и хотел, то никак не сумел бы помочь. Где бы она спала, вздумай вернуться мой пьяный папаша? Папаша к тому времени не возвращался уже несколько лет, но я верил, что он еще может прийти. Вот дурачок.

И наконец он, в некотором смысле, вернулся. Правда, живет в большом красивом доме, и у него новая милая семья. Противно, что я часто об этом думаю. Я и так перебрался за океан, чтобы стать к нему ближе, а он, сволочь, теперь еще и поселился у меня в голове.

Внезапно раздается гудок клаксона. Возвращаюсь к реальности и едва успеваю свернуть в сторону. Пронесшийся мимо минивэн сигналил мне снова. Мир за окном как в тумане.

Поморгав, тянусь к регулятору громкости радио. Надо съехать на обочину, остановиться. В груди болит, сердце бьется неестественно сильно, даже ребра болят. Лицо мокрое от пота или от слез. Ну вот еще...

– Твою мать! – кричу я в пустоту. Нужен воздух, горло сдавило. Распахиваю дверцу. В салон врывается прохладный осенний воздух, и я понемногу начинаю дышать.

Перед мысленным взором – лицо Натали, как живое. Рядом появляется Тесса; девчонки смеются надо мной, фыркают. Издеваются. Лукавая улыбка Тессы становится шире, а образ Натали бледнеет, тает. Что, черт побери, со мной происходит? Надо держаться от Тессы подальше. Хрен с этим спором. Хрен с этим Зедом, пусть побеждает, а я остаюсь в дураках.

Зед.

В нем вся загвоздка. Я не выдержу, если он победит и получит Тессу.

Даже представить страшно, как он потным телом к ней прижимается.

Закрываю глаза и ложусь горячей щекой на холодный обод руля. Я натурально превращаюсь в развалину.

* * *

На занятиях место Тессы пустует, место Лэндона тоже. Присаживаюсь, достаю телефон. Сообщение от Логана: приглашает в обед выпить. Отказываюсь и убираю телефон в карман. Джинсы тесноваты, зато мне идут. Ноги у меня слишком длинные, и в брюках свободного кроя я выгляжу точно клоун. На рукаве белой футболки у меня пятно от чернил или макияжа. Стирать вещи я не люблю, а некоторые телки мажут лицо всякой дрянью, которая в лучшем случае представляет собой биологическую угрозу.

От мыслей, что я позорно пренебрегаю гигиеной, отвлекает приход Тессы. Провожая ее взглядом... Хоть бы повернулась в мою сторону. Ха, она и впрямь садится на прежнее место. Я-то думал, ненависть заставит ее выбрать другое.

– Тесс? – шепчу ей.

Она слегка вздрагивает, но не оборачивается.

– Тесс? – Она судорожно сглатывает. Между нами сейчас такое напряжение, что воздух чуть не гудит.

– Не разговаривай со мной, Хардин, – гордо расправив плечи, произносит Тесса.

– Да ладно тебе. – Улыбаюсь, чтобы задобрить ее – тщетно.

– Я серьезно, – говорит она, облизнув губы. – Оставь меня.

– Ну и ладно, как хочешь. – Строит из себя недотрогу? Я тоже так умею. Да я, мать вашу, король недотрог!

Тут же встречается Лэндон, как маленький возбужденный щеночек:

– Тесса? Все хорошо?

– Да, нормально. – Кинув ему, Тесса поворачивается ко мне чуть ли не спиной.

* * *

Проходит неделя. Меня мучают бессонница и зов бутылки, что пылится в шкафу. Она, как сирена, взывает ко мне, и противиться все

трудней. Очередное занятие по литературе. Прохожу в аудиторию и сразу же натываюсь на пристальный взгляд Лэндона.

– Надо поговорить, – строго произносит он. Мне? Оглядываюсь по сторонам – вдруг к кому другому обращается. Тесса только-только входит в аудиторию.

– Да, да, это я тебе, – говорит Лэндон, напряженный как никогда.

Не обращая на него внимания, сажусь на место. Скрестив ноги под партой, откидываюсь на жесткую спинку стула.

– Передаю тебе приглашение на ужин, через несколько дней. У наших родителей новость. – И, должно быть, сообразив, какой он идиот, спешит поправиться: – То есть у моей мамы и твоего отца.

Родителей? Наших? С ума сошел?

– Больше так не заговаривайся, мудака.

Лэндон упирается руками в крышку парты. Типа хочет встать. Я смотрю на него – давай, мол.

– Хардин, не трогай его! – кричит Тесса и хватается за руки, чтобы я не бросился на Лэндона. Ну не умеет девочка не лезть в чужие дела. Расслабляюсь, уронив руки. На хрен все. Какого лешего она вмешалась?

– Тереза, учись соблюдать границы и не суйся, куда не просят.

Тесса наклоняется к дружку и что-то шепчет ему на ухо. Дружок... ну что за глупое слово. Впрочем, эти двое наверняка им пользуются.

– Он говнюк, и этим все сказано, – очаровательно улыбаясь, говорит Лэндон.

Хихиканье Тессы раздражает дальше некуда.

– У меня хорошие новости! – сообщает она Лэндону.

Ф-фу! Работает на публику в моем лице. Думает, наверное, что я совсем идиот и не распознаю школьные фокусы.

– Правда? Какие?

– Сегодня приезжает Ной. Пробудет с нами все выходные!

Разгоревшийся огонек ревности медленно опалает меня изнутри. Тесса хлопает в ладоши, и с каждым ее хлопком пламя у меня в глазах становится горячее. И чем ярче становится ее улыбка, тем сильнее дрожат у меня руки.

– Серьезно? Здорово! – лебезит перед ней Лэндон. Они с Тессой будто не видят, как я изображаю приступ рвоты.

Страхи сделались сильнее. Прежде у него не было соперников, когда дело доходило до женщин. Короткие интрижки не омрачались появлением других мужчин.

Но вот на сцену вышел златовласый мальчик, хранитель ее тайн. Они вместе росли, и он знал ее лучше всех. Соперник из него был никакой.

* * *

Иду по коридору в общежитии и пытаюсь избавиться от гнетущих мыслей. Перед глазами постоянно образ обнаженной Тессы: она лежит под кукольным телом своего парня, а он трахает ее, не сняв кардигана.

Если бы от этой мысли не тошнило, я бы нашел ее до жути смешной.

Стучусь в дверь к Тессе и сразу же открываю, вхожу. Не заперто, а значит, они с Ноем не затеяли ничего из ряда вон. Тесса и Ной сидят в темноте на кровати, и Тесса при виде меня слегка подсакивает, отодвигаясь от бойфренда.

– Ты что здесь делаешь? – резко спрашивает она, сообразив наконец, кто же все-таки пришел. – Нельзя вот так вламываться!

Улыбаюсь этой очаровательной парочке.

– Я к Стеф. – Да, вру. Присаживаюсь на краешек постели Стеф. Смотрю на Ноя, пытаюсь оценить, насколько он раздражен. Какой он в общении? Простой или, как Тесса, зажат и высокомерен? Если я обращусь к нему по имени, Тесса, наверное, описается на месте. – Привет, Ной, рад тебя снова видеть.

Пожать ему, что ли, руку. Уверен, в его загородном клубе так и поступают.

– Стеф ушла с Тристаном, они уже, наверное, в твоём корпусе, – говорит Тесса таким тоном, будто спешит меня спровадить.

Ну нет, я пока никуда не уйду, Блондиночка.

– Да? – играю на ее нервах. – А вы двое на вечеринку собираетесь?

Вот это было бы прикольно: паренек отлично вписался бы в общество местного студенческого братства, состоящего из одинаковых белокурых мажориков. Его непорочная душа будет потеряна, и Терезе придется искать себе нового мальчика-модельку. Такая вот жестокая жизнь.

– Нет. Мы пытаемся смотреть фильм, – отвечает Тесса. Меня передергивает, когда Ной в темноте берет ее за руку. Я даже без света вижу, что ей неудобно.

– Жаль. Ладно, пойду тогда... – Встаю, а напряжение в груди слегка отпускает. – Ах да, Ной... – Обращаюсь к парню Тессы и смотрю, как она ерзает. – Симпатичный кардиган.

Тесса явно ждала, что я устрою сцену.

– Спасибо. Он из «Гэп», – отвечает Ной, даже не распознав стеба.

– Вижу. Развлекайтесь.

Покидаю комнату. В груди жжет. Паренек у Тессы просто debil.

Стоило обрести подобие смысла в жизни, как все вновь перевернулось. Он-то думал, что контролирует себя, ее – все. Он успешно сопротивлялся сладкому зову горького пойла. Он ни разу так не хотел выпить, как в момент, когда отец по телефону начал подробно отчитываться о новой – и лучшей – жизни. После звонка он уже не мог удержаться, потому что остался наедине с единственным другом. Бутылка скотча почти опустела – как и он сам.

* * *

Подъехав к дому Скотта, останавливаюсь прямо посреди подъездной дорожки. Ненавижу этот сраный дом. Огромный, и стоит на идеальной зеленой лужайке. Кен и Карен, наверное, платят приличные бабки садовнику; не меньше, наверное, оставляют денег и в салоне красоты. Будущей жене Кена жить здесь нравится, она обожает тратить его денежки на себя.

Я просто офигенно зол и недостаточно пьян, чтобы смириться: не успел я хорошенько узнать Кена, а он сообщает, что женится на другой женщине. Ну что он за отец такой говенный? Поэтому я и не желал иметь с ним ничего общего. Дьявол, в шкафу оказалось всего лишь четверть бутылки вискаря. В голове пульсирует, в горле пересохло, и мне страшно хочется выпить еще. У Кена Скотта шикарная коллекция бутылок скотча, подаренных коллегами в вязаных жилетках, съездивших на отдых в Шотландию. Папаша мой намерен второй раз жениться и сообщает об этом так:

– Мы с Карен сочетаемся узами брака. Скоро, очень скоро.

Узами брака? Кто ж так говорит-то сегодня? Да еще по телефону?

– Мы сочетаемся узами брака, – повторяю, в два шага поднимаясь по крыльцу. Перед домом так много фигурно подстриженных растений, что я чувствую себя словно в джунглях Вонки или на фабрике Вонки. А, м-мать, какая разница? Главное, что вид просто ужасен.

Сейчас главное – выпить.

– Ну вот он я! – кричу в темноту.

Я готов. Пьян, но не в кондиции. Мне нужно больше.

Стучу в дверь, но мне не открывают. Уж больно огромный у папани дом. Идиотский огромный кирпичный дом.

– Эй! – ору в бездну окутанного тьмой двора. В ответ – только стрекот сверчков. У всех соседей веранды и крылечки освещены, перед каждым домом – внедорожник, на бамперах – корпоративные стикеры нашего универа. На этой улице живут сплошь зажавшиеся умники, наши преподы. Я для фасону, чтобы показаться соседям опаснее, надел серую пидорку.

Дверь открывает Лэндон.

– Хардин? – сонно произносит он.

– Нет, – говорю, протискиваюсь в прихожую и иду в кухню. Взгляд задерживается на диване в цветочек. Фу, аж блевать тянет. – Это его двойник, который, кстати, считает тебя еще бóльшим говнюком.

Зарываюсь в шкафчик и принимаюсь искать. Спермодонор – так я называю Кена, – когда ушел в завязку, повыбрасывал запасы алкоголя, но бутылочку дорогого скотча приберег, я уверен. Как напоминание, или искушение, или даже как сокровище, которое втайне лелеет. Он упоминал ее при мне; говорил с любовью, даже с большим чувством, чем о родном сыне. Кен ее постоянно перепрятывает; хранит то ли как знак воздержания, то ли скрывает от самого себя. Короче, бутылка теперь моя.

– Их нет дома, – объясняет Лэндон то, что я и так знаю. – Мама и Кен уехали на выходные.

Разговаривать с будущим сводным братом не хочется. От мысли, что мы породнимся, тошнит. Семья не для меня; за мной не приглядывают братья-сестры, и я не забочусь о них. Предпочитаю сам собой заниматься.

Перемещаюсь в спальню Кена и Карен. Она такая огромная, что в ней уместилось бы сразу четыре огромные кровати о четырех столбиках вроде той, что стоит в середине. Комод, прикроватные столики и сама кровать – все выполнено из темного вишневого дерева, как и стол в кабинете у Кена.

Вот ведь маньяки...

Комната просто ужасна и выглядит дерьмово. Надеюсь, Кен с Карен в ней счастливы и радуются безмятежной жизни в окружении одинаковой мебели. Открываю дверцу шкафа и, дернув за шнурок, зажигаю в нем свет. Пошарив рукой по полкам, натыкаюсь среди пыли и картона на стекло. Джекпот!

Бережно достаю бутылку, покрытую тонким слоем пыли. Давненько Кен ее припрятал. Откручиваю крышку. Ах, какой сладостный звук...

Скотч обжигает язык, щиплет ранку внутри на щеке, плавно скользит вниз по пищеводу. Кен Скотт всегда любил скотч, он истинный ценитель

этого напитка. Вкус просто невероятный – мягкий и в то же время насыщенный. Лично я считаю, что скотч слегка переоценивают, и был разочарован, узнав, что это тот же виски, только шотландский. Выпендреж, в общем. И все же вкус мне нравится – вот одна из немногих черт, доставшихся мне от папани.

Приговорив полбутылки, чувствую, как кружится голова. Допить, что ли? Почему нет? Папаня этого скотча не заслужил, он ведь даже больше не пьет. Порвав с зеленым змеем, он утратил и право на владение столь изысканным угощением.

К тому же у Кена и так полно драгоценностей, идеальных вещей. Например, пасынок, который решил, что может удержать меня от выполнения миссии: заставить папаню чувствовать себя столь же паршиво, как и я сейчас. У него идеальная невеста, которая умеет под завязку набить кладовую и желудок Кена. Ей-то не приходится вкалывать по восемь часов на работе, прибегать домой и лететь уже на другую работу, а потом раскладывать счета на колченогом столе и думать, на оплату какого из них в этом месяце не хватит денег. Когда я беседую с Кеном, он рассуждает так, будто в Хэмпстеде нам жилось неплохо, и часть вины за это я возлагаю на мать – гордости у нее было больше, чем мозгов.

В доме чистенько и даже на холодильнике ни следа. Облизав пальцы, я провожу ими по дверце из нержавеющей стали.

Лэндон стоит у меня за спиной.

– Ты что, все высосал? – спрашивает он, во все глаза глядя на бутылку у меня в руке.

– Нет, половина осталась. Хочешь?

Вскинув руки, он пятится в столовую. Иду за ним.

– Нет.

Идеальный сыночек не пьет. Как мило.

– Я думал, ты завязал, – говорит он, и я оборачиваюсь. Чтобы не упасть, хватаюсь за большой шкаф, набитый дорогой сверкающей посудой. Да хрена ли он знает о моей привычке?

Впиваюсь ногтями в дерево.

– С чего это ты вспомнил?

До Лэндона доходит, что в присутствии бедного ущербного ребенка говорить о таком не стоило, и глаза у него округляются.

– Я просто...

– Хватит. – Вскидываю руку с бутылкой, и Лэндон пятится дальше, в гостиную. Нет, он не заткнется. Он будет гнать и гнать, ведь у меня над ним контроля нет; я вообще ситуацию не контролирую. Мой козел-папаня

женится, я пьян и зол, а этот засранец не умеет держать себя в руках.

Хватаюсь за угол серванта.

– Твой отец говорил... – Он и впрямь не знает, когда заткнуться.

Теперь моя очередь не сдерживаться: не успевает Лэндон закончить, как я опрокидываю сервант. Заодно роняю бутылку. Лэндон что-то орет, но я не слышу его – грохот оглушительный.

– Уходи! Сейчас же! – кричит Лэндон, а я нагибаюсь поднять из кучи осколков бутылку. Порезавшись о бело-голубой фарфор, облизываю палец и одновременно оглядываю скотч: на месте ли пробка.

– Тессу эта выходка явно впечатлит! – кричит мне вслед Лэндон, когда я выхожу через черный ход.

Тесса? Хочется спросить: она-то здесь каким боком? Но я не доставлю ему такого удовольствия. Думает, что, упомянув ее имя, сумеет меня образумить. Хрен ему! Со спокойным видом выхожу во дворик.

Погода спокойная. Лето закончилось, скоро ночи станут холоднее, а потом и морознее. Когда в следующий раз станет так же хреново, двину в теплые края.

– Тессу эта выходка явно впечатлит! – передразниваю я Лэндона. – Тесса, Тесса, Тесса! – кричу я во тьму.

Даже дворик здесь идеален. Он величиной чуть не с футбольное поле, обрамлен высокими деревьями, дающими тень и днем, и ночью.

* * *

Голова кружится, тишина давит. Делаю еще глоток из горла.

Проходит несколько секунд, и раздается скрип двери-москитки. Встаю на ноги. Пришла Тесса – она приближается, не сводя с меня взора ясных глаз. С каждым ее шагом бутылка у меня в руке тяжелеет.

Волосы Тессы сияют в отраженном свете ламп. Сама она, хоть и хмурится, как будто тоже излучает свет.

Она правда здесь? Похоже на то... если только в вискаре не было галлюциногенов.

– Ты как здесь оказалась? – спрашиваю. Она оборачивается к Лэндону... вот подонок.

– Лэндон, он... – начинает Тесса.

– Ты что, мразь, позвонил ей?

Лэндон меня будто не слышит. Уходит и прикрывает за собой дверь.

– Оставь его, Хардин, – тычет в меня пальцем Тесса. – Он за тебя

переживает.

У моего идеального братца идеальная защитница.

Обычно Тесса говорит тихо, но только если спокойна, не злится. Глаза у нее красивые, слишком идеальные для такого мягкого лица. Не могу на нее долго смотреть – голова начинает раскалываться. Надо бы понять, о чем она думает, но денек и без того выдался напряженный. Жестом приглашаю присесть напротив за столик.

Делаю еще глоток; Тесса взирает на меня с укоризной. С размаху опускаю тяжелую бутылку на стеклянную крышку столика, и Тесса подсакивает. Пусть уйдет. Не надо было ей приезжать.

Зря Лэндон вызвал ее сюда. Да и с какой стати она примчалась? К ней же парень приехал. Она, сто пудов, внесла его в расписание: выходные там, ляськи-масьски...

Меня передергивает. Лэндон права не имел ее сюда звать.

– Ай-ай, два сапога пара. Оба такие предсказуемые. Бедный Хардин загрустил, так давай, наедь на него, пусть раскается, что сраную посуду перебил.

Улыбаюсь, давая понять, что сегодня я в роли злодея.

– Ты же не пьешь, – неуверенно напоминает Тесса. Пытается выяснить, кто я на самом деле. Запуталась, вот и бесится.

– Ну, не пью... то есть не пил. Вот только не надо снисходительности, ты ведь лучше меня, – тычу в Тессу пальцем, копируя ее же манеру злиться.

Ее это, похоже, не трогает. Снова прикладываюсь к горлышку.

– Я не говорила, что я лучше тебя. Просто хочу узнать, почему ты снова запил.

Никак не пойму, с чего она решила, что вправе задавать людям любые вопросы.

– Тебе-то какая разница? Где твой парень? – Смотрю на нее в упор, и она отворачивается.

– У меня в комнате. Я хочу помочь тебе, Хардин, – тянет она ко мне руку, и я спешу отстраниться.

Что она делает? Это шутка какая-то? Лэндон, поди, попросил ее приехать и разыграть из себя милую укротительницу львов. Просто так, без причины, она бы не стала касаться меня.

– Помочь мне? – Смеюсь. – Тогда уйди.

Бутылкой указываю на дверь.

– Расскажи, в чем дело? – давит Тесса. Как и ожидалось.

Волосы у нее распущены и волнами ниспадают на плечи. Одета она легко и выглядит моложе обычного. Тесса опускает взгляд на руки, которые

держит на коленях.

По привычке снимаю пидорку и провожу пальцами по волосам. Тесса тяжело и медленно дышит, и я подстраиваюсь под этот ритм... Какого хрена?!

Лучше бы уж говорила, а не сидела тут молча.

– Папаня сказал, что женится на Карен: через месяц они сочетаются узами брака. И он сообщает мне это только сейчас. Почему не раньше? И почему по телефону? Наверняка наш идеальный Лэндон давно уже в курсе.

Тесса резко поднимает на меня взгляд, удивленная такой откровенностью.

Я ведь не планировал пускаться в детали.

Чертов скотч.

– Полагаю, у него были причины не говорить, – защищает Тесса моего папаню. Ну еще бы, Кен Скотт – совсем как она: ухоженный, лощеный и всегда прав.

– Да он на меня болт забил. Знаешь, сколько раз мы с ним за последний год общались? Десять, от силы! Его только и заботит, что этот домина, невеста и будущий пасынок. – Делаю глоток и утираю губы тыльной стороной ладони. – Ты бы видела, в какой дыре живет моя мама в Хэмпстеде. Говорит, ей там нравится... Врет. Спальня у моего папаши и то больше! Мама чуть не силой отправила меня за бугор, сюда, в универ – чтобы я был ближе к нему. И вот смотри, что из этого получилось!

– Сколько тебе было лет, когда ушел отец? – спрашивает Тесса. Не пойму: она опять достает меня, жалеет, или ей и впрямь интересно.

– Десять, – отвечаю, немного помедлив. – Но он и раньше пропадал: каждую ночь нажирался в разных барах, это теперь он – само совершенство, и у него куча всякого прекрасного хлама... – Указываю на дом; сцену дополняют клумбы с яркими цветами у веранды.

– Мне жаль, но...

– Не надо меня жалеть, – осаждаю Тессу. Вечно она всех вокруг оправдывает, достала уже. Она не знает моего отца, ей не приходилось терпеть его выходок, а после – когда он ушел – скучать по ним.

– Это не жалость. Я просто...

Осуждаешь меня.

– Что – просто? – тороплю ее.

– Хочу тебе помочь. Побывать с тобой.

Очень мило с ее стороны. Жаль только, она ничего обо мне не знает. Не знает, кому стремится помочь. Меня уже не исправишь, и она впустую тратит время. Пусть лучше уходит и больше никогда со мной не

заговаривает.

– Ты безнадежна. Разве не видишь, что ты мне не нужна? Не хочу, чтобы ты торчала тут ради меня. То, что я вторгся в твою жизнь, не значит, что я хочу с тобой остаться. А ты оставила бойфренда – у которого хватает сил выносить тебя, – и хочешь мне «помочь».

Взгляд ее серых глаз леденеет.

– Ты это не серьезно. – Она не знает меня, однако видит насквозь.

– Еще как серьезно, – наношу я добивающий удар. – Иди домой.

Я уже подношу бутылку ко рту, но тут у меня ее забирают и закидывают на лужайку.

– Какого хрена? – кричу я. Она что, с ума сошла? Разбрасываться драгоценным скотчем! Смотрю попеременно то на бутылку, то на Тессу – она уже выходит в дверь. Подбираю бутылку и, оставив ее возле столика, спешу за Тессой. Меня шатает, но я все же умудряюсь преградить ей путь.

– Ты куда? – Смотрю на нее сверху вниз, не давая пройти в дом.

Тесса глядит себе под ноги. В свете лампы ее ресницы будто метут по щекам.

– Помогу Лэндону прибраться, а после вернусь домой.

– Зачем ему помогать? – Он вообще-то предал меня, позвонив ей, а она бросает меня ради него?

– Затем, что он, в отличие от тебя, – голос ее звучит тихо, ровно и сильно, – заслуживает хоть какой-то помощи.

Тесса смотрит на меня с вызовом.

Она права. Лэндон – тот, с кем все хотят водить дружбу. Он не буянит и не закатывает истерику по поводу плохих новостей. Он заслужил ее время и внимание, точно так же, как заслужил право войти в этот красивый особняк, право на радушие и место под кровом. Он заслуживает домашней стряпни; ему не надо питаться едой навынос, в одиночку, в доме, полном чужаков, которые втайне его ненавидят.

Тесса права, и потому я отхожу в сторону, без лишних слов.

Ее взгляд, когда она проходила мимо, меня обжег. Не могу его забыть, он все жжет и жжет. Достаяю телефон и просматриваю фотографии Тессы: вот она идет к реке... ее волосы светятся в лучах солнца, кожа сияет. Она прекрасна. Зачем же она мне помогает? Что такого рассказал о моем пристрастии к выпивке Лэндон?

Натягиваю пидорку и, не в силах удержаться, возвращаюсь в дом. Вхожу; глаза горят, в голове гудит.

– Тесса, можно с тобой поговорить? – с ходу спрашиваю я. Лэндон ползает по полу, складывает осколки фарфора и стекла в ведро. Тесса

кивает. Мой взгляд, задержавшись на ее лице, опускается, и я вижу кровь на пальце. Тесса промывает ранку под краном.

В несколько шагов пересекаю кухню.

– Все хорошо? Как ты умудрилась?..

– Пустяк, о стекло порезалась, – говорит она.

Порез вроде маленький, но я не могу его толком разглядеть, поэтому беру Тессу за руку и присматриваюсь. Жить будет, надо только повязку наложить. Рука Тессы такая легкая, теплая; мое дыхание замедляется. Стоит мне отпустить Тессу, как она издает глубокий вздох.

– Где аптечка? – спрашиваю у Лэндона.

– В ванной, – отвечает он раздраженно.

В ванной в шкафчике быстро нахожу аптечку, хватаю с нижней полки бактерицидный крем и спешу назад в кухню.

Второй раз беру Тессу за руку и выдавливаю ей на кончик пальца крем. Она пристально следит за мной... не знает, наверное, что и думать. Аптечка напоминает мне одну хреновую ночь из детства, напоминает о маме. Спешу избавиться от нахлынувших воспоминаний и накладываю на палец Тессе пластырь.

– Можно поговорить с тобой, Тесса?

Она кивает, и я вывожу ее обратно на веранду. Тут мы наедине; Лэндон не подслушает.

Подойдя к столику, выдвигаю для Тессы стул. Это меньшее, что я могу для нее сейчас сделать. В голове прояснилось; за ушами больше не пульсирует, и вообще я спокоен.

Сажусь напротив Тессы за столиком; наши коленки почти соприкасаются.

– О чем ты хотел поговорить, Хардин? – совершенно без энтузиазма спрашивает Тесса.

Снимаю шапочку и бросаю ее на стол. Пальцами провожу по волосам. Чувствую себя полной свиньей. Тесса должна знать: не надо обо мне заботиться, я ей не сломанная кукла, – но сейчас, когда волна адреналина схлынула, я начинаю понимать, какой же я все-таки мудень.

– Прости, – тихо говорю я. Слова повисают в воздухе. – Ты меня слышала?

– Да, слышала! – лает Тесса, вскинув голову. Она зла.

Это она-то зла? Это я зол! Она пришла сюда, вмешивается в наши семейные дела и даже не принимает извинений.

– С тобой просто невозможно общаться, – говорю.

– Со мной? Да ты издеваешься! Чего ты от меня ждешь, Хардин? Ты...

жестокий.

Губы у нее дрожат, на глаза наворачиваются слезы.

– Я не нарочно, – шепчу в ответ.

– Еще как нарочно. Ты все делаешь намеренно. Со мной в жизни так дурно еще никто не обращался.

Неправда. Я с ней вовсе не жесток, и если это она называет жестокостью, то значит, пороку еще в жизни не нюхала.

– Тогда зачем приходишь? Почему не забьешь на меня? – спрашиваю.

Если я и правда так плох, почему она не откажется от затеи быть со мной?

От мысли, что будет, если она и впрямь откажется, спешу поскорее избавиться.

– Если я... не знаю. Но поверь, после сегодняшнего я очень постараюсь. Откажусь от литературы и возьму ее в следующем семестре.

Она сцепила руки на коленях. Ей не холодно?

Нельзя, чтобы она забрасывала литературу. Только там я могу видаться с ней на регулярной основе.

– Пожалуйста, не надо.

– Тебе-то что? Ты ведь не любишь, когда рядом с тобой оказываются такие жалкие личности. – В ее голосе слышится боль, но я не знаю Тессу по-настоящему и не могу судить: подлинная боль или нет. Жаль, что я ее не знаю. А кто вообще знает? По-настоящему? Я говорю о той, что хмурит брови перед тем, как улыбнуться.

– Я не то хотел сказать... это я жалок. – Со вздохом откидываюсь на спинку стула.

– Ну, – Тесса одаривает меня пронзительным взглядом, – спорить не стану.

Она плотно сжимает губы и тянется за бутылкой, однако я успеваю ее опередить.

– То есть тебе одному можно напиваться? – Она смотрит на меня, на кольцо у меня в брови.

– Я боялся, что ты снова выбросишь бутылку. – Протягиваю Тессе скотч. Не хочется, чтобы она пила, зато я хочу, чтобы она осталась. Мне нравится тишина, что наступает в ее присутствии.

Пригубив скотч, Тесса чуть не выплевывает его обратно.

– И часто ты пьешь? – Снова она достает меня.

– Последний раз – полгода назад.

Шесть месяцев воздержания – коту под хвост. Поздравляю, Хардин. Придурок.

– И правильно. Пьяный, ты еще гаже обычного, – шутя произносит Тесса, но я-то знаю: она говорит серьезно.

– Считаешь меня гадким? – Ожидая ответа, смотрю вниз, в землю.

– Да.

Я не удивлен.

– Я не такой. Ну, может, и такой. Вот если бы ты... – Я ведь и правда не так уж плох? Стоит ей попросить, и я могу исправиться.

Она ждет, пока я завершу путаную мысль; губы у нее дрожат.

– Чего ты от меня хочешь? – нетерпеливо спрашивает Тесса. Сует мне в руки бутылку, и я, не отпив, ставлю скотч на столик.

Ответ прозвучит жалко, да и как иначе? Могу бросить пить, могу стать лучше – по отношению к людям или только к ней.

– Ничего. – Я не сумел подобрать нужных слов.

– Мне пора.

Встав, она спешит в дом. Идет очень быстро, а я не хочу, чтобы она уходила. Я буду очень стараться...

– Не уходи. – Иду за ней.

Остановившись, Тесса оборачивается. Ее лицо так близко, что я слышу легкий запах виски.

– Почему? Еще не все оскорбления выдал? – кричит она и бьет меня, сильнее, чем обычно. Снова пытается уйти, но я ловлю ее за руку.

– Не отворачивайся! – кричу. Нельзя просто заявиться сюда, перевернуть мои сраные воспоминания и сбежать. Меня достали люди, которые так поступают.

– Давно стоило про тебя забыть! – Тесса толкает меня в грудь. – Не знаю, зачем я вообще пришла! Сразу же примчалась, как только Лэндон позвонил! – Она уже кричит во все горло. Покраснела. Губы дергаются; облизнув их, она завершает тираду: – Оставила парня, который – как ты верно заметил – один может выносить меня, и прибежала к тебе!

Постепенно воспринимаю ее слова. Она и правда оставила парня, чтобы прийти. Исключительно ради меня. Может, я и правда не так уж плох, и Тесса это видит.

– Знаешь, ты прав, Хардин. Я – жалкая личность. Потому что пришла сюда. Потому что попыталась...

Совершенно не думая, прижимаюсь к ней и целую. Тесса толкается, отбивается, но в моих руках – я чувствую – ей хорошо.

– Поцелуй меня, Тесса, – прошу я. Она нужна мне. – Прошу, поцелуй меня. Ты нужна мне.

Последний раз пытаюсь заставить ее поцеловать меня. Языком

провожу по ее сомкнутым губам, раздвигаю их. Тесса отдается мне полностью и с желанием. Прижимается ко мне, дышит бурно, а я кладу ладони ей на щеки, жадно и ненасытно целую.

Языком провожу по нижней губе Тессы, и она вздрагивает. Обвиваю ее руками, держусь за нее. Вдруг из дома доносится какой-то шум, и Тесса отстраняется. Я больше ее не целую, но объятий не разжимаю.

– Хардин, мне правда пора. Так больше нельзя. Для нас это добром не кончится.

Она себе лжет. Мы все преодолеем.

– Нет, можно, – заверяю ее. Не знаю, откуда во мне эта надежда, но она расцветает в груди, и на сердце становится легко.

– Нельзя. Ты меня ненавидишь, а я больше не хочу быть мишенью для твоей злобы. У меня в голове все путается: то ты меня унижаешь после первой же близости...

Да, так и было. Я все испортил. Надо объяснить, что порой я все порчу, намеренно. Всегда так поступал. Как-то, когда мне было двенадцать, бабуля решила устроить праздник в честь моей днюхи; разослала приглашения и заказала особый торт. В сам день рождения я всем сказал, что праздник отменяется, и до вечера хандрил у себя в комнате. К торту даже не притронулся. Вот так я порой сам все и порчу...

Хочу сказать еще что-то, но Тесса прижимает мне палец к губам. Если бы не пластырь, я целовал бы ее в порез.

– ...то целуешь и говоришь, что без меня не можешь. Мне не нравится, как я веду себя с тобой, и не нравится, как я себя чувствую после твоих выходов.

– И какая же ты со мной? – спрашиваю. Мне-то она нравится. Она куда лучше многих из окружающих.

– Такая, какой я быть не хочу: обманываю своего парня и постоянно плачу, – надломившимся голосом произносит Тесса. Она ненавидит себя за то, какой становится в моем обществе, и за это я сам себя ненавижу. Мне-то хочется, чтобы ей нравилось. Чтобы она хотела меня так же, как я хочу ее.

– А знаешь, какой ты мне видишься? Когда ты со мной? – Большим пальцем провожу вдоль линии ее челюсти, и ее веки, затрепетав, смыкаются.

– Какой? – шепчет Тесса, едва раскрывая рот. Она успокоилась и ждет, что я отвечу.

– Ты становишься собой, – говорю я чистую правду. – Просто не можешь осознать этого, боясь, что подумают другие. И я знаю, что после

того, как я приласкал тебя пальцем... – Она морщится, ей неприятен подбор слов. – Прости... после твоего первого опыта... я поступил неправильно, и мне было плохо, когда ты покинула меня.

– Не верю, – закатывает Тесса глаза.

– Клянусь, я говорю правду. Знаю, ты меня считаешь плохим... но с тобой я... – Не могу закончить. Тесса проникает в меня все глубже, глубже и глубже, и это страшно. – Ладно, забей.

– Договаривай, Хардин, или я прямо сейчас уйду. – Она говорит совершенно серьезно. Подбоченившись, смотрит на меня холодными глазами.

– С тобой... мне хочется быть лучше... с тобой и ради тебя, Тесс, – выдыхаю я, и она охает.

Когда она стала требовать знаков и доказательств решимости, он запаниковал. Как загнанный в угол зверь. Честность стала ему клеткой, где его могли запереть без ключа. Он боялся потерять Тессу, однако с каждым днем удерживать ее становилось труднее. Она перешла в наступление, спрашивала о таком, о чем ей знать-то не полагалось. Когда ей хотелось большего, она этого требовала, не принимая отказов; когда большего хотелось ему, она выдумывала отговорки.

* * *

– Все равно ничего не вышло бы, Хардин, мы слишком разные. Впервые, ты ни с кем не встречаешься, не забыл? – выдает она мне. Отступает. Надеюсь, она не покинет дома моего отца. Мы словно уже совместное будущее обсуждаем: свадьбу, брак, развод или не развод... Тесса не может не планировать все заранее, а я могу. Всем уже вроде должно быть понятно, что я такую необходимость плохо переношу. И все же Тесса заставляет становиться лучше и лучше, ради нее.

– Не такие уж мы и разные: оба любим книги, например.

Постоянно приходится защищаться.

– Ты ни с кем не встречаешься, – дразнит она меня.

– Знаю, но мы могли бы... дружить.

Дружить? Хардин, ты серьезно?

В глазах Тессы – разочарование.

– Ты же говорил, что нам не быть друзьями. Да и не стану я дружить с тобой. Знаю я, что ты называешь дружбой: все привилегии бойфренда и никаких обязательств.

Отпустив ее, чуть не теряю равновесие.

– Почему все так плохо? К чему тебе ярлыки?

Хорошо наконец отойти от нее, вдохнуть свежего – без запаха виски – воздуха.

– Потому, Хардин, что я хоть и не слишком себя сдерживаю в последнее время, уважение к себе не потеряла. Я не стану твоей игрушкой, особенно если меня будут мешать с грязью. – Она картинно вскидывает руки. – К тому же я занята.

Своим придурком-бойфрендом прикрывается? Ой да ладно! Кого она обманывает?

– И тем не менее посмотри, где ты, – сухо говорю я.

Тесса размахивает своим парнем как флагом, дразнит меня им и еще жалуется, когда я то же самое проделываю с Молли. Ну что за двойные стандарты?! Опьянение лишь добавляет картине мрачности. Мне хватает ума, чтобы это понять, но хватает и тупости, чтобы перестать вести себя по-свински. А еще я пьян, и мне почти все по фигу. Я вдребезги разбил папанин кухонный фарфор.

Тесса хмурится, угрожающе скалится.

– Я его люблю, и он любит меня.

Как ножом по сердцу; пячусь и ударяюсь о стул. На ногах почти не стою.

– Не надо... – Вскидываю руку, словно в попытке защититься от ее слов.

Тесса зла дальше некуда, вот-вот вопьется мне в глотку.

– Ты так говоришь только потому, что пьян. Завтра снова меня возненавидишь.

Возненавижу? Ее?! Как я вообще могу ее ненавидеть?

В отчаянии пячусь дальше, отворачиваюсь. Смотрю на зеленые-зеленые деревья. Листва такая сочная, потому что здесь постоянно дожди.

– Я не ненавижу тебя, – говорю наконец. – Если согласишься мне в глаза и попросишь навсегда оставить в покое, больше не подходить к тебе, я послушаю. – Эти слова убьют меня, но если Тесса и правда не желает меня видеть, я скроюсь. – Клянусь, больше ни разу к тебе не приближусь. Только скажи.

Пытаюсь представить жизнь без нее. Вместе с Тессой пропадут и все краски, которыми я пытался расцветить свой мир.

– Скажи, Тесса, – не давая ей ответить, продолжаю я, – скажи, что больше не желаешь меня видеть.

Представить даже не могу, что она это скажет. Подхожу к ней и провожу пальцами по рукам – ее кожа покрывается мурашками. Тесса чуть приоткрывает рот.

Наклоняюсь к ней и шепчу:

– Скажи, что больше не желаешь моих прикосновений. – Кончиками пальцев провожу вниз по ее шее, по ключице. Она подается ко мне, не в силах вымолвить ни слова. Я наклоняюсь еще ближе. Чувствую ее напряжение. – Что не желаешь больше моих поцелуев...

Понижаю голос; Тесса дрожит.

– Скажи, Тесса, – прошу я сказать то, чего слышать никак не желаю.

Она тихо-тихо произносит мое имя, просто выдохнув его.

– Ты не можешь устоять передо мной, Тесса. Как и я – перед тобой. – Она колеблется, но и не спорит. – Останься сегодня со мной, – прошу, касаясь губами ее губ.

Взгляд Тессы устремляется в сторону дома, и она отстраняется. Оборачиваюсь посмотреть, что же ее отвлекло, однако ничего не вижу. Тем не менее Тесса говорит, что ей пора.

Нет, не отпущу. Я не готов остаться один в этом доме. Я не верю, что в нем останусь.

– Прошу, – бормочу я, проводя пальцами по волосам, – прошу, останься. Останься со мной на эту ночь. Если утром решишь, что больше не желаешь меня видеть... – Я не хочу этого, но, боюсь, так оно и будет. – Просто останься со мной, умоляю, а ведь я никого ни о чем не прошу, Тереза.

Я в жизни никого ни о чем не просил. Что это, спиртное? Или она так на меня действует?

Тесса кивает. Ее глаза блестят в свете лампы.

– А что я скажу Ною? – Его имя – горькое напоминание, что Тесса моя лишь ненадолго. Мне нужно больше времени с ней. – Он ждет меня. Я приехала сюда на его машине.

Она оставила его одного у себя в комнате? Ради меня?

Они расстались? Он хоть знает, что она здесь? Он имя-то мое знает? Я с ума схожу от того, что не могу понять, как сильно Тесса привязана ко мне эмоционально. Стеф ничего не расскажет, а Тесса говорит еще меньше.

Ее совсем не заботит, что подумает бойфренд? Я смотрю на лозу, что оплетает заднюю стену дома. Огни горят так ярко. Похоже, Тесса сама поражается своим поступкам.

– Скажи, что тебе надо остаться, потому что... не знаю. Не говори вообще ничего. Что он может тебе сделать?

Разве у Ноя есть власть над Тессой?.. Тесса вздыхает, оттопырив нижнюю губу. Она, похоже, искренне волнуется. Чего боится? Ной расскажет все ее мамочке? Тессе вообще-то уже восемнадцать.

– Да он, поди, заснул уже, – говорю. И это правда, он ведь все еще живет по школьному расписанию.

Тесса мотает головой. Упираюсь спиной в перила веранды.

– Нет, он не может вернуться к себе в номер отеля.

Номер отеля? Этот тип остановился в отеле?! Как его там вообще вписали? Он же ребенок!

– Отель? Погоди... так он не у тебя остановился?
– Нет, он в номере отеля неподалеку от кампуса. – Опустив очи долу, Тесса шаркает ножкой. Ей неудобно.

– Значит, это ты с ним?
– Нет, он один, – тихо и смущенно отвечает Тесса. Не поднимая взгляда, она говорит: – Я у себя.

Что же это такое? Она ему нравится вообще, нет?! Ему женщины-то хоть нравятся? Нет, ну вы на Тессу-то посмотрите!

– Он у тебя натурал? – Просто не могу не спросить. Я сомневаюсь в его ориентации. Похоже, Ной ее обманывает. Это, конечно, залет, но мне задачу облегчает просто невероятно.

То есть и Тесса, конечно, его обманывает...

– Разумеется, натурал! – в ужасе восклицает она.

Просто безумие какое-то: Тесса не замечает странностей в поведении собственного парня, который не желает с ней оставаться...

– Прости, что-то тут не клеится. Будь ты моей, я бы с тобой ни на минуту не расставался. Трахал бы всякий раз, при первой возможности. – И это правда. Я будил бы Тессу по утрам, зарываясь лицом ей между ляжек, а по вечерам укладывал бы спать, сводя с ума ласками и заставляя выкрикивать мое имя.

Тесса заливается краской и отводит взгляд. Мне нравится, как она реагирует на мои слова. В темноте у меня начинает болеть голова: деревья слишком подвижные, их стволы изгибаются неестественно. А еще мне хочется уединиться в доме с Тессой, после такого-то дня.

Смотрю на Тессу, не в силах отвести взгляда от ее приоткрытого рта.

– Пойдем внутрь. Деревья что-то раскачались... или это я перепил?

Тесса смотрит на дом, потом снова на меня.

– Ты останешься здесь?

Киваю и беру ее за руку. Она тоже остается. Поверить не могу, что буду ночевать в доме Кена – после финта, что он выкинул.

– Да, и ты – со мной. Идем.

Вырваться она не успевает.

На полу еще остаются осколки; ведро переполнено битым фарфором и стеклом. Вот и славно, Лэндон сам справляется. В конце концов, он получит моего папочку в качестве отчима. Хотя почему получит? Уже получил. Кен Скотт постоянно достается кому-то или чему-то другому, только не мне: барам, Карен, Лондону, этому домину... На меня времени он не находил, а теперь думает, что я с его гадством смирюсь? Хрен ему по всей морде!

Мы с Тессой поднимаемся на второй этаж. Если память не изменяет, нам в дальнюю по коридору комнату. Черт, сколько же тут дверей... Не хватало еще заглянуть в комнату к Лэндону и застать его за дровичолом.

Вот она, последняя дверь. Тесса по пути молчала, ну и ладно, так даже лучше. Не хочется слишком давить на нее; и надо бы избавиться от мыслей об этом козле, моем спермодоноре.

В комнате темно, ищу выключатель.

– Хардин? – шепчет Тесса.

Сквозь щель в занавесках в комнату проникает лунный свет. Отпускаю Тессу и ищу дальше проклятую кнопку. Да где же она, черт? Веду рукой по гладкой стене...

Какого хрена?

Вижу силуэт стола и вроде как лампы на нем. Слепо бреду к нему. На ходу спотыкаюсь обо что-то и чуть не падаю.

– Черт!

По ходу дела, в этой комнате вообще света нет; Кен и Карен как знали, что я сюда загляну. Подстава...

Наконец ощупью нахожу абажур. Бинго!

– А вот и я, – говорю Тессе и дергаю за цепочку на лампе. Маленькая, а горит ярко, просто ослепительно. Поморгав, осматриваюсь.

Это моя комната, которой я ни разу не пользовался. Ни разу.

Интерьер напоминает убранство какого-нибудь отеля: стены светло-серые, с белоснежной полосой вдоль потолка и плинтуса. На ковре борозды от щетки пылесоса. Кровать у дальней стены отвратительно велика; у дорогого изголовья из вишневого дерева – гора декоративных подушек. Если такая громадина и пригодится, то только если в самой середине, на темно-сером пуховом одеяле возляжет обнаженная Тесса. Жаль, но она не торопится возлечь на ней. Стоит у стола в масть кровати, на котором – новенький аймак. Выпендрежники хреновы.

Растираю шею и говорю:

– Это моя... комната. – Даже не знаю, что еще сказать.

– Так у тебя тут своя комната? – прикусив губу, спрашивает Тесса.

Фактически – да, но я здесь чужой. Кен столько раз говорил, что меня в доме ждет отдельная комната. Типа хотел впечатлить кроватью о четырех столбиках и компьютером с огромным экраном.

– Ага... Я, правда, здесь в первый раз, – смущенно признаюсь я. Надеюсь, что больше вопросов не последует. Наивный.

У изножья кровати – вместительный ящик. Единственное его назначение, похоже, хранить кучу подушек. Надо использовать его с

большим умом: сажусь на крышку и разуваюсь. Тесса смотрит на меня и, поди, уже составляет в уме список вопросов. Она же зануда и приставала... Сняв носки, запикиваю их в ботинки. На щиколотке – свежие порезы. По ходу, в ботинки набились мелкие осколки стекла. Ну зашибись.

Тесса, я смотрю, закончила составлять список. Она подходит ближе и произносит:

– О... почему же?

Вздыхнув, я решаю все же с ней не сражаться и ответить.

– Не хочу. Мне тут не нравится. – Мне тут и правда не нравится. В мамином доме я спал на засаленном матрасе, простыня с одеялом никогда не менялись, и это мне тоже не нравилось.

Пока Тесса переваривает мой ответ и готовит следующий вопрос, я расстегиваю джинсы и снимаю их. Стоит остаться в трусах и футболке, как взгляд Тессы из далекого становится ошарашенным.

– Ты что делаешь? – спрашивает она.

– Раздеваюсь, – говорю и выгибаю бровь с кольцом. Да, ей нравится задавать вопросы, но почему большая часть из них касается очевидного?

– Зачем? – Она смотрит мне на пах. Сразу видно: безуспешно пытается задавить желание и не думать о моем члене.

– Ну, – встретившись с ней взглядом, говорю я, – не люблю спать в узких джинсах и обуви.

Убираю со лба волосы.

– О, – тихо произносит Тесса.

Жду, что она еще что-нибудь скажет, однако Тесса молчит, скользя взглядом по моей груди, животу – по рисунку татуировки. Дольше всего она задерживается на дереве. Нравится оно ей? Или кажется самой непривлекательной частью? Что-то мне неуютно становится, слишком пристально она меня разглядывает. Не знаю даже, что делать.

Решив удивить Тессу, кидаю в нее футболкой. Она зачарована и не успевает увернуться. Как бы заставить раздеться и Тессу, чтобы уже я мог насладиться видом ее обнаженного тела, впитать глазами каждый его дюйм, разглядеть каждый недостаток, которого Тесса стыдится, но который не отвратит меня?

Хотелось бы знать, о чем она думает. Хотелось бы саму ее узнать лучше. Ловлю себя на том, что мне хотелось бы познакомиться с ней иначе, при других обстоятельствах: вот если бы она была моей соседкой, которая то и дело забегает одолжить того или этого, а я могу спросить ее о чем угодно. Я бы тогда поинтересовался, почему она задает так много вопросов и почему, смущенная, так вскидывает брови. Спросил бы, чего она ждет от

судьбы, что ощутила бы, пропади я из ее жизни. Сумеет ли она найти в себе силы простить меня?

Однако мы в реальном мире, и я для нее чужак. Она почти не знает меня, а знала бы хоть половину из того, как я набедокурил в прошлом, не стала бы так живо мной интересоваться. Мои татуировки поблекли бы для нее; на мое поведение она отвечала бы уже не сарказмом, а желчью. Надо быть осторожным; вместе с моими тайнами пропадет и Тесса.

Черт, у меня от всего этого голова кругом. Опьянение постепенно проходит. Надо бы остыть, поскорее унять возбужденный мозг.

– Можешь и так лечь спать. – Улыбаюсь. – Хотя я предпочел бы увидеть тебя в нижнем белье.

– Нет уж, и так посплю, – говорит она неуверенно. Вряд ли Тесса хочет спать в мешковатой юбке и футболке, которая мне, однако, даже нравится. Светло-голубая, она хорошо сочетается с цветом ее глаз. И как мне в голову пришла эта мысль?.. Сочетается с цветом ее глаз. Какого хрена?

Тесса путает мне мысли даже сильнее, чем скотч.

– Отлично. Устраивайся. Если тебе по душе неудобства – воля твоя. – Беру с кровати первую попавшуюся подушку и швыряю ее на пол.

Тессу этот жест оскорбляет. Или ее оскорбляет мой полуобнаженный вид? Она подходит к изножью кровати и заглядывает в уродливый ящик.

– Не надо разбрасываться подушками, их место здесь.

Как будто я сам не знаю! Думает, я прежде таких подушек не видел? Если я жил с матерью-одиночкой, то я уже и не знаю, куда пристроить переоцененный тюк ваты?

Брось, Хардин, она просто помогает тебе... Разум произвольно выдает наихудший из вариантов. Ненавижу себя за это. Комплексы сведут меня в могилу. Хватаю вторую подушку, с рюшечками, и тоже швыряю на пол. Тесса нагибается за ней, ворчит.

Пока Тесса изображает из себя горничную, я забираюсь под одеяло. На этой кровати прежде не спали, сразу чувствуется. Я будто на облаке лежу. Тут даже лучше, чем в гостинице. Сложив руки под голову, смотрю на Тессу – она смотрит на меня. Она всегда на меня смотрит. А я – на нее.

Кладу ногу на ногу, а Тесса тем временем убирает в ящик последнюю подушку. Аккуратистка.

Так и будет всю ночь там стоять? Лучше бы разделась и забралась ко мне под одеяло.

– Ты же не станешь ныть по поводу того, что тебе придется спать со мной?

– Нет, кровать большая – места хватит. – Улыбается она хладнокровно, зато руки дрожат; Тесса тербит ногти. Какая она сейчас игривая. Мне это нравится.

– Вот такая Тесса мне по душе, – шутливо замечаю я.

Глаза у нее чуть округляются, но я стараюсь не думать почему. Только не сегодня – сегодня о таких вещах думать не стану.

Разувшись, Тесса неуклюже забирается на кровать. Она так и не разделась и ложится на самый край здоровенной постели, подальше от меня. Может, придвинуться к ней? Да нет, еще испугается и свалится на пол... Стоит представить эту сцену, как меня разбирает смех. Тесса оборачивается.

– Что смешного?

Ну вот, опять она брови ломит. Дьявол, до чего мило.

– Ничего, – вру я. Вряд ли признание облегчит мне сегодня работу, но смех сдержать все равно не могу, и Тесса дуется.

– Говори! – Она оттопыривает нижнюю губу. Несмотря на притворную обиду или же, напротив, из-за нее, гляжу я на этот рот и думаю: вот бы задолбить в него. Жду не дождусь, когда эти пухлые губки медленно заскользят вдоль моего члена. Воображая, как голова Тессы скачет вверх-вниз у меня между ног, прикусываю серьгу в губе. Чувствую холод металла на языке.

Перевернувшись на бок, лицом к ней, говорю:

– Ты ведь прежде не спала с парнем? – К слову, и я прежде не оставался в постели с девчонкой. Не в моих это было правилах. Посмотрим, как дальше дело пойдет.

– Нет, – отвечает Тесса.

Улыбаюсь, желая показать, что рад этому факту. Я, в конце концов, у нее первый. Здорово, что ее так многому предстоит научить. В каком-то смысле мне тоже есть что ей отдать, и немало.

Тесса лежит лицом ко мне, все еще в одежде, и это сводит меня с ума. Тесса протягивает руку и пальчиком касается ямочки у меня на щеке. Такой простой и такой милый жест. Уже лет десять никто – даже мама – не касался моего лица. Во время секса я порой целую девчонок, однако при этом не даю себя лапать.

В глазах у Тессы возникает легкая паника. Она отдергивает руку, но я хватаю ее за кисть и снова кладу себе на щеку. Как же хорошо, как приятно. Прикосновение Тессы такое нежное. Хочу, чтобы она касалась меня везде.

– Не знаю, почему еще никто тебя не трахал. Наверное, расписание, которым ты одержима, помогает устоять перед искушениями.

Должна же быть причина ее неопытности. Иначе Тесса просто не могла бы так долго оставаться девственницей.

– Мне никогда и не приходилось ни перед кем выстаивать, – говорит Тесса. Словам ее не верю, но верю взгляду. И все же девственность хранить очень тяжело.

– Ты либо врешь, либо ходила в школу для слепых. – Смотрю на ее милый ротик. – От одного взгляда на твои губы у меня уже встает.

Это правда. Ей достаточно протянуть руку и потрогать – сама убедится. Я бы так и сказал, но момент портить не хочется.

Достаточно того, что в ответ на мою пошлую ремарку Тесса охает. Я со смехом думаю, как бы еще свести ее с ума. Она – все равно что новое авто: когда первый раз слышишь, как под капотом мурлычет движок, это дико возбуждает. Хочу заставить мурлыкать Тессу; я бы ее и орать заставил, если бы в доме не было Лэндона. Сегодня я все сделаю медленно, но чуть иначе, чем у реки.

Облизнув губы, беру Тессу за руку и подношу ее ко рту. Провожу ею по влажным губам, и Тесса резко втягивает воздух. Когда нежно прикусываю кончик ее указательного пальца, рука у нее начинает дрожать. Мой член напряженно вздрагивает, когда Тесса принимается инстинктивно постанывать. Теплой ладонью Тессы провожу себе по шее; так хорошо, что от блаженства затуманивается разум. Алкоголь уже почти не действует, и меня штырит от ласк упрямой сексуальной блондинки. Тесса отдергивает руку, и я убираю ладонь на колено. Тесса пальцами проводит вдоль вытатуированного на шее плюща. Все мои мысли занимает ощущение холода и спокойствия, что остается после ее прикосновения.

После нескольких секунд тишины я заговариваю вновь. Мне любопытно, я возбужден и хочу поиграть с ней. Снова беру ее за руку.

– Тебе ведь нравится, как я с тобой разговариваю?

Грудь ее начинает вздыматься и опадать чаще. Она отводит глаза, и я продолжаю:

– Ты разругалась и дышишь иначе. Отвечай, Тесса, – припади своими пухлыми губами к моим. – Мне хочется разнообразных поцелуев. Она молчит. Дьявол, а я еще считал себя упрямым. Придвигаюсь к ней и пальцами беру за ее запястье. Тесса взволнована, румянец заливает ей кожу.

Я уже жду, что она признается, как ее влечет ко мне, но тут она произносит:

– Может, включишь вентилятор?

Тереза, ты серьезно? В мальчики меня записала? Думаешь, я сейчас

выпрыгну из удобной постельки, где мы лежим так близко друг к другу? Смотрю ей в лицо, в серые глаза, и она просит:

– Пожалуйста...

Сам не успеваю сообразить, как выбираюсь из постели. Дьявол, а Тесса хороша.

Она провожает меня лукавым взглядом. И все-таки в одежде на кровати она выглядит до черта глупо, ей же самой неудобно. Юбка у нее величиной с одеяло.

– Если тебе неудобно, то, может, просто разденешься? Юбка, наверное, все равно кусается?

Тесса с улыбкой закатывает глаза.

А ведь я серьезно: одевается она просто ужасно.

– Тебе надо одеваться по фигуре, Тесса. Эти балахоны скрывают всю красоту. – Я едва могу различить ее грудь. – Если бы я тебя в нижнем белье не видел, то и не знал бы, какая ты классная, сексапильная. Юбка на тебе – как картофельный мешок.

Тесса смеется. Шутка удалась.

– И что же мне носить? Сетки и топики? – Выгнув бровь, она ждет ответа.

Перед мысленным взором мелькает образ: Тесса в топике и джинсовых шортиках.

– Нет. Мне, может быть, и понравилось бы, но нет. Можно ведь не оголять тело, просто подчеркивать фигуру. В этой футболке не различить формы твоей груди, а уж сисек тебе стыдиться никак не надо.

– Может, хватит уже такие слова употреблять? – качает она головой, и я со смехом возвращаюсь в кровать. Дюйм за дюймом придвигаюсь к ней. Когда оказываюсь чуть не вплотную, Тесса садится и вылезает из постели. В груди у меня жжет.

– Ты куда? – спрашиваю, а сам надеюсь, что разозлил ее не настолько, чтобы она ушла.

– Переоденусь, – говорит Тесса, быстро пересекая комнату. Подбирает с пола мою грязную футболку. Я улыбаюсь; ей мою футболку нравится носить так же, как и мне нравится, когда она ее носит.

– Отвернись и не подглядывай, – говорит Тесса как ребенку. Хотя сама прекрасно знает: я буду смотреть.

– Нет, – пожимаю плечами, за что достаиваюсь гневного взгляда.

– Что значит – нет? – в отчаянии спрашивает Тесса.

– Не стану я отворачиваться. Хочу смотреть на тебя.

Тесса сдается, но... выключает свет. Вот подстава! Я издаю стон. А

мне нравится эта игра, этот флирт. Я громко ною, давая понять Тессе: если уж она жульничает, то от меня честности пусть не ждет. Слышу, как на пол падает тяжелая юбка. Дергаю за цепочку светильника: лампочка загорается, и Тесса подскакивает на месте.

– Хардин! – выкрикивает она мое имя, будто некое ругательство.

Продолжаю рассматривать ее с головы до ног. Тесса делает глубокий вдох и принимается надевать футболку. Лифчик у нее простой, белый, почти без набивки. Да и зачем он Тессе? Трусики у нее в масть; прикрывают задницу практически целиком. А задница у нее совершенная: круглая, упругая... я бы ей и туда засадил.

– Иди сюда, – шепчу. Больше не могу ждать, хочу прикоснуться к ней, к ее телу. Тесса приближается; да у нас тут натуральное бурлеск-шоу. Мне нравится! Хочу получше разглядеть. Сажусь на кровати. Тесса под моим взглядом краснеет, и мое удовольствие от этого лишь усиливается.

Наконец она протягивает мне руку, и я помогаю ей забраться на кровать. Она садится мне на ноги, славно обхватывает меня бедрами. Воображение тут же срывается с цепи. Тесса, впрочем, не спешит наклоняться ко мне, сидит, выпрямив спину. Ну-ну... Бережно беру ее за ляжки и подтягиваю ближе. Прикусив губу, она смотрит мне в глаза. Я сперва отвожу взгляд, чувствую: наступает эрекция. Ляжки у Тессы мягкие и сексуально выглядывают из-под моей футболки.

Улыбаюсь, видя, как ей хорошо, как она хороша.

– Так намного лучше. – Жду, что и она улыбнется, но Тесса не улыбается. – Что не так?

Я нежно глажу ее по щеке, и наконец она улыбается, прикрывает глаза. Интересно, я сейчас условий пари не нарушаю? Нет, думаю, сейчас я выше этого.

– Ничего... я просто не знаю, что делать, – признается Тесса, смущенно пряча взгляд.

Не хочу слишком давить на нее. Пусть пока лишь ласкает меня руками, это уже будет приятно. Не знаю даже, как ей все объяснить, не показывая на натуре.

– Делай, что хочешь, Тесс. Не думай слишком много.

Тесса хочет положить руку мне на грудь, но сдерживается. Смотрит мне в глаза, как бы спрашивая разрешения. Никто до нее ко мне так не прикасался; я киваю, давай, мол. Сам возбужден, волнуясь, слежу за ней. Тесса скользит пальчиком по животу, вниз – к резинке трусов. Сдерживаюсь, хотя так и тянет схватить ее за руку, опрокинуть на спину и затрахать вусмерть. Закрываю глаза, а Тесса водит пальцем по татуировкам.

М-м-м...

Стоит ей отвести руку, и я открываю глаза. Мне не хватило, у меня ломка.

– Можно мне... потрогать... тебя? – спрашивает Тесса, глядя на бугор у меня между ног.

Твою в бога душу мать, ну конечно! Вслух говорю:

– Да, пожалуйста.

Тесса взволнованно опускает руку мне на пах; задерживается ненадолго и едва-едва прикасается. Потом снова кладет на член руку, гладит его. Бережно водит пальцами вверх и вниз; эрекция становится только сильнее.

– Хочешь, покажу, как надо? – Пусть ей будет удобно.

Тесса кивает, и я накрываю ее маленькую ручку своей лапицей. Помогаю ухватиться за член; Тесса нежно сжимает его пальчиками, и я со стоном отпускаю ее. Суть она уловила. Выражение ее лица порочное и одновременно невинное. Зрачки расширены, рот приоткрыт, щеки горят.

– Тесса, м-мать, не надо так... – бормочу я. Если она снова сделает такое лицо, я точно взорвусь.

Тесса останавливается. Черт, я и забыл, как буквально она все понимает.

– Нет, нет. Я не про то. Продолжай. Только не смотри на меня так.

– Как – так? – наивно хлопает она ресницами.

– Так невинно. А то мне хочется сделать с тобой столько пошлостей... – Много-много. Очень много, Тереза.

Она нервничает. Член мой держит не так чтобы плотно, но я не спешу пенять ей. Пусть освоится, а я помогу, уж поверьте. Тесса покусывает губу, а я, постанывая, шепчу ее имя. Вот если бы можно было вечно так лежать.

– Ох, дьявол, как приятно, когда ты так делаешь, Тесс, – говорю я. Воодушевленная, она слишком сильно стискивает моего приятеля, и по телу пробегает волна боли. – Не так резко, детка.

Бережно и аккуратно, чтобы не спугнуть, направляю ее.

Тесса целует меня и продолжает ласкать.

– Прости, – шепотом извиняется она, прижимаясь губами к моей шее. Поднимается выше, к уху. А-а-а, как же хорошо. Я тоже хочу приласкать ее; долго все равно не продержусь.

Кладу руки ей на грудь; лифчик – словно стена между нами.

– Можно. Мне. Снять. Это. – Хочу прикоснуться к ее сексуальному телу. Запускаю руку ей под футболку, нащупываю идеальные груди: округлые, налитые. Тесса, задыхаясь, кивает. Дрожащими руками

расстегиваю замочки, и груди чуть провисают. Едва сдерживаюсь, чтобы не сдернуть с нее лифчик; стягиваю его медленно. Тесса приподнимает руки, чтобы я мог снять его полностью, и я снова беру ее за грудь, прижимаю губами к ее губам. Тесса стонет, не разрывая поцелуя, когда я нежно терблЮ ей затвердевшие соски. Мне нравится, как она целуется: нежно и в то же время ненасытно. Она снова хватает меня за член и двигает рукой вверх и вниз, вверх и вниз. Доставляет мне наслаждение в моей постели, надев мою одежду.

– О, Тесса, кончаю, – едва слышно говорю я. Контроль над телом утерян. Тесса – что кукловод; играет моими ощущениями, будто за ниточки дергает. Я в огне и одновременно в ледяном океане; еще чуть-чуть, и начну выкрикивать ее имя. Сосредоточиваюсь на поцелуе, трюсь языком о ее язык. Мну ей груди. Судя по стонам, ей очень нравится. Кончив, убираю руки. В трусах растекается теплая лужица, и я чувствую облегчение, как от тысячи выдохов.

Когда жар возбуждения отступает, я падаю на подушку и закрываю глаза. Тесса так и сидит у меня на ногах. Как же я рад! Что бы там ни говорили, я умер и попал на небо... Тесса начинает тревожиться, и я открываю глаза. Я сам слегка беспокоюсь: как бы поспеть за ее бзиками. Но она улыбается, и тревога проходит. Поднимаюсь и целую ее в лоб. Тесса вздыхает. Какой сладкий звук.

– Я еще ни разу так не кончал, – признаюсь. Тесса дарит мне новые переживания, и это круто.

– Что, все так плохо? – спешит она прийти к худшему выводу.

– Что? Нет, ты все сделала правильно. Обычно если кто-то просто ласкает меня через трусы, этого мало.

Тесса устремляет взгляд в пустоту и молчит. Что-то не так. Прокручиваю в голове последние полминуты, пытаюсь понять, чем я ее обидел. Вроде я не виноват.

– О чем думаешь? – спрашиваю.

Тесса молчит. Обвиняет меня в том, что я не умею общаться, а сама не спешит откровенничать.

– Да ладно, Тесса, брось, расскажи.

Замывается от меня и ждет, чтобы я с ней был откровенен. Пощекотать ее, что ли? В старых комедийных сериалах, что я смотрел в детстве, женщину легко было разговорить – только пощекочи ее. Плюс это добавляет флирта. А уж я любую полезную мелочь использую.

– Ладно... ладно! Расскажу! – лягаясь, визжит Тесса. Видок у нее глупый: мордашка сморщена, зубы оскалены. Пинается, чтобы я прекратил.

А у меня от смеха уже живот болит.

– Верный выбор, – говорю. В трусах у меня мокрым-мокро. – Только не торопись. Мне бы в душ по-быстрому сбегать. Переодеться.

Смену белья я с собой не принес, только футболки в багажнике машины. Встаю с кровати и осматриваюсь. Карен говорила, что в комодке полно одежды. Гм, как так можно, набивать одеждой комод для того, кто с тобой ничего общего иметь не желает?

Ладно, хрен с ним, выбора-то нет, а Карен – не такая уж плохая тетка. Я разбил ее фарфор, так что надо порадовать в знак компенсации – надеть то, что она мне приготовила. Открывая ящик, надеюсь на лучшее... облом. Вижу целое море трусов в клеточку: сине-белые, красно-белые, красно-зеленые, красно-синие, бело-зеленые. Конца и края им нет. Так и хочется закрыть ящик с треском, однако выбирать не из чего. Осторожно, будто заразные, беру двумя пальцами наименее дрянные, сине-белые.

– Что такое? – спрашивает Тесса, приподнимаясь на локтях. Ей смешно наблюдать за мной, по глазам вижу. С каждой минутой, что я провожу с ней, она раскрывается.

– Ужасные трусы, – со стоном жалуюсь я. В клеточку. Хлопковые. Размер XL. Кому их вообще покупали?!

– Не такие уж и плохие, – врет Тесса.

Глядя на сине-белый клетчатый ужас, качаю головой.

– Ладно, дареному коню в зубы не смотрят. Вернусь через минуту.

Выбегаю, не оборачиваясь. По пути в ванную прохожу мимо комнаты Лэндона, останавливаюсь на мгновение и прикидываю ухом к двери. Он смотрит кино, что-то там про эльфов – ничего удивительного. Легонько – так, чтобы Тесса не слышала, – стучусь. Уже поздно, Лэндон, поди, заснул там за просмотром «Сумерек». Стучу еще раз, и дверь открывается. Поняв, что это я, Лэндон напрягается. Делаю шаг ему навстречу, и он вскидывает руки, словно пытаюсь защититься.

– Я не сратья пришел, – шепотом говорю. Вот он придурок, если думает иначе.

Сразу видно, он мне не верит. Ни вот настолечко.

– Тогда чего надо? – подозрительно спрашивает Лэндон.

Помахав рукой в воздухе, спрашиваю:

– Можно мне? – и указываю в сторону комнаты. Заглядываю в темное помещение: на стене висит плазма с диагональю, наверное, дюймов шестьдесят. Ну да, так и есть. А еще у него на всю стену коллекция именных спортивных маек в рамках, пошитых вручную какой-нибудь милой барышней в магазине типа «Умелые ручки». Она, поди, окропила

собственным потом, специально для Лэндона. Он всего на два дюйма ниже меня, зато куда мускулистей. Я выше и стройнее, зато он крепче. Молодая и задротская версия Дэвида Бэкхема. На нем сейчас футболка с символикой универа и фланелевые штаны. Парень безнадежен.

Оглядев меня с головы до пят, он видит трусы и вскидывает брови.

– Отвали – твоя мамаша их купила.

Лэндон прикрывает рот, пряча улыбку.

– Забей. – Иду дальше в ванную. Я знал, на что шел, не надо было с ним заговаривать.

– Постой, извини, – вскидывает он руки. – Мне стало смешно, потому что мама до сих пор покупает мне такие же трусы. Хотя я и объясняю, что они ужасны.

Да, немного смешно... но я не смеюсь вместе с Лэндоном.

– Я хотел поговорить с тобой о Терезе.

Лэндон на глазах становится чуточку выше, губы сжимает в плотную линию.

– А что?

– Так, – убирая волосы со лба, говорю я, – хотел убедиться, что ты в курсе. Она...

Лэндон снова вскидывает руки – на сей раз, чтобы заткнуть меня.

– Тесса сама знает, что делает. И без меня разберется, взрослая. – Говорит он строго, но без злобы.

Не знаю даже, что и ответить. Я думал, он себя как гондон поведет, станет разыгрывать верного друга, убеждать ее, чтобы бежала от меня как можно дальше.

– Ну... – переминаюсь с ноги на ногу в коридоре. – Тогда я в кровать.

Обернувшись, замечаю, как он улыбается. Как-то неловко все вышло, однако лучше, чем я ожидал.

Приняв душ, возвращаюсь в спальню. Тесса лежит на кровати, свернувшись калачиком, точно котенок. Взгляд ее сразу устремляется на страшные трусы.

– А ничего так, – врет она.

Эти трусы – воплощенное уродство. В них не видно, какой у меня член. Перед тем как выключить свет и схватить пульт дистанционного управления, успеваю бросить на Тессу сальный взгляд. Поразительно, как наш странный мистер Скотт не установил здесь голографический телевизор. Включаю тот, который есть, на случайный канал, просто чтобы прогнать тишину, и приглушаю звук. Забираюсь в постель и, устроившись рядом с Тессой, упираю в нее взгляд.

– Итак, что ты хотела мне сказать? – спрашиваю ее, и она прикусывает губу. – Не стесняйся. Ты только что заставила меня кончить в трусы.

Ее стыдливость до смешного парадоксальна. Обняв Тессу, притягиваю ее к себе.

Жду, когда Тесса вернется к реальности. Она прекрасна, когда беззаботна, а беззаботность в ней вызываю я – и горжусь этим. Наконец моя чувствительная подруга спускается на землю, волосы у нее растрепаны, спутанными волнами обрамляют лицо. Без раздумий убираю их за уши, в которых поблескивают миниатюрные серьги. Вспоминаю, как сам хотел проколоть себе уши, но потом мой друг Марк подхватил в салоне инфекцию. Уши у него воспалились, а уж воняли...

Не надо об этом думать.

Нежно целую Тессу; она полностью овладевает моим разумом.

– Ты еще пьян? – Этот вопрос – очередное доказательство ее неспособности и наглости.

– Нет. Похоже, турнир «кто кого перекричит» во дворе отрезвил меня.

– Ну, хоть какая-то от этих ссор польза.

Не знаю, куда деть руки. Может, погладить ее по спине?

Тесса кладет голову мне на грудь. Ей как будто даже удобно. Вот и хорошо.

Она улыбается – улыбается мне, легко и светло.

– Кажется, пьяный Хардин мне больше по душе.

Пьяный Хардин...

Я как будто слышу мамин голос, что разносится по нашему старому дому: «Кен, ты просто пьяница!»

Прочь, мысли, пока не разрушили красоту момента.

Тесса, скорее всего, прикалывается. Мне надо учиться следить за языком. Общение с Тессой – прекрасная тренировка.

– Правда, что ли?

– Может быть. – Она дуется. Зря она считает, что дурачество освободит ее от необходимости отвечать.

И вот, возвращаясь к теме, я говорю:

– Ты не умеешь уходить от вопроса. Давай, колись.

– Ладно. Я думала о девушках, которых ты... ну, ты понял, с которыми ты занимался... всем этим...

Договорив, она сразу же утыкается носом мне в грудь, прячет лицо.

Нашла о чем сейчас думать. Я вот, например, сосредоточен на том, как приятно ее волосы щекочут мне нос, как сильно от нее пахнет ванилью – словно она выкупалась в ванне с духами.

– Зачем об этом думать?

Тесса вздыхает, как будто я не понимаю, о чем она.

– Не знаю... у меня совсем нет опыта, а у тебя его так много. Включая Стеф.

Не могу понять: она расстроена, ревнует или ей любопытно? Порой она для меня как раскрытая книга, порой – как закрытая.

Ну ладно, раз не могу сам вычислить, то спрошу.

– Ревнуешь, Тесс?

Очень надеюсь, что да.

– Нет, нет, конечно.

Врет, врет и не краснеет.

Сейчас я с ней поиграю. Сама напросилась. Тесса прижимается ко мне, такая теплая. Я никогда не лежал так в кровати с девчонкой – не обнимался, кончив в трусы. И еще я никогда не испытывал ни с кем такой близости во время секса, не спал потом ни с кем.

– Значит, не возражаешь, если я открою тебе немного подробностей?

– Нет! – поспешно взвизгивает она. – Не надо!

Обняв ее крепче, смеюсь. Мне нравится, как Тесса реагирует. Я бы сам, скорее, дрель себе в уши сунул, чем стал слушать, как она с кем-то на стороне трахалась. Глядя в потолок, пытаюсь припомнить, мечтал ли я когда-нибудь с кем-нибудь вот так проводить ночи. Нет, не мечтал. Редкие пьяные мыслишки не в счет. Тесса лежит тихо, даже слишком тихо. Уснула, наверное. Проверяю время на дисплее мобильного: едва за полночь.

– Ты ведь еще спать не собираешься, а? Время детское.

– Правда? – сонно спрашивает Тесса. Она и впрямь чуть не уснула на мне. Если честно, я бы и сам поспал, но не хочу тратить время наедине с ней впустую. Тесса зевает, и я закрываю глаза.

Я чуть не позволяю себе ложь: сказать, что на часах еще десять.

– Да, всего-то полночь.

Готов спорить, Тесса каждый день высыпает рекомендованные докторами восемь часов, поэтому всегда такая улыбчивая, счастливая и прочая, прочая...

– Это не детское время. – Второй зевок выходит еще милее, чем первый.

Тессу обычно легко убедить; посмотрим, что можно сделать.

– Для меня – детское. К тому же я бы хотел отплатить тебе за услугу.

Тесса сразу же напрягается. Наверное, покраснела к тому же. В голове небось проносятся дикие мысли о том, как я теплым влажным языком вожу вверх-вниз по ее щелке, нарезаю круги вокруг клитора.

– Ты ведь этого хочешь, правда? – как можно тише спрашиваю я.

Она вздрагивает – это сигнал. Тесса смотрит на меня с улыбкой, и я, обняв ее, плавно переворачиваюсь. Теперь она снизу. Я уже вижу, как она кричит в экстазе, пальцы ее зарываются мне в волосы, а в рот мне течет ее сладкий сок. Легонько царапаю ее, проводя пальцами по ляжкам, от попки к коленям.

Так хорошо, когда она подо мной... Я уверен: она ниспослана мне во испытание, проверить мои способности к самоконтролю. Тут же тихий внутренний голос напоминает, что все может быть совсем наоборот, что ее послали с совершенно противоположной целью. Вдруг это мне суждено показать ей жизнь под другим ракурсом? Звучит, наверное, глупо, однако Тессу могли послать не в наказание мне, а во спасение...

– Такая нежная... – Снова провожу рукой по ее обольстительным ляжкам. В трусах у меня все напрягается при мысли, что там сокрыто, промеж этих ляжек. Тесса снова вздрагивает, покрываясь мурашками. Мне нравится, как ее тело реагирует на мои ласки. Облизнув губы, прижимаюсь ими к впадинке под коленом. Кожа мягкая, вкус у нее ванильный. Я бы в считанные секунды всю ее, Тессу, съел.

Держи себя в руках... держи себя в руках...

– Я хочу тебя распробовать, Тесса. – Смотрю ей в глаза, жду ответа. Она ведь понятия не имеет, какое блаженство я ей доставлю. Мой язык сведет ее с ума, она будет просить еще и еще.

Приоткрыв полные губы, Тесса наклоняется ко мне и целует. Это одновременно и освежает, и разочаровывает.

– Нет. Внизу. – Легонько похлопываю ее по киске, и Тесса резко втягивает воздух. Грудь начинает бурно вздыматься; я словно чувствую, как в крови у нее закипают гормоны. Дразню ее, нежно поглаживая, и наконец между ног у нее становится мокро.

Тесса течет, о чем я и сообщаю ей. Она прекрасна, и красота ее сейчас особенно яркая.

– Говори, Тесса, скажи, как сильно ты этого хочешь. – Я, словно помешанный, не могу без ее мольбы.

Продолжаю терзать клитор.

– Я не хотела, чтобы ты останавливался. – Она ноет, и это круто.

– Ты не сказала, – отвечаю. – Я даже не понял, понравилось ли тебе.

– А разве не видно было?

Приподнимаюсь и сажусь ей на ляжки. Не могу оторвать рук от нее: пальцы скользят по гладкой коже. Тесса подергивается.

– Скажи, – прошу ее. – Не надо кивать – скажи, чего ты хочешь, детка.

Мне нравится, когда она говорит, как сильно хочет меня.

– Хочу, чтобы ты... – Она придвигается ко мне. Стараюсь сдерживать себя, пусть сама ко мне приблизится, скажет, чего хочет.

Выгибаю бровь.

– Что мне сделать, Тереза?

– Ты знаешь сам... поцелуй меня.

Дважды целую ее в губы, и она хмурится.

– Этого ты хотела? – дразню ее, и она игриво хлопает меня по руке. Пусть сама скажет, что я должен поработать языком.

– Поцелуй меня... там. – Я подчиняюсь, и Тесса, спрятав лицо в ладони, мотает головой. Я невольно смеюсь и отнимаю ее руки от лица. Она смотрит сердито. – Ты меня специально смущаешь.

Она и правда расстроилась. Когда успела?

Пытаюсь объяснить, что я не хотел ее обидеть, что просто хотел услышать от нее эту просьбу, и она закатывает глаза.

– Не бери в голову, Хардин. – Тесса с головой накрывается одеялом. Черт возьми! Она отвернулась, лицом к стенке.

Ну вот, испортил ей сексуальный опыт, а ведь в постели со мной ей положено испытывать райское наслаждение; со мной она должна забывать обо всем, не думать и только наслаждаться. Я облажался, и теперь Тесса будет злиться всякий раз, как вспомнит эту сцену. Не надо было так сильно давить. Она ведь совсем ничегошеньки не знает, а я – придурок.

– Ну ладно, прости, – говорю ей в затылок. Не хочу с ней ссориться. Я ведь просто ее раззадоривал; не понял, когда нужно остановиться. Я порой такой мудак – если она еще не заметила.

– Спокойной ночи, Хардин, – напряженно произносит Тесса. Она не в настроении играть со мной в игры, и я изо всех сил стараюсь больше не давить на нее, оставить все как есть. Нельзя вообще ее подгонять.

Так и хочется сказать ей: вот видишь, я учусь на ошибках.

– Ну и ладно, бука ты упрямая, – ворчу я в ответ.

Тесса дышит все медленней; обнимаю ее и стараюсь уснуть. Тесса вздыхает несколько раз, бормочет что-то невнятное. Когда она наконец проваливается в сон, я сажусь на кровати и смотрю на нее, думаю: сколько она будет на меня дуться, и получится ли у меня когда-нибудь стать ей хорошим бойфрендом?

В жизни все стало меняться так быстро, что он едва поспевал. Он был счастлив... наконец узнал значение этого слова. Дни пролетали один за другим, он не успевал понять, что происходит. Стоило ей открыться, и он забрался к ней в душу, свил себе гнездышко. Она отдала ему самую сокровенную свою невинность, а он принял ее, понимая, что не имеет на то права. Однако он солгал бы, сказав, что желает сохранить это от нее в тайне. Он любил ее и использовал, не зная, как совместить и то, и другое. Знал только, что его к ней любовь – не оправдание для ошибок, совершаемых им раз за разом, но надеялся насладиться временем с ней и заслужить прощение.

* * *

Въезжаю на парковку перед общагой, где живет Тесса, а в голове – драная пустота. У меня нет плана, хотя, когда уезжал, вроде бы все решил: захожу к ней и прошу прощения. Не то чтобы надежный план, но другого я не придумал. Меня гложет совесть, сжирает живьем изнутри. Страшно представить, что будет, когда я поговорю с Тессой... Но она должна все знать.

Мне следовало бы только немного выпить. Так, несколько глотков, чтобы снять напряжение. Больше не получится обмануть ее поцелуем, отвлечь прикосновением, ласками.

Стоянка перед корпусом В всегда полупустая, и я останавливаюсь поближе к тротуару. Темно-красный кирпич общаги придает дому зловещий вид казенного учреждения. Здесь за порядком почти не приглядывают. Я знаю – потому что из корпусов А и D меня, случалось, гоняли.

Посылаю Стеф эсэмэску: если ты не в комнате, не вздумай заходить. Минуту она не отвечает, и я вылезаю из машины. Надеюсь, Стеф ушла. В телефоне еще сохранилась эсэмэска от Тессы: «Спокойной ночи», на которую я не ответил. Ну почему я такой козел?

В коридоре пусто, и я минут пять стою перед дверью в комнату В20 вместо В22, даже не заметив этого. Постучаться? Тесса не ждет меня, но она у себя, я уверен. Нет, не надо стучаться. Незачем. Трясущейся рукой

поворачиваю ручку и толкаю дверь – та со скрипом открывается. Вхожу, надеясь не получить туфлей в лоб или не застать Стеф за минетом.

Только глаза успевают привыкнуть к темноте, как зажигается свет.

– Ты что делаешь? – спрашивает Тесса. Она сидит на кровати и жмурится.

Прохожу мимо кровати Стеф и останавливаюсь в нескольких шагах от Тессы.

– Пришел тебя повидать, – говорю. При виде нее у меня внутри что-то смещается, и я успокаиваюсь. Тесса переворачивается на бок, положив одну руку на бедро. Садится, свесив ноги с кровати; волосы тяжелыми волнами падают ей на спину. Футболка на ней кажется мягкой. Хочется потрогать эту ткань, что плотно облегает тело Тессы. Хочется убрать выбившуюся прядку со лба, пальцем провести по надутым губам.

Тесса хмурится, напоминая разозленного котенка.

– Зачем? – высоким голосом спрашивает она, чуть не плачет.

Не зная, куда еще себя деть, присаживаюсь в кресло возле ее опрятного стола. Подумав немного, говорю:

– Я скучал по тебе.

В гневе она закатывает глаза. Не верит. Интересно, она скучала по мне?

Снюсь ли я ей в приятных снах, как она снится мне? Утешаю я ее или преследую в кошмарах?

Вздохнув, Тесса опускает плечи.

– Тогда зачем ты ушел? – мягко спрашивает она. Я тем временем оглядываю комнату; в кои-то веки постель у нее в беспорядке: одеяло сваялось, одна из подушек свисает с матраса. На половине Стеф, как всегда, хаос; при мысли, как это, наверное, бесит Тессу, приходится давить подкативший смешок. Странно, что сейчас у нее самой бардак.

Пожимаю плечами, и Тесса скрещивает на груди руки. Мне так много нужно сказать тебе, Тесса. Прошу, помолчи, хоть бы сейчас...

– Ты меня доставала...

Фыркнув, она дергает ножками, как школьница.

– Ладно, я ложусь спать. Ты пьян и снова хочешь поиздеваться надо мной.

Покачав головой, она закрывает глаза. В груди у меня жжет от злости, на кулаках горят свежие ссадины.

Пытаюсь объяснить, что я вовсе не намерен издеваться, что я просто немного пьян и хотел повидать ее. При этом из последних сил сдерживаюсь, чтобы не пересечь к ней на кровать. Чтобы она легла и

открылась мне, моим ласкам. Вместо этого я продолжаю нести милую чепуху, пытаюсь развеселить ее.

Она не ведется.

– Просто уйди. – Тесса лежит, отвернувшись к стенке. Она просто упрямая девочка, дитя. Это одновременно злит и умиляет.

Если она хочет вести себя как ребенок, то я и обращаться с ней буду соответственно.

– Ой-ой, детка, не сердись на меня. – Тесса напрягается. Вот бы увидеть ее лицо. Я хоть и злю ее, но слово «детка» звучит очень мило. – Мне точно уйти? Знаешь, что бывает, когда я сплю без тебя?

Надеюсь надавить на жалость.

Она театрально вздыхает, а я, наоборот, задерживаю дыхание. Не хочу, чтобы она гнала меня.

– Ладно, оставайся, но я все равно буду спать.

Она так и лежит носом к стенке. Интересно, если я лягу рядом или попытаюсь развернуть ее к себе, она сильно меня ударит?

Хочет спать – пускай, но мне бы хотелось насладиться ее обществом. Когда я пришел, у меня был черновик плана; теперь видно – не пойдет. Тесса уже зла; если сейчас вывалить на нее правду, она вообще откажется говорить.

– Почему? Не в настроении развлечься со мной?

Тесса снова отвечает: ты, мол, гад и пьян. Я возражаю: ни то, ни другое, и что она ведет себя как ребенок.

– Несправедливо говорить так. Особенно если я просто спросила тебя о работе.

Голова идет кругом; Тесса заикнулась.

– Боже мой, не начинай заново. Брось, Тесса, не надо сейчас об этом.

До меня доходит: если я признаюсь, большинство проблем уйдут сами собой. Беда в том, что и Тесса уйдет вместе с ними.

– Почему ты сегодня напился?

Решил, что пойдет на пользу. Чувствовал я себя отвратительно, нервничал, и думать ясно не получалось. Признания от меня пьяного звучат не так уж и оскорбительно. Сегодня можно нести пьяную ахинею, а завтра, если Тесса вдруг обидится, отказаться от своих слов.

Черт, я вру и вру, не могу остановиться.

– Я... не знаю... просто выпить захотелось... основательно. Может, все-таки перестанешь на меня злиться? Я люблю тебя. – Я и правда люблю ее, хочу быть с ней рядом. Ненавижу, когда Тесса злится, но то, что она за меня тревожится, в некотором смысле утешает.

Гнев ее наконец смягчается.

– Я не злюсь на тебя, просто не хочу возвращаться к тому, с чего мы начинали. Вечно ты накидываешься на меня, а потом уходишь. Если тебя что-то не устраивает, то так и скажи, не держи это в себе.

В чем дело, доктор? До меня не сразу доходит, что Тесса словно оговаривает условия, на которых станет встречаться со мной. Свидания? Как же, как же... Тесса выговаривает мне за то, что я не умею общаться. Сама хороша: когда я прихожу, ложится носом к стенке и играет в молчанку. Я тут, понимаешь, кишки выворачиваю, а она недовольна. Стараюсь держать себя в руках, не давать волю гневу; это очень трудно, Тесса давит мне на все болевые точки.

– Тебе просто не нравится, когда что-то нельзя контролировать, – отвечаю ей. Поверить не могу, она пытается научить меня, как справляться с той же хренью. Как будто все на свете знает.

– Что-что? – надломившимся голосом переспрашивает она. Садится на кровати и кладет локти на колени.

Повторяю: она помешана на контроле. Тесса, естественно, все отрицает.

Спрашивает: не хочу ли я еще как-нибудь оскорбить ее, а я прошу перебраться ко мне. Понятное дело, она ошарашена. Собственно, и я удивляюсь не меньше: выбрал же момент... Тесса пристально вглядывается мне в лицо, будто вспоминает, что я рассказывал о жилье. Мне отчетливо видно: она возбуждена. А еще не уверена, и неуверенность эту ей скрыть не удастся. Я покажу, что бояться нечего, буду и впредь хорошим, приносить ей счастье. Мне это по силам. Накал между нами совсем исчез, и вот уже Тесса кусает нижнюю губу, дразнит меня. Жду не дождусь, когда мы все же съедемся.

Над нами сгущается грозовое облако, заряженное правдами; в любой момент обрушит на наши головы бурю. Представляю, будто мы – герои романа, и Тесса прощает меня, как Элизабет простила Дарси. Будь мы словами, она снова оказалась бы у меня в руках, как та же Кэтрин, несмотря на глубину моей ошибки. Она будет жаждать приключения, что я привнесу в ее жизнь, не сможет остаться в стороне – как Дейзи. Беда не коснется нас, если в собственном мире мы в безопасности, под своим кровом, на страницах своего романа.

Мысленно обещаю Тессе крепость, а не узилище. Слова умирают, так и не прозвучав; я снова смотрю на Тессу.

– Так ты будешь жить со мной?

Соглашайся. Прошу тебя, соглашайся.

Она поводит плечами, и я мельком вижу бретельку розового лифчика. Надо же, у нее не все черно-белое. Продолжаю смотреть ей на плечи – вдруг получится разглядеть больше.

– Господи, давай не спешить. Сначала я просто перестану на тебя злиться, – говорит Тесса, предлагая свою версию компромисса. – А теперь иди ко мне.

Она ложится на спину и хлопает по матрасу рядом с собой. Я словно щенок, которому хозяин разрешил забраться на кровать! Снимаю джинсы и бросаю прямо на аккуратную стопку учебников. Тесса взглядом показывает: футболку тоже снимай. На ней сексуальная облегающая маечка, но мне больше нравится, когда Тесса в моей одежде. С этим видом ничего не сравнится.

Кладу футболку перед ней, и губы Тессы изгибаются в милой улыбке. Она снимает майку. Ее гладкая кожа так возбуждает, а линия животика переходит в округлость груди... м-м-м. При виде ее кружевного белья у меня глаза чуть не вываливаются из орбит.

– Твою мать, – срывается у меня с губ. – Что это на тебе?

Эта девчонка такая горячая и понятия об этом не имеет. Щеки у нее густо-красные.

– Я... – еле слышно шепчет Тесса. – Купила сегодня новое белье... вот.

Она смущается, хотя выглядит как богиня. Длинные белокурые пряди, гладкие ноги, надутые губки, между которых так и хочется засадить...

Интересно, что еще она сегодня прикупила? Вот бы развести ее на небольшой приватный показ.

Меня в жизни еще ни одна девчонка так не заводила. Тессе даже стараться не надо, она и без того сексуальна. Она понятия не имеет, сколько женщин пошли бы на убийство, лишь бы стать ею, завладеть ее телом.

– Вижу... мать твою...

Тесса качает головой.

– Это ты уже говорил. – И все равно ей нравится от меня это слышать. Тесса расцветает, когда я говорю комплименты, и меня это очень, очень заводит. Удивительно, что она не осознает собственной красоты. Я повторяю, как она прекрасна, а она только улыбается. Не могу оторвать глаз от ее сисек, и член у меня в трусах пульсирует, наливается. Тесса тоже, не отрываясь, смотрит на бугорок у меня между ног.

Взгляд у нее голодный; язык мельком пробегает по верхней губе, которую она тут же прикусывает. Тесса говорит что-то, но я ничего не слышу.

– Угум-м... – мычу я в знак согласия. Все мысли – о том, как ее тело

взывает ко мне. Тесса будто создана для меня. Упершись коленом в матрас, наклоняюсь и целую ее в полные влажные губы. Ее бархатный язычок скользит по моему языку. Одновременно ранит и исцеляет.

Я играю в опасную игру, шагаю по натянутому канату, но чувство равновесия у меня тоже развито прекрасно. Если Тесса пойдет рядом, я покажу, что готов исправиться ради нее.

Она увидит, что одна ошибка – ничто по сравнению с тем, как сильно я люблю ее и кем ради нее становлюсь.

Тесса целуется жадно и очень умело: язык ее движется синхронно с моим, и я, глотая каждый ее стон, проникаюсь еще большим чувством. Запускаю пальцы ей в мягкие волосы, прижимаюсь к ней телом и трусь членом; вот-вот загорюсь. Мне становится страшно, когда по телу прокатывается волна облегчения. Тесса полностью подчинила себе мое тело и разум. Что она будет делать с ними? Черт его знает.

Я упиваюсь красотой Тессы. Ее губы уже темно-розовые, и я мысленно воображаю, что стану с ней делать. Пальцами провожу по кружеву на белье; налитые груди едва держатся в чашечках лифчика.

Терпеливо и очень, очень нежно просовываю пальцы под розовую ткань, нахожу затвердевший сосок. Я на седьмом небе.

– Снять или не снять... – Я бы каждый час каждого дня проводил вот так, лежа с Тессой, жаждущей меня. Щиплю ее за соски, и она удивленно стонет.

Хочу мять ее обнаженные груди.

– Снимаю, – со стоном произношу я.

Я весь нетерпение, и Тесса выгибает спину, помогая расстегнуть замок лифчика. Чуть не кончаю в трусы. Приподнимаю ей сиськи, отпускаю, любуюсь плавным ходом идеальных округлостей. Тесса – мой живой фетиш.

Я хочу сделать с ней все – то, чего никогда прежде не делал, и то, чем занимался когда-то, чтобы испытать заново и по-новому.

– Чего ты хочешь, Тесса?

– Я уже говорила, – стонет она, подставляя мне грудь. Да она не менее озабочена.

Ну, мы готовы? Она готова? Думаю, она – да. Тесса задыхается; трусики между ног влажно поблескивают в свете лампы.

Провожу ладонью по животу, двигаясь вниз, к резинке трусиков. Стараюсь сдерживаться, но Тесса стонет, а мне хочется слышать ее стоны чаще и больше. Это мои любимые звуки. Черт, я весь в ее власти.

Нежно постукиваю по набухшему холмику лона – там все мокро.

Слышу сладостный запах; ужасно тянет распробовать Тессу. Ввожу в нее пальцы, полностью. Она вскрикивает, обхватив меня руками. Ее всю колотит. Тесса задыхается, охая с каждым новым толчком.

Она вдруг хватается меня за член и начинает гладить его, сжимать, водить вверх и вниз по нему в безумном темпе.

– Уверена? – спрашиваю ее. Мне нужно полное согласие, чтобы все прошло идеально для нас обоих.

Тесса не сразу понимает, что это я ей. Отдышавшись немного, она смотрит на меня дикими глазами и говорит:

– Да, уверена. Хватит думать.

Уткнувшись лицом ей в шею, хихикаю. Ирония просто убийственная: обычно именно Тесса слишком долго думает. Я так близок, готов взять ее, и все омрачает пари. Совесть, что грызла меня с того момента, как я полюбил Тессу, вновь проснулась. Разрываюсь: во мне сражаются, ведут дуэль хороший мальчик, влюбленный в хорошую девочку, и плохой мальчик, сломленный и неспособный любить никого. Каждому от принцессы нужно что-то свое, но вот парень в черном падает наземь...

– Я тебя люблю, ты знаешь? – Прижимаюсь губами к ее губам. Чувствует ли она мою панику?

Если да, то не показывает.

– Да... – Она целует меня, медленно и нежно. – Я люблю тебя, Хардин.

Тесса сучит ногами, не в силах сдерживать удовольствие от того, как я вонзаю в нее пальцы. Она стонет, а в голове у меня стоит картинка: я беру ее, она подо мной извивается... Нет, пусть первая сделает шаг, это рубеж, за который я не шагну. Целую ее в шею, прямо в бьющуюся жилку, ощущая жар кожи. Тесса – моя.

– Хардин... я... – ноет Тесса, стоит мне остановиться. Она готова, готова, чтобы я взял ее, поглотил. Во мне просыпается жуткий голод, я хочу ее, хочу ощутить ее вкус. Отодвигаюсь и срываю с нее трусики, развожу ей бедра. Губами провожу по животику. Между ног у нее совсем мокро, и я дышу на разбухший холмик, наслаждаясь стоном Тессы. Приподнимаю ей бедра, ныряю между них.

Я лижу ей, и вкус ее соков наполняет меня блаженством. С каждым стоном растет и мой напор. Тесса, сдерживая крики, колотит кулачками по матрасу.

– Скажи, что тебе хорошо, – дыша жаром ей на вульву, прошу я.

– Мне... очень... – задыхаясь, лепечет она.

Снова прижимаюсь к ней ртом и лижу. Она содрогается, воет.

– Да, вот так, детка, – как могу, подбадриваю ее, – кончай. Кончи для меня, я хочу ощутить вкус твоего удовольствия.

И Тесса кончает. Я пьян ее оргазмом; мне кружит голову не алкоголь, а сила.

Приподнимаюсь и ложусь на Тессу. Прижимаюсь подрагивающим членом к ее животу. Целую. Тесса, внезапно вынырнув из состояния эйфории, отвечает мне с жаром. Она хочет большего. Я впечатлен.

– Ты... – на всякий случай хочу спросить я.

– Тс-с, – горячо кивает она и снова целует. – Да, уверена.

Впивается ногтями мне в плечи. Она посасывает мои губы, просовывает внутрь язык. Стягивает с меня трусы; ощущение собственной наготы и того, что я прижимаюсь к ней голым членом, приводит меня в сексуальное бешенство.

Мне надо войти в нее, завладеть ее телом.

Потом все изменится, мы уже не будем прежними. Тесса распрощается с невинностью, станет женщиной. В анкете у доктора ей придется отвечать «да» на вопрос о наличии половой жизни. Когда-нибудь она выйдет замуж и расскажет супругу, как переспала со мной. И всех своих мужчин будет сравнивать со мной. Меня гложет чувство вины и переполняет удовлетворение. Близость свободы пугает.

– Тесса... я... – Надо все ей рассказать. Я разрываюсь.

– Тс-с, – шепчет она. Сама не понимает, что говорит.

Прижимаюсь к ней. Она лежит подо мной просто идеально. Всматриваюсь ей в лицо, чтобы навсегда запечатлеть в памяти этот момент.

– Тесса, я должен тебе признаться...

– Тс-с, хватит болтать, Хардин, – умоляет она. Глаза ее полны любви и возбуждения. Моя жизнь меняется, здесь и сейчас. Тесса вновь берет ситуацию в свои руки: целует меня в губы, хватая за член и начинает надрачивать. Искушает, заставляет молчать. Пальчиком смахивает с головки капельку смазки. А-ах!

– Сделаешь так еще раз, и я кончу. – Пусть ее нежные пальчики скользят по головке моего члена, дразнят, заставляя просить еще.

Больше всего мне надо сейчас войти в нее.

Вряд ли у Тессы где-то завалялась резинка, но я – как ни стремно – всегда ношу с собой презерватив. Принципов относительно секса у меня мало, а вот без гондошки я из дома – ни шагу.

Тесса смотрит, как я шарю по карманам джинсов в поисках презерватива. Чувствую себя извращенцем: резинка в бумажнике... я словно маньяк в постоянной надежде на перепихон.

Однако хватает одного взгляда на лицо Тессы – она вся желание, – и позорные мысли уходят. Возвращаюсь в кровать. Жду, что Тесса возьмет у меня резинку, но она не торопится. Хрен тебе, Шерлок. Она, поди, презики только на уроках полового воспитания видела.

– Ты... – Не знаю, как и спросить: хочет ли она сама натянуть мне резинку на член. Некоторым девчонкам это нравится.

– Спросишь, готова ли я, – убью, – повысив голос, предупреждает она. Не врет.

Выбираю второй вариант: наслаждаюсь моментом, пока мы с ней вместе. Помахав в воздухе резинкой, говорю:

– Я только хотел спросить: не поможешь ли мне вот это надеть? Или мне самому? – Второе наверняка будет быстрее.

Тесса нервно прикусывает губу. Член подрагивает, жаждет в нее вонзиться. Не терпится просто трахнуть Тессу – пусть даже без резинки.

Нет, нет, паршивая идея.

– О, я с радостью... только ты покажи как. – Даже смущаясь, она такая сексуальная. Ее полные груди отвлекают. Надо бы ускорить процесс.

– Хорошо, – соглашаюсь я, и Тесса придвигается ко мне, садится, скрестив ноги. Я счастлив научить ее, хотя здраво рассуждаю с трудом. Мысленно я уже на ней, вхожу в нее. Она стонет, впивается ногтями мне в спину и плечи. Просит еще, кончает. Я овладел ею.

* * *

– Не так уж и плохо для девственницы и пьяного, – усмехается Тесса, когда дело сделано и резинка на мне.

Я отвечаю, что не пьян, что ее острый язычок заставил меня протрезветь.

– Что дальше? – с искренним любопытством спрашивает она.

Я кладу ее руку себе на член.

– Хочешь? – спрашиваю, и она кивает.

– И я. – О да, я очень хочу. Ничего еще так прежде не хотел.

Тесса продолжает надрачивать мне, и я ложусь ей между ног, разводя их коленом.

Ее киска снова влажно поблескивает, готова принять меня.

– Ты течешь... Хорошо, все пройдет глаже. – Я снова ощущаю ее аромат. Тесса такая отзывчивая, что я просто с ума схожу. Целую ее в губы, в уголки рта, в нос и снова в губы. Тесса обхватывает меня руками,

прижимает к себе. Задеваю ее влажную щелку и чуть не взрываюсь. Тесса больше не может ждать.

– Помедленней, детка, – предупреждаю ее, – надо помедленней.

Целую ее в висок. Хочу, чтобы ей понравилось.

– Сперва будет немного больно, так что скажи, когда остановиться. Я серьезно.

Зрачки у нее расширены, щеки горят, волосы разметались по подушке.

– Хорошо. – Тесса нервно сглатывает. Как же я люблю ее, обожаю, не могу без нее. Сделав глубокий вдох, медленно проникаю ей в щелку. Как же там туго. Я продвигаюсь дальше, и она вдруг зажимается.

– Все хорошо? – затаив дыхание, спрашиваю я. Тесса кивает, плотно сжав губы. Она такая теплая, такая тугая.

– Ох ч-черт, – выдыхаю я, когда она стонет, еще сильнее стиснув мой член. – Продолжать?

Я не могу не продолжить. Я знал, конечно, что она со мной окажется на седьмом небе, но что так быстро мы на него поднимемся, даже не думал.

Отдышавшись немного, она отвечает:

– Да.

Двигаюсь медленно, не желая причинить ей боль. С каждым моим поцелуем Тесса ослабляет хватку. А я покрываю поцелуями ее шею, губы, нос. Я люблю каждый дюйм ее тела. Тела, что принадлежит мне.

Повторяю, как сильно люблю ее. Глаза Тессы закрыты, но ей вроде не больно. Двигаюсь по-прежнему медленно. Проходит двадцать секунд, а она все молчит.

– Так мне... черт... мне остановиться?

Тесса мотает головой, и я снова закрываю глаза, но и с закрытыми глазами могу вспомнить каждую деталь ее тела, как оно идеально соединяется с моим. Теперь она моя. Навсегда, и останется моей, даже когда мы покинем постель. Я держу взятый ритм, а Тесса по-прежнему меня обнимает. Мое сердце колотится все быстрее по мере того, как я приближаюсь к пику. Никогда еще во время секса ничего подобного не чувствовал.

Я ощущаю себя живым, полным сил. Моя возлюбленная смотрит на меня сияющими глазами, с восхищением. И я знаю: все будет хорошо.

Меня вновь поражает сила Тессы; по ее щеке скатывается слезинка, и я осушаю ее поцелуем.

– Дьявол, детка, ты отлично справляешься, – воздаю я ей заслуженную похвалу. – Я так тебя люблю.

Запускаю пальцы ей в волосы и впииваюсь губами в покрытую потом

шею.

– Я люблю тебя, Хардин.

Большого мне и не надо. Я жадно целую ее в губы, провожу по ним языком.

– О, детка, я кончаю. Можно?

Спина у меня горит, ее кожа поблескивает от пота. Мы обезумели.

Тесса кивает, разрешая излиться в нее, и в этот момент я ненавижу разделяющий нас барьер. Хочу кончить прямо в нее, овладеть ею полностью, во всех смыслах. Тесса целует меня в шею, а я, достигая вершины, отдаваясь наслаждению, шепчу ее имя сквозь зубы. Потом лежу на ней, запыхавшись, и она лениво меня гладит.

Все изменилось. Я изменил все между нами. Ласкаю Тессу, стараясь не думать о рвущейся наружу и грозящей спалить меня заживо правде. Молюсь про себя, чтобы мой мир не пошел прахом.

Он начал все понимать, и выстроенный им карточный домик с каждым днем терял устойчивость. Стоило вспомнить о своей лжи, как он впадал в панику, старался придумать, как быть. Убедил себя, что в детстве был проклят... другого объяснения страданиям не находил. Он уже не понимал, кто для него Тесса – спасение или самая большая напасть? Принадлежа ему, она ускользала с каждой секундой.

* * *

Через несколько дней я заглядываю к Тессе. Она в это время на практике.

Молли говорит, что у Стеф крыша поехала. Намекает на всякие ужасы. Надо бы разобраться, пока не поздно.

Стеф лежит на кровати, на голове у нее полный бардак. Макияж штукатуркой: на глазах плотные дымчато-серые тени, кожа – белая, губы – ярко-красные. Ни дать ни взять призрак гламурной кисы.

– Ее здесь нет, – заявляет Стеф, закрывая крышку ноутбука Тессы. Откуда он у нее? – Расслабься, псих. Я просто кино смотрю.

Отбираю у нее ноут и прячу его под мышкой.

– Знаю, что ее нет. Я с тобой поговорить зашел.

Стеф приподнимается на локте, и полные груди отчетливо проступают под облегающим платьем.

– О чем поговорить? – Ее взгляд холоден. Я всегда знал, что у нее с башкой не все хорошо, просто не догадывался, насколько. У всех у нас пары винтиков в мозгах не хватает, однако в случае Стеф все куда серьезнее. Прежде я считал ее клевой девчонкой, а оказалось, что она – просто рыжая версия Эми Данн^[5].

– Сама знаешь. – Присаживаюсь на кровать Тессы.

– Молли позвонила? – догадавшись, говорит Стеф. – Какая-то она в последнее время бесючая. Просто сил нет. Не замечаешь? – Стеф садится на кровати. – Я ничего не скажу Тессе. Знаю, ты пришел просить ничего ей не выдавать, и я не скажу ей.

– Так я тебе и поверил, – говорю, и Стеф облизывает зубы.

– Не хочешь – не верь, я свою порцию веселья получила. Теперь мне

игра наскучила, да и девочку немного жаль.

Вот так сюрприз.

– Правда, что ли? – Упираю локти в колени.

Стеф раздражается визгливым кошачьим смехом, и я глубоко вздыхаю.

Мог бы и сам догадаться.

– Конечно же, нет. Но мне и правда стало скучно.

Стеф отдергивает платье, приоткрывая грудь. Я отворачиваюсь.

Ради Тессы сцен устраивать не стану.

– Ты все равно с ней уже наигрался, да?

Наигрался? Стеф точно спятила.

– Нет? Трахнул – значит, наигрался. Это же твой стиль.

Самое странное, что Стеф меня не упрекает. Просто констатирует факт. Учитывая мои похождения, она, в принципе, права, но с Тессой я куда дольше, чем с любой из ее предшественниц.

Тесса заставила меня побороться за нее, она этого стоила. Жаль, что я сам все испортил.

– Нет... – Я откашливаюсь. – Не наигрался.

Закатив глаза, Стеф облизывает губы.

– Так и знала. Ну, сколько раз вы уже трахались? Она по-прежнему упруга? Ты ведь такой напористый.

Сказав это, Стеф спешит отодвинуться. Должно быть, испугалась моего взгляда.

– Уверена, ты над ней хорошо поработал. Теперь можешь двигаться дальше, а ее забыть.

– Она тебе не нравится. – Потираю затылок. Тесса считает Стеф подругой, и я, пока не припрет, в эти отношения вмешиваться не намерен. Лишь бы Стеф не задумала подлость.

– Верно, на самом деле она мне не нравится. Давай уже забудь о ней. Стань прежним, и пусть Молли отсасывает тебе каждый день.

– Я не собираюсь бросать Тессу. – Не знаю, как это объяснить Стеф. Не хочу давать ей надо мной власти больше, чем у нее и так уже есть; с другой стороны, нельзя, чтобы она думала, будто Тесса для меня – временное развлечение.

Нет, с Тессой у нас не навсегда, однако я не теряю надежды.

И это Стеф не касается. Дьявол, ну я и вляпался.

– Зачем ты пришел, Хардин? Не затем же, чтобы проведать меня, болтушку. – Облизнув губы, она сводит локти так, что приподнимаются груди.

Терпение лопается, я вскакиваю на ноги.

– Ты с ума сошла, если думаешь, что я тебя возьму!

– Да что в ней такого, в этой Тессе? Чего вы с Зедом на ней помешались?

– Зед вообще не при делах, не упоминай его. – Руки у меня дрожат, а вот Стеф, похоже, довольна собой и тем, как на меня подействовало упоминание о Зеде.

Держи себя в руках, Хардин, не поддавайся на провокации!

Стеф намеренно идет на конфликт... Что там говорила бабуля?

Твою мать, забыл.

– Зед еще как при делах...

– Довольно. – Сложив ладони, подношу их к лицу, щиплю себя за переносицу. Медленный вдох, медленный выдох.

Я пришел поговорить об опасениях Молли, удостовериться, что Тессу не отвратит от меня сумасшедшая или жестокая выходка Стеф, но вот я здесь, и Стеф ведет себя исключительно отвратно. Если честно, ощущаю я себя полным козлом. Вот ведь Стеф гадина.

Ладно, сейчас она получит... Смотрю на нее, и на лице у меня расцветает широченная улыбка.

– Ты бы лучше о своем парне волновалась. Он ведь так и заглядывается на Молли. Я видел их вместе...

Меня не остановить: несу полную ахинею. Глаза у Стеф увлажняются, а я внутренне ликую.

– Ты все врешь. – Она едва сдерживает слезы. Попалась!

– Хотелось бы, но нет, – говорю я и кладу ноутбук на комод Тессы. Пора забирать ее из общаги, и как можно скорее.

Не дожидаясь ответа от Стеф, покидаю комнату. Уже садясь в машину, понимаю, что совершил еще один непростительный шаг. Стеф – не как все девчонки. Она не станет лелеять свой гнев и ждать подходящего момента, чтобы нанести удар. Она иррациональна; разболтает Тессе все о пари и красок не пожалеет. Надо мне самому признаться, рассказать Тессе отвратительную правду, разъедающую меня изнутри.

Выбираюсь из машины и бегу назад в общагу, попробую другой маневр.

Еще в коридоре слышу голос Тессы. Не успел, мать вашу.

Прислонившись к двери, слушаю трепотню девок.

– ...вряд ли Тристан уйдет к ней. Я же вижу, как он на тебя смотрит. Ты ему и правда нравишься. Позвони ему, поговорите, – утешает Тесса соседку. Я плотнее прижимаюсь к двери ухом; только бы никто в коридор не вышел.

– А если он с ней? – говорит Стеф.

Она что, правда поверила моему вранью?

– Да нет.

– Откуда ты знаешь? Иногда кажется, что знаешь человека, а выходит – нет.

Да ну на хрен. Стеф сейчас все выложит. Прямо сейчас, мать ее.

– Х...

Я открываю дверь.

– Привет... – говорю, проходя в комнату. Так посмотреть – две подружки, но это все видимость. – Э-э... мне уйти?

– Нет, я пойду поищу Тристана, извинюсь перед ним. – Стеф поднимается с кровати. – Спасибо, Тесса.

Она обнимает Тессу и смотрит на меня, взглядом давая понять, что еще не закончила с ней.

Надо отвлечь внимание Тессы.

– Есть хочешь? – спрашиваю.

– Да, очень, – гладит себя по животу Тесса. Не замечает гневного взгляда, который бросает на меня Стеф.

Им постепенно завладевала паранойя, отдаляя от Тессы, а он цеплялся за соломинку надежды. Строил один план спасения за другим, не желая терять последнюю радость. Просил врагов и друзей: молчите, ни слова ей!.. Ни один план не сработал бы, не помог бы утаить правду.

* * *

Отвожу Тессу в торговый центр, и там мы заглядываем в кафешку, прежде чем пройти по магазинам. Даже здесь непруха не оставляет. Паранойя со мной повсюду. Не могу отделаться от мыслей: что успела разболтать Стеф? Знает ли Тесса о пари? Увидит ли наконец мое истинное лицо? Сочтет ли недостойным?

Глубоко задумавшись, ковыряю вилкой в тарелке. Тесса ест медленно и все время смотрит на меня. Что пытается разглядеть? Признаки обмана, предательства?

– Может, сперва поищем наряд тебе? – предлагаю. До сих пор не верится, что я согласился пойти на свадьбу. Для меня это все офигительно странно; единственный выход – сосредоточиться на Тессе и постараться забыть, что было больше трех месяцев назад. – С тобой проща: ты все равно выглядишь прекрасно.

Щеки Тессы покрываются легким румянцем.

– Нет! Это ты вечно ходишь весь такой, я не я. – Она смеется, и боль в груди слегка унимается.

– А что, согласен, – улыбаюсь. Впрочем, Тесс тоже фифа. Куда фифастей меня. Ей это дается совершенно без труда.

Телефон Тессы вибрирует. Для того, кто узнал о подставе, она ведет себя вполне естественно. Или притворяется до поры до времени, чтобы со мной поиграть? Отомстить?

Или еще и правда не знает?

– Это Лэндон, – говорит Тесса. Да, на экране его имя. Сердце в груди чуть не останавливается. Разговаривая, Тесса немного посасывает нижнюю губу и оглядывает меня сверху донизу.

Нельзя оставлять ее наедине со Стеф, пусть будет при мне. Что-то я расслабился. Зря я ее вообще отпустил.

– Хорошо... ладно... постараюсь уговорить его надеть галстук, – обещает Тесса Лэндону.

Подперев щеку ладонью, она кладет локоть на стол. Тесса просто восхитительно нахальна, но заставить меня надеть галстук?.. Удачи!

Тесса говорит Лэндону еще что-то, а я вдруг замечаю посреди кафешки Зеда, Джейса и Логана. Все одеты по-разному; внешним видом пытаются заявить о себе, выразить себя. Логан – опрятный, вроде панка с детским личиком и не такой отчаянный, как два его дружка. Зед – высокий и смуглый, выглядит как модель в коже, хотя пришел всего-то в торговый центр для среднего класса. Одет он совершенно не к месту. Джейс напоминает школьника, от которого девчонкам стоит держаться подальше.

– Сейчас вернусь, – сообщаю Тессе и встаю из-за столика.

Слава богу, она болтает по телефону, так что не увяжется.

Логан наносит на губы бальзам, Джейс как-то лукаво на меня поглядывает, а Зед весь напряжен.

– Мы тоже рады тебя видеть, – говорит, притопывая ногой, Логан. Джейс хихикает. У всех троих вид обкуренный. От них несет травкой и кислым сигаретным запахом. Вот если бы Зед поцеловал Тессу, ей понравился бы табачный привкус?

– Вы что здесь делаете? – спрашиваю, краешком глаза поглядывая на Тессу.

– Где – здесь? В торговом центре? – спрашивает Джейс.

Делаю медленный вдох и угрожающе смотрю на него. Если Джейс сегодня испортит мне малину, я его урою.

– Так, мимо проезжали, – объясняет Логан. Пожав плечами, он смотрит на меня. Вроде бы все понял и как бы говорит, что они здесь не затем, чтобы докучать мне. – Правда.

Я позволяю себе немного расслабиться.

– Где твоя ручная зверюшка? – Джейс быстро облизывается. Фу. Зед морщится, а Логан, забив на нас, смотрит в треснувший экран айфона.

– А, вон она! – повысив голос, говорит Джейс, и я чуть не набрасываюсь на него. Отвратительней типа в жизни не встречал. Разве что мой старый дружок Марк – тот забавлялся с людьми, как с игрушками, не испытывая ни малейших угрызений совести. Может, и я, конечно, такой...

– Заткнись, урод, – говорю, наступая, и Джейс паскудно так улыбается. Любит меня нервировать. Он играет на мне, как на инструменте, знает, где нажать.

– Она идет, – предупреждает Логан, по-прежнему не отрывая глаз от айфона.

Кожа на костяшках кулаков натягивается, ногти впиваются в потные ладони. Эти трое сейчас разрушат мою жизнь, прямо здесь, в торговом центре вшивого американского городишки.

– Привет, Тесса, как дела? – Зед делает шаг ей навстречу, а я – к нему. Он обнимает Тессу, и мне уже хочется оторвать ему руки.

– Хардин, что же ты друга не представишь? – насмешливо смотрит на меня Джейс.

– Э-э... да. – Мысленно считаю секунды. – Это моя подруга Тесса. Тесса, это Джейс.

Тесса сводит брови на переносице. С чего она разозлилась? Жду, что она обернется ко мне.

– Ты в нашем универе учишься? – спрашивает Тесса у Джейса. Ну вот надо ей заводить с людьми эти разговоры из вежливости? Она, неопытная, понятия не имеет об этикете.

– С чего ты взяла? Я вообще не учусь, – смеется он, и Тесса немного расслабляется. – Хотя если бы все студентки выглядели как ты, я бы к вам сразу поступил.

На лице Тессы отражается легкий испуг, а я мысленно представляю, как Джейс синеет, пока у него на горле сжимаются мои пальцы.

– Мы сегодня в доки. Вам бы двоим тоже прийти, – говорит Зед.

Шел бы ты на хрен.

– Мы не можем. В следующий раз как-нибудь, – отказываюсь я, давая понять, что разговор окончен.

– Почему? – допытывается Джейс, открыто бросая мне вызов.

– Тессе завтра на работу. Может, я заеду к вам попозже. Один. – Вот так, чтобы вопросов ни у кого не осталось. Больше они мне мешать не станут. Будет трудно, но мне хватает наивности надеяться на успех. Я выиграл пари, и Зед пусть хоть удавится.

– Очень жаль. – Джейс улыбается Тессе, и я сдерживаюсь из последних сил. Он меня задирает. Дразнит дьявольской игрой, как крысу – сыром.

– Да, заеду к вам попозже, – вру я ему.

Все трое наконец уходят, и Тесса провожает их колючим взглядом. Во время нашей прогулки по торговому центру я молчу, а Тесса кипит, как ребенок, готовый закатить истерику.

– В чем дело? – спрашиваю. Вечно ей что-то не нравится: то мои слова или поступки, то чья-то кошка не так на нее посмотрела... Тессе только повод дай.

– О, сама не знаю, Хардин!

– Мне-то откуда знать! Это ты обнималась с Зедом! – кричу я. Только и думаю, что про их обнимашки, а она мне тут сцены устраивает.

– Ты что, стесняешься меня? Понимаю, я не самая классная девчонка, но все же...

Это она к чему? С чего она решила, будто я стесняюсь гулять с ней?

– Что? Нет! С ума сошла?

Она и правда сумасшедшая. Мы оба спятили.

– Почему ты представил меня как подругу? Сам предлагаешь съехаться, а всем говоришь, что мы друзья. – С каждым словом голос ее становится громче. – Ты что, и дальше прятать меня станешь? Не хочу быть ничьим секретом. Если считаешь, что я недостаточно хороша, то я с тобой жить не намерена.

Нет, я не хочу держать ее в тени! Напротив, хочу всем показать – гордо представить, и пусть каждый урод знает, что Тесса со мной. Но мне не хватает ума наладить с ней отношения, и потому приходится скрывать самое прекрасное создание, сокровище моей жизни. Я не даю Тессе цвести в лучах солнца и от этого сгораю изнутри.

– Тесса! Черт возьми... – Договорить не успеваю. Она смотрит в сторону примерочной в отделе женской одежды. – Я пойду за тобой, – предупреждаю Тессу. Говорю серьезно: хочу зайти с ней в кабинку и трахнуть там, прижив к зеркалу.

Тесса, выгнув брови, надувает губы. Понимает, что я не шучу. Стоит ей попросить, и я за ней в глубины ада последую.

– Отвези меня домой, немедленно, – требует Тесса.

Домой? Из-за глупой перепалки?.. Она молча разворачивается и выходит из центра на парковку, направляется к машине. Догнав ее, пытаюсь открыть ей дверь, но Тесса этот жест игнорирует.

– Все, перебесилась?

– Перебесилась? Ты что, серьезно? – Она уже вопит во весь голос.

– Да что такого в том, что я назвал тебя подругой? На самом деле я имел в виду не то. Я случайно, не подумав... Меня врасплох застали.

Отчасти это правда.

– Если тебе стыдно показываться со мной на людях, то я больше видеть тебя не желаю, – пытаюсь не расплакаться, дрожащим голосом заявляет Тесса. Я успел изучить ее привычки и знаю, что она сейчас впивается ногтями себе в бедра. Серые глаза уже блестят от слез.

– Не говори со мной так. – Провожу пальцами по сальным патлам. Хочется рвать на себе волосы, выдрать их прядь за прядью. У меня нет ни малейшей причины стыдиться Тессы, наоборот, для моих дружков она

теперь шутка; время, проведенное с Тессой, пошло коту под хвост. Я сам все испортил; скоро она узнает о пари, и тогда я уже никак не смогу остановить товарняк, грозящий вновь разнести мою жизнь вдребезги. Я только-только начал отстраивать ее – и снова просрал.

– Повеселиться тебе сегодня, – надувшись, говорит с заднего сиденья Тесса.

– Я тебя умоляю!.. Не поеду я к ним в доки. Я так сказал, чтобы Джейс отвял. – И это правда. Не хочу я с ними тусить. Хочу на всю ночь зарыться лицом между ног Тессы.

– Если ты меня не стесняешься, тогда поехали на вечеринку вместе.

Этого следовало ожидать. Для Тессы все – игра.

– Не дождешься.

* * *

Разумеется, мы отправились на вечеринку, Тесса Янг победила.

Проходят дни, и ложь уже не так меня беспокоит, хотя я боюсь это признать. Притворяюсь, что наши отношения не разваливаются, что детали держатся и не расходятся с каждой минутой, пока я тяну с откровением. Не могу признаться, не могу вскрыть эту банку червей, которые нас уничтожат. Правда утянет нас на дно, иначе никак. Это истинно, как и то, что я люблю Тессу.

– Ну... дом, милый дом? – произношу в пустоту квартиры, когда риелтор наконец уходит. Я уж думал, он никогда не свалит. Тесса смеется, прикрыв губы тыльной стороной ладони, и подходит ко мне. Обнимаю ее, мысленно благодаря того, кто позволяет ей задержаться со мной еще ненадолго. Я ведь заслуживаю хоть немножечко счастья?

– Поверить не могу, что мы теперь здесь живем. Я словно во сне.

Глаза у нее светятся возбуждением, любопытством и жизнью, как не светились ни разу. Я подарил ей свободу – одним щедрым жестом. Дал прекрасное жилье, где она может быть собой и где от нее никто ничего не будет требовать. Мамаша не станет приказывать ей причесаться, а Стеф не сможет подстроить нам козни.

– Если бы мне сказали, что я буду с тобой встречаться – не то что жить под одной крышей, – месяца два назад, я бы рассмеялась или ударила того человека...

Я со смехом поглаживаю ее щеки. Они такие теплые, покрасневшие.

– Ну, разве ты не милый?

Тесса кладет руки мне на бедра, а голову – на грудь. Впервые, сколько себя помню, жизнь у меня идеальна. Я совершенно не думаю о надвигающейся катастрофе.

– Какое облегчение получить наконец свой кров. Никаких больше тусовок, соседей и общих душевых, – добавляет Тесса, прижимаясь щекой к моему грохочущему сердцу. Чувствует ли она, как растет во мне паранойя?

– А еще у нас своя кровать, – спешу я спрятать тревогу за шуткой. – Надо делать покупки: посуду, к примеру, и всякое такое.

Чем больше она соберет здесь добра, тем тяжелее будет съезжать. Дьявол, я запутался в паутине собственной лжи и оплетаю сетями Тессу. Эта прекрасная девушка никогда меня не простит.

Ладно, потом разберемся. Что-нибудь да придумаю.

Тесса легонько прижимает ладонь мне ко лбу.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – улыбается она. – Ты сегодня такой отзывчивый.

За сарказм я люблю ее особенно.

Беру Тессу за руки и целую тыльную сторону ладони.

– Просто хочу, чтобы тебе все здесь нравилось. Чтобы ты чувствовала себя как дома... со мной. – Это чистая правда, у меня ведь прежде и дома-то не было. Я уже не могу без ее доставучего будильника по утрам. Я понятия не имел, что именно этого мне все время и не хватало.

– А ты? Ты чувствуешь себя как дома? – В ее голосе надежда. Робкая – Тесса боится, что я отмочу какую-нибудь грубость о нашем гнездышке. По глазам вижу: она надеется на лучшее, но готова к худшему, привыкла.

– Как ни странно, да, – честно отвечаю ей, стараясь, чтобы голос звучал как можно уверенней. Мне и правда тут нравится.

– Надо перевезти мои вещи, – предлагает Тесса, имея в виду одежду и книги, о которых я уже позаботился.

– Все готово, – улыбаюсь я.

– То есть? – растерянно наклоняет она голову.

– Я забрал все твои вещи из общаги. Они в багажнике. – Не удержался, не мог ждать. Хотел, чтобы Тесса вошла в квартиру и не покидала ее. Нельзя ее отпускать, так пусть ей тут будет как можно удобней.

– Откуда ты знал, что я подпишу договор? А если бы квартира мне не понравилась?

– Я нашел бы другую.

Тесса кивает. Поняла, что я серьезен.

– Ладно... А как же твои вещи?

– Завтра перевезем. У меня в багажнике смена одежды.

– Ты возишь с собой смену одежды?

– Ну да. Заранее ведь не знаешь, когда она может пригодиться. – Какая же все-таки Тесса любопытная. Я вожу одежду в багажнике по многим причинам, о которых Тессе лучше бы и не думать. – Поехали уже в магазин, закупимся продуктами и всякой ерундой для кухни.

В вестибюле Тесса ко мне оборачивается.

– Ладно. Можно мне снова повести машину?

– Ну, дай подумать... – издевательским тоном произношу я. Да нет, конечно же, можно.

Часть третья. После

Он становился тем, кем стать никогда не рассчитывал. Энергию гнева направил в творческое русло, стал писать, начал гордиться собой. Причина тому была одна – Тесса, и он готов был упасть к ее ногам, безостановочно благодарить. Она оставалась с ним, пока обоим было хорошо, а потом дала срок разобратся в жизни. Поддерживала его, что бы он ни выбрал, месяц за месяцем, и он никогда в ней не разочаровывался.

Все это время он хранил трезвость, а по почте ему приходили открытки с сердечками, от нее. Он догадывался: два года в разлуке дались ей тяжело. Для нее это был ад, для него – вечное чистилище.

Когда рукописные строки из блокнота перешли на бумагу, в печать, она неделю не звонила. Прочла книгу и все семь дней ходила кругами по квартирке, которую делила с его братом. К тому времени он перебрался в новое жилье, приспособившись к ветреному городу с высокими домами, где все, казалось, были помешаны на хот-догах и бейсболе. Ощущения дома не было, зато она навещала его чаще, чем он того заслуживал. Дни проходили однообразно: работа, ожидание звонка или письма, планы на следующее свидание. Чем больше крепла уверенность, что он ее достоин, тем сильнее ему нравился человек в отражении.

Когда она наконец позвонила, ее голос надломился на первом же слове. Он растерялся. Хотел, чтобы она поняла: ни одна пара не сочетается так идеально, как они. Она же поздравила его с книгой, но как-то холодно, отстраненно. Он устал; жил один, питался едой навынос и пересматривал по телевизору «Друзей». Думал: неужели теперь вся жизнь будет такой?

Спустя несколько недель он уже не мог унять бешено колотящееся сердце, когда она звонила ему и рассказывала, как съездила в его город, и что скоро свадьба, а ей не с кем пойти. Она танцевала с ним ночь напролет, потом спала под ним три дня...

А после уехала, забрав с собой его сердце.

Затем он сам навестил ее в суматошном Нью-Йорке. Новая жизнь Тессы его впечатлила, однако ему в ней места не нашлось. У Тессы были друзья и семья, а он ждал, когда она наконец придет и претворит все в реальность. Он продолжал меняться в лучшую сторону, лишь бы она это заметила.

В какой-то момент он принял больше ответственности, ощутив себя по-настоящему важным для семьи. Брат пережил несчастную любовь, и он

постарался поддержать родню словом и делом. Стал полезен для близких.

На свадьбе брата он был шафером. Тесса сияла от любви к нему, и неким образом оба они осознали: разлука пошла им на пользу. Они повзрослели, подготовились вместе справляться с трудностями. Он перестал быть эгоистом, а она поняла, кто она есть. Они были готовы начать жить вместе.

Вместе пережили такие сердечные муки – сильнее, чем когда-либо причиняли друг другу, – что не знали, смогут ли оставаться парой. В самый одинокий день жизни, когда он собирал вещи в комнате их потерянного ребенка, ему казалось, что это – проклятие, наказание за грехи прошлого.

В день, когда родился их первый ребенок, родился и он. Заново.

Он прошел долгий путь и изменился. Постиг любовь на ином, более высоком и тонком уровне, сумел понять. На его глазах девочка, которую он годами любил, которая приняла в маленькие ручонки его сердце, становилась женщиной, матерью. Ничего прекраснее просто быть не могло...

Пока она не стала матерью второй раз, родив ему сына.

Дети росли, и эти новые мужчина и женщина ощущали себя моложе, влюбляясь друг в друга каждый день заново.

Он чувствовал себя счастливым, невероятно гордился тем, какую жизнь они вместе построили. Ему просто не верилось в собственное везение.

В каждом любовном романе все по-своему. В большинстве книг используется заезженный прием: Любовный Треугольник. Уикхем лгал об отце Дарси, чтобы завоевать расположение Элизабет. Джей Гэтсби сулил Дейзи Бьюкенен жизнь, какой не мог дать ей муж Том. Линтон стал беспроигрышным вариантом для моей любимой героини Кэтрин Эрншо, которая предпочла его жизни в разрушительной страсти с Хитклиффом. Даже смуглый мускулистый паренек-оборотень бился за любовь остроумной Беллы Свон против древнего любовничка-вампира.

Он столько раз читал про любовные треугольники, что когда сам оказался на вершине своего, нашел это смешным. В его версии бывший плохиш, а ныне чуть не святой пытается уберечь упрямую и невинную деву от модного и эмоционального парня, считающего своим долгом спасти цветы и всю планету. В классике противостояние оканчивается смертью большинства из вышеупомянутых персонажей или рождением детей-полувампиров, однако в каждом итоге прослеживается общая тема: у одного из соперников просто нет шансов. Когда дошло до отношений с Тессой, он и не знал, поможет ли ему сила ее любви победить.

И все же герои, что возвращаются, проиграв поединок, заслуживают аплодисментов.

* * *

Еще одна туса. Еще одна ночь, когда все страдают той же фигней, что и прежде. По стаканчикам разливают напитки, во всех комнатах гремит музыка. Люди, попадающиеся мне в коридоре, один угрюмее другого. Им скучно. Неужто всем так плохо поодиночке, что они липнут к толпе, симулируя бурную общественную жизнь? Вашингтон сильно отличается от Флориды, где я вырос, но студенты – они везде одинаковые.

– Надо отлить, – бурчу себе под нос, привалившись к стене у унитаза. В этот момент в коридор выходит миниатюрная девчушка с длинными светлыми волосами. Даже не взглянув на меня, она устремляется прочь. На ней футболка-лонгслив, что обворожительно облегает бедра, скрытые мешковатыми джинсами.

– Простите, – говорит она, глядя себе под ноги.

Захожу в туалет и закрываюсь. Пахнет ванильным спреем. Мысли в голове слегка путаются... Ладно, ссу по-быстрому, мою руки и, выходя, натыкаюсь на толпу девчонок. Одна оглядывает меня с головы до пят выпученными глазами. Я даже знаю, о чем она думает. Она уже открывает рот, желая что-то сказать, когда я вижу на лестнице ту самую блондинку с убийственными бедрами. Она запускает руку в задний карман джинсов и, не найдя того, что искала, облизывает губы, закатывает глаза. Прямо отсюда ощущаю исходящие от нее флюиды высокомерия. С той поры, как закончилась история с Тессой, я зарекся искать себе пару на какое-то время, но вот ноги сами несут меня прямо к блондинке. Серьезных отношений мне точно не надо, зато вату покатать буду рад.

Поднимаюсь по пролету. Блондинка изящно держится маленькой ручкой за балясину. Поднимаюсь еще выше ей навстречу, а она медленно и осторожно – хотя на ногах у нее кроссовки – спускается. Густые волосы ниспадают ей на спину, по самые лопатки. На ходу она присматривается к толпе; взгляд ее по очереди задерживается на лицах. Ищет кого-то? Она прикусывает верхнюю губу; решаю подойти ближе. Джинсы у нее подогнуты, и возле щиколотки я мельком замечаю звезду.

– Потерялась?

Вздвогнув, блондинка смотрит на меня огромными карими глазами. Испугалась, что ли?

– Друзей потеряла. Смылись, наверное, – хмурится она.

– О... хочешь, помогу их искать?

Она вдруг сдергивает кепку с головы проходящего мимо чувака. Тот ворчит и улыбается; он слегка смущен и, похоже, расстроен.

Ну, и зачем она так поступила?

– Мой друг Джон тоже в кепке пришел, – объясняет блондинка.

Не могу понять, она робкая или агрессивная? Хочется выяснить.

– Позвонить друзьям не судьба? – спрашиваю.

– Нет, телефон остался в сумочке у подруги, – вздыхает блондинка. – Я вообще не хотела его брать. И приходить сюда не хотела. Вечеринки – не мое. – Она активно жестикулирует, постепенно повышая голос. – Только Мейси так просила, так просила... Сказала: будет весело, посидим тут часок...

Хмыкнув, она морщит носик, и я прикусываю нижнюю губу, чтобы не рассмеяться.

– Чего? – смущенно вспыхивает блондинка.

– Да так, ничего, – вру я. Она чертовски миленькая. – Хочешь выпить?

– Я редко пью, – тихо признается она.

– Редко или вообще не пьешь?

– Иногда. И уж, конечно, не на людных тусовках в окружении незнакомцев.

– Разумный подход. – Улыбаюсь, давая понять: мне нравится, что она, в отличие от большинства девчонок (или даже парней, если уж на то пошло) здесь, не торопится нализаться.

– Я и без пьянства могу веселиться.

– Хорошо, – киваю. С каждой секундой она нравится мне все больше. – Выпей воды или газировки, потуси со мной и моими друзьями, пока не найдем твоих...

– М-м... не знаю даже. – Она оглядывает гостиную. – Я тут первый раз, и вообще, вечеринки вроде этой кажутся мне сомнительными.

Ее взгляд упирается в двух пьяных парней, пристающих к стайке первокурсниц в коротеньких платьях.

Тут она, в принципе, права.

Нэт машет мне из противоположного конца комнаты. Я еще раз смотрю на эту интересную девушку.

– Ну ладно, если надоест стоять тут одной, мы будем тебе рады, очень. – Указываю на нашу компанию, и при виде расписных тел глаза у блондинки лезут на лоб.

– Они на самом деле милые люди, – усмехаюсь я. Блондинка неуверенно улыбается. Добавляю: – Некоторые из них – точно.

Как ни странно, она отрывисто смеется и все же следует за мной, приняв приглашение. Тристан даже уступает место на диване. Я его давненько не видел, однако рад, что он наконец вернулся из Луизианы: один и официально расставшись с психованной Стеф.

– За последний курс в этом сраном универе! – Тристан чокается с Логаном. Молли садится ему на колени.

– Черт, а мне еще два года тут мыкаться, – ворчит Нэт. Девушка, с которой он встречался – Бриана? – отбирает у Нэта стакан и делает из него глоток.

– Надо было поступать в профучилище. – Нэт запрокидывает голову, и Бриана смотрит на него с насмешкой. – Универ сосет.

– Я же говорила тебе, чтобы шел учеником к мастеру тату, – пеняет она ему.

Нэт закатывает глаза и оттягивает ей бретельку майки.

– Еще не поздно, – говорит он.

– Ладно, хватит уже трепаться о планах на будущее, – говорит Молли и, указав на новенькую, спрашивает: – Это кто?

– Э-э... – Черт, я даже имени ее не спросил.

– Териз, – представляется блондинка. Гм, а у нее акцент.

Черт.

– Да вы издеваетесь, – ржет Молли, падая на Логана.

– Красивое имя, – усмехается Джейс и облизывает краешек папиросной бумаги, чтобы забить косячок.

– Хочешь, сыграем в одну игру, Териз? – предлагает Молли. Узнаю этот тон. – Правда или действие?

Молли смотрит на меня, и я качаю головой.

– Нет, в эту хрень играть не станем, – говорю я, сердито глядя на Молли. Териз не понимает, о чем мы, и чуточку растеряна.

– Ой, да ладно. Спорим, будет интересно, – говорит Джейс.

Молли кивает.

– Да, посмотри на нее – ты можешь выиграть...

Логан спешит заткнуть ей рот. И как эти двое еще вместе?

– Заткни фонтан, – говорит он.

Молли молча закатывает глаза.

– Не надо мне повторений прошлого года, уж больно драматично все вышло, – говорит Логан и целует ее в обнаженное плечо. Молли искренне улыбается. Она уже не такая злобная.

Териз смотрит на меня, нахмутив брови; переводит взгляд на остальных.

– А что было в прошлом году?

– Ничего, – говорю я и взглядом даю друзьям понять, чтобы молчали. Я только-только познакомился с этой девушкой и не хочу вот так сразу вываливать на нее грязь из прошлого.

– Один чувак по имени Хард... – У Молли язык вообще без костей.

– Про Хессу больше ни слова! – стонет Логан. – Они как та пара из реалити-шоу, о которой говорить не положено.

– Что еще, на хрен, за Хесса? – спрашивает Нэт.

Молли гордо вскидывает руку.

– Это я придумала! – кричит она. – Моя находка. Я так назвала тех придурочных и жду приглашения на свадьбу.

Она ржет. Волосы у нее бледно-розовые. Краска вымылась, цвет давно не освежали. Он теперь ближе к белобрысому; прическа у Молли как у эльфа.

– Они не женятся, – одергиваю ее.

Достало слушать про эту парочку. Я устал читать посты Тессы в Фейсбуке. Она так счастлива в Нью-Йорке, Хардин тоже очень счастлив...

все, мать их, счастливы.

Ура.

– Ну, не прямо сейчас, но бьюсь об заклад, что когда-нибудь... – улыбается Молли.

Когда она подмигивает мне густо подведенным глазом, то становится похожа на кошку.

Логан, кивая с мудрым видом, посыпает мне раны солью. Как будто все так очевидно.

Молли машет рукой, призывая нас к тишине.

– Короче, пока вы не пришли, мы тут вспоминали историю бывшей подружки Зеда.

– Она не моя подружка, – стиснув зубы, возражаю я.

– Черт, – ругается кто-то. Джейс?

– Ладно... – Териз поднимается на ноги и неловко щелкает костяшками. – Мне пора.

Она неуверенно улыбается и уходит.

Должно быть, на лице у меня отразились боль, раздражение и гнев, потому что Логан громко возмущается:

– Лучше отпусти ее, а не то еще врага наживешь. Наверняка у нее есть парень, который тебе шины проткнет.

Я смотрю, друзья сговорились устроить мне неделю головомойки – за все мои крупные грехи.

Понимание, что моя личная жизнь – сплошь череда катастроф, немного притупляет гнев. Когда все раз за разом повторяется, злиться уже нет сил.

– Я понятия не имел, что она помолвлена. Я, кстати, больше на нее зол, чем на жениха. – Меня передергивает, стоит вспомнить, что Джона Сото сделал с моей тачкой. Гнать его надо было из профессоров. На всю башку больной.

Пожав плечами, Нэт отпивает из стакана.

– Так перестань спать с кем попало.

– Это было больше года назад. Как я мог догадаться, что ее жених станет у нас преподавателем?

Выходные тогда вообще выдались кошмарные. Знал бы, что та чикса явилась в клуб на собственный девичник, не пошел бы с ней домой. Есть ведь традиция: невеста надевает боа из перьев и тиару, плюс ленту с надписью «НЕВЕСТА» или еще что в таком духе. Вроде как предупреждающий знак – чтобы парни не совалялись или чтобы она сама не натворила дел. Сперва ей пришлось бы снять ленту, которая лежала бы

рядом и напоминала: ах да, ты замуж выходишь, конкретно – завтра.

Мне просто повезло, что единственная в моей жизни «одноразовая» любовь закончилась именно так. (Я мог бы в красках расписать друзьям свою половую жизнь, но им этого знать не обязательно.) Чувак отреагировал спокойно – спокойнее, чем отреагировал бы я, – пока не попытался вышибить меня из научной программы, а Хардина, напротив, оставить. Почему-то никто не задался вопросом: с какой стати молодой преподаватель принял сторону шкодника, которого даже не знает. Короче, мрак. Впрочем, я рад, что Хардина не исключили.

– И потом, чья бы мычала, – отмахиваюсь я. – Молли тебя самого до смерти трахает.

– Фильтруй базар, – предупреждает Логан, и все напрягаются.

Решаю не спорить с ним. Лучше побегу за той новенькой.

Я пока не знаю ее, но впечатление она производит роскошное. Да, она напоминает мне Тессу, которую я долго не мог забыть. Мне и сейчас пришла в голову неудачная идея... как всегда.

Вот с такими мыслями и устремляюсь на поиски блондинки.

Я не хотел, чтобы с Тессой так получилось, однако меня одолела ревность – как и мелочная жажда мести Хардину за Саманту. Да, Тесса мне нравилась, однако далеко не так, как Хардину.

Саманта – поразительная девушка. Забавная, на пару лет старше меня. Мы балдели друг от друга, но Саманта была дикая. С тех пор, как закончилась та бодяга с Тессой, я частенько думал: их с Хардином отношения по степени накала напоминали наши с Самантой, однако Саманта переспала с Хардином и не увидела в этом ничего дурного. Для нее это было в порядке вещей – переспать с моим другом. Хардин, понятное дело, тоже не парился.

Зато парился я. Меня обуял гнев: паразитом поселился во мне и ждал подходящего момента, чтобы ударить. Тесса мне доверяла. Даже узнав о пари. Это я растрепал ей, в деталях, – а она все равно приходила ко мне, когда я был ей нужен. Но в том-то и беда: она прибегала, когда Хардин ее отталкивал, а я так не привык. Не могу быть запасным аэродромом. К тому же все это пахло излишней драмой; я досадил Хардину и больше не хотел помогать им в спасении инфантильной любви.

Стоило забыть Тессу сразу, когда ее психованный парень мне врезал. Так нет, его гнев только подстегнул меня. С какой стати он, переспав с Самантой и выиграв затем пари, решил, когда все кончено и можно расслабиться?

Теперь-то я понимаю, что вел себя как ребенок. Не стоило мне

заезжать к ней в ту ночь в дом ее матери и выкладывать все подчистую. Из-за собственной глупости я остался один. Тессу не видел потом больше года, а мне очень не хватало бесед с ней.

Мне сказали, что она перебралась в Нью-Йорк с приятелем Лэндоном. Я не сомневался: вскоре и Хардин за нею последует. Как ни противно признать, между ними образовалась особая связь. Оба они, конечно, увечные, но бились друг за друга отчаянно. Хардин не заслуживает Тессу, однако не мне больше в их дела вмешиваться.

Выхожу во двор перед общагой и взглядом ищу Териз. Она сидит на сломанной каменной стене. Мне тут же вспоминается еще кое-что. Териз ковыряет раскрошившийся камень, а при виде меня готовится спрыгнуть.

– Постой. – Жестом прошу ее успокоиться. – Давай помогу тебе найти друзей или того, кто подбросит тебя до дома.

– Ну, не знаю... – Она подозрительно присматривается ко мне. Думает, наверное, что я серийный убийца.

– Тебя просто домой подбросят. Друзья у меня, конечно, болтуны, но не обидят. Хочешь – я тоже поеду. Я-то сам пил, так что за руль не сяду.

Я вопросительно выгибаю бровь, а она качает головой.

– Ого, милашка-панк умеет быть рассудительным, – мило так поддразнивает меня Териз и улыбается.

– Иногда, – пожимаю плечами. – Я Зед.

Помедлив немного, она жмет мне руку.

– Приятно познакомиться, Зед. – Мое имя Териз произносит так, будто боится проглотить его.

– Взаимно, Териз.

Лэндон

Он ненавидел идеального мальчика, еще даже не встретив его. Когда отец сообщил, что у него появится брат, то ожидал, наверное, осчастливить сына. Ждал, что тот внезапно примет ценности вроде семьи и совместного ужина, выпечки – чтобы сойтись с его пасынком.

Когда же Хардин наконец повстречал этого мальчика, то ненависть только усилилась. Иной причины, кроме как чистая ревность, для злобы не было, ну и что с того? Да, он не знал поименно всех чемпионов и не следил за событиями в мире спорта, как новоявленный брательник, и не умел произвести чарующего впечатления за столом. Он не был ровней отцовскому пасынку, но, меняя собственную жизнь, понял: он и не обязан. А ведь он так старался – выбиваясь из сил, – чтобы отстраниться от Золотого Мальчика... В итоге тот стал ему ближайшим другом.

* * *

В голове возникают три мысли:

Тут не так уж и людно.

Надеюсь, работы у Тессы сегодня не много, и мы сможем погулять.

Я скучаю по маме.

Да, я второкурсник в Нью-Йоркском университете, однако мама – один из моих лучших друзей.

Я очень скучаю по дому. Хорошо, что рядом Тесса – самый близкий, почти родной человек.

Знаю, когда парни поступают в колледж, они торопятся покинуть дом, уехать... Только не я. Мне дома нравилось, пускай он даже был мне не родной. Поступая в университет, я составил кое-какой план, а он не сработал. Я думал: перееду и начну серьезные отношения с Дакотой, моей школьной подругой, мы давно уже с ней встречались. Увы, первый год в университете она хотела провести свободной.

Я ужасно переживал. И сейчас мучаюсь, но желаю ей счастья, пусть даже не со мной.

Сентябрь в этом городе холодный, зато, в отличие от Вашингтона, дожди тут редкость. Уже кое-что.

По пути на работу проверяю телефон – проверяю его раз по пятьдесят

на дню, потому что мама беременна, скоро родит мне сестренку, и я хочу быть готов сразу сесть на самолет и примчаться к ней, если что. До сих пор мама присылала только фотографии поразительных вкусностей, которые готовит.

Срочных сообщений нет, но как же мне не хватает маминой стряпни.

На улице полно народу. Останавливаюсь у светофора вместе с толпой – главным образом туристов с огромными фотоаппаратами. Я смеюсь про себя при виде подростка, который делает селфи на огромный айпад.

Никогда таких не понимал.

Загорается желтый свет, толпа приходит в движение, и я прибавляю громкость в наушниках.

В Нью-Йорке я почти никуда без музыки. Даже не думал, что здесь будет так шумно; хорошо хоть немного разбавить звуки города.

Сегодня у меня Хозиер^[6].

Я даже на работе наушников не снимаю – один по крайней мере, чтобы слышать, когда заказывают кофе. На входе в лавку я засмотрелся на двух мужчин в костюмах пиратов: они орали друг на друга, – и врезался в Эйдена, самого нелюбимого напарника.

Он высокий, намного выше меня. Из-за белобрых волос напоминает Драко Малфоя. Короче, видок у него тот еще. Эйден к тому же грубоват, что только дополняет образ антигероя. Со мной он вежлив, но я-то вижу, как он поглядывает на студенток, которые заходят к нам в «Грайнд». Ведет себя так, будто у нас не кофейня, а клуб.

– Смотри, куда идешь, – бормочет он, хлопая меня по плечу, как будто мы на футбольном поле в одинаковых майках.

Сегодня Эйден разозлил меня рекордно быстро.

Ладно, шут с ним. Прохожу в подсобку и повязываю там желтый фартук, проверяю входящие на телефоне. Отправляюсь искать Позы – мою стажерку на пару недель. Она милая. Тихоня и работает усердно; а еще она с радостью угощается бесплатным печеньем – стимулом во время смены. Перепробовала все: шоколадные, шоколадные с макардами, сахарные и еще какие-то подозрительные зеленоватые, приготовленные, наверное, только из натуральных, безглютеновых и не привозных продуктов.

– Привет, – улыбаюсь Позы, отыскав ее у машины для производства льда. Облокотившись на корпус машины, она читает надписи на пакете с молотым кофе; улыбнувшись мельком, возвращается к чтению. Волосы у нее убраны за уши.

– Все равно не понимаю, как они могут брать пятнадцать долларов? – Она бросает мне пакет. – Тут кофе-то всего ничего.

Еле-еле успеваю поймать пакет.

– Не они, а мы, – поправляю я Пози и смеюсь. Кладу кофе обратно на столик. – Мы берем пятнадцать долларов.

– Я тут совсем недавно работаю, так что не могу говорить пока «мы», – задирает она меня и, сняв с запястья резинку для волос, перехватывает ею густые медно-рыжие кудряшки. Справившись наконец с волосами, Пози кивает – она готова к работе.

В зале она становится за кассу. На этой неделе Пози принимает заказы, на следующей, наверное, будет готовить напитки. Мне больше нравится принимать заказы: куда приятнее болтать с клиентами, чем обжигаться о кофемашину. У меня ни смены без ожога не проходит.

Привожу в порядок рабочее место. Когда звонит колокольчик на двери, оглядываюсь проверить, готова ли Пози. Ну еще бы, она уже наострилась приветствовать первых кофеинозависимых. К стойке, громко переговариваясь, подходят девчонки. Голос одной из них мне знаком. Это Дакота. На ней спортивный топик, мешковатые шорты и яркие кроссовки. Должно быть, только с пробежки. На танцы она одевается слегка иначе: боди и облегающие шорты. При этом смотрится все равно здорово. Как всегда.

Дакота несколько недель не заходила, и странно видеть ее сегодня. От волнения у меня дрожат руки; я тупо пялюсь в экран компьютера. Первой меня замечает Мэгги, подружка Дакоты. Увидев меня, Дакота широко улыбается. Кожа ее влажно поблескивает от пота; черные кудряшки собраны в пучок на макушке.

– Я надеялась тебя застать, – машет она рукой мне, потом – Пози.

Надеялась? Не знаю, что и думать. Мы, конечно, договорились остаться друзьями, но чего она хочет – поболтать или?..

– Привет, Лэндон, – машет мне рукой Мэгги. Улыбнувшись обеим, спрашиваю, что будут пить.

– Кофе со льдом, сливок побольше, – хором говорят девчонки. Они и одеты почти одинаково, но Мэгги все равно остается в тени Дакоты, у которой кожа оттенка карамели, а глаза ярко-карие.

Я как на автопилоте хватаю два стаканчика и загребаю ими лед. Затем разливаю уже готовый кофе. Дакота следит за мной, чувствую на себе ее взгляд. Мне слегка неловко; тут замечаю, что и Пози за мной наблюдает. Черт, надо ведь объяснять стажеру последовательность действий!

– Наливаешь кофе прямо в стаканчик со льдом. Кофе готовит вечерняя смена, чтобы он остыл.

Я объясняю азы, да еще перед Дакотой, и потому чувствую себя глупо.

Мы с ней вовсе не враждуем, просто не общаемся и не гуляем как прежде. Я понял решение Дакоты прекратить отношения, которые длились три года, и принял его. Она ведь переехала в Нью-Йорк, у нее теперь новые друзья, новое окружение. Я не стал удерживать Дакоту и выполняю обещание быть просто другом. Я знаю ее много лет и всегда буду питать к ней теплые чувства. У меня уже была девушка, но только с Дакотой сложились серьезные отношения. Еще я встречался с Со, женщиной на три года старше меня; с ней мы просто приятели. Она, кстати, помогла Тессе устроиться в ресторан, где сама работает.

Я уже спрашиваю: не желают ли девчонки взбитых сливок (всегда их себе в напитки добавляю), когда раздается голос Эйдена:

– Дакота?

К моему смущению, Эйден через стойку тянется к ней. Берет за обе руки, и Дакота, широко улыбаясь, кружится.

Потом она, глянув на меня, чуточку отступает от стойки и нейтральным тоном произносит:

– Я и не знала, что ты здесь работаешь.

Чтобы не подслушивать их, отворачиваюсь. Смотрю сперва на Пози, потом на расписание у нее за спиной. Мне и правда нет дела, с кем теперь дружит Дакота.

– Я же вроде вчера вечером говорил, – напоминает Эйден, и я спешу кашлянуть, чтобы никто не слышал, какие звуки я издаю.

К счастью, никто ничего не слышал. Разве что Пози, которая изо всех сил старается спрятать улыбку.

Я не смотрю на Дакоту, но чувствую, что ей неловко общаться с Эйденем в моем присутствии. Она смеется точно так же, как смеялась, открыв подарок моей бабушки на прошлое Рождество. Такой милый смех... Бабуля обрадовалась, услышав его, хотя в подарок Дакоте досталась поющая рыбка на дощечке искусственного дерева. Еще раз услышав смех Дакоты, я понимаю: ей и правда неловко. Чтобы как-нибудь разрядить обстановку, протягиваю стаканчики с кофе и с улыбкой прощаюсь, говорю: до скорого.

Не дожидаясь ответа, ухожу в подсобку. Делаю музыку в наушниках громче.

Жду, когда вновь прозвонит колокольчик, возвещая, что Дакота с Мэгги наконец-то ушли, но тут понимаю: из-за репортажа о вчерашнем хоккейном матче я ничего не услышу. Пусть даже занято у меня одно ухо, аплодисменты болельщиков и стук шайбы о клюшки заглушат его звон. Возвращаюсь в зал и вижу, как Эйден учит Пози пользоваться стимером.

Пози закатывает глаза; волосы Эйдена смотрятся странно на фоне облака пара.

– Он говорит, что они с Дакотой вместе занимаются танцами, – шепчет мне Пози.

Я замираю и гляжу на Эйдена, который, похоже, затерялся где-то в мире собственных грез.

– Ты его сама спросила? – Я впечатлен. И немного встревожен тем, что еще мог ответить Эйден на вопросы о Дакоте.

Пози кивает и берет грязную металлическую кружку. Я провожаю ее до мойки.

– Видела твое лицо, когда Эйден взял ее за руки, – признается Пози, открыв кран, – вот и решила спросить, что у них.

Она пожимает плечами, встряхнув пучком кудряшек.

У нее очень светлые веснушки, рассыпанные по щекам и переносице. Губы крупные и слегка надутые; мы с Пози почти одного роста. Все это я заметил на третий день ее стажировки; тогда же у меня появился к ней интерес.

– Мы какое-то время встречались, – признаюсь новой подруге, протягивая ей полотенце.

– Ну, вряд ли Дакота с Эйденom встречаются. Только безумная станет встречаться со слизеринцем. – Стоит Пози улыбнуться, и я, зардевшись, смеюсь вместе с ней.

– Ты тоже заметила? – спрашиваю.

Между нами стоит корзинка с печеньками; взяв одну – фисташковую с мятой, – протягиваю ее Пози.

Она улыбается и успевает съесть половинку, прежде чем я накрываю корзинку крышкой.

Кристиан

Семейные узы должны связывать нас на душевном уровне. Нам полагается любить родителей, братьев, сестер и прочую родню только потому, что мы одной крови. В детстве он этого не понимал. Как любить человека, который громким голосом будил его по ночам, не давая выспаться перед школой? Человека, которого потом приходилось провожать в гостиную, где он, опираясь о каминную полку, с трудом пытался снять ботинки. Маленький мальчик прятался за стеной и ждал, пока мужчина наконец упадет, а потом бежал обратно к себе, пока ему в голову не прилетел ботинок.

Такие дни мальчик ненавидел и ждал с нетерпением, когда придет мамин друг весельчак. Ему ужасно хотелось, чтобы этот мамин друг и был его папой. Может, он тогда стал бы водить мальчика всюду, где тот хотел побывать. Весельчак неизменно носил под мышкой книгу, говорил о книгах с мальчиком, рассказывал о сюжетах и темах, и мальчик ощущал себя умным, взрослым.

Он никогда не забудет первой подаренной весельчаком книги. Она сразу же стала лучшим другом. Мальчик рос, а мамин друг заглядывал все реже, и мальчику стало не хватать его и книг. Однако весельчак по-прежнему приносил книги, даже когда мальчик вошел в трудный подростковый возраст. Мальчик знал: мама любит весельчака, но не догадывался, сколько лжи породила эта любовь.

* * *

В доме тихо. Ким спит на диване, Карина – у нее на животе. Маленькие ручонки вцепились в мамин свитер. Ким уснула, рассказывая нашей дочурке обо мне и моем акценте, о том, что у нее будет самый восхитительный голос – смесь маминых сладких интонаций и папиного дьявольского акцента. Дьявольский, именно так она говорит. Надо же, у нее еще и на разговоры силы остаются? Ким – самая упрямая, дьявол, а не женщина, и я люблю ее просто адски.

Кимберли проделала путь из моих секретарей в бизнес-партнеры, у нее нюх на перспективные дела. Наверное, потому и вышла за меня. Или потому что ей очень, очень нравится мой сын Смит. Его нельзя не любить.

Передо мной на стойке стопка страниц, контракт на ресторан в Нью-Йорке, открываем его в следующем году. Казалось бы, грандиозное событие, – но ничто по сравнению с рождением ребенка. Я расширил сеть вложений в ресторанный бизнес: Вашингтон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, однако радость от этого меркнет, когда я вижу, как растет моя дочка. С другими детьми я такой радости себя лишил.

Жена сегодня храпит громче обычного, и я, позволив себе маленькую шалость, достаю телефон, записываю ее. Контракт подождет до завтра. Мне не хватает жены. Ох и храпит же она...

Включаю камеру. Не проходит и пяти секунд, как жена просыпается. Распахнув глаза, она злобно смотрит на телефон. Чувствую себя падлой за то, что лишил ее сна, которого ей и так не хватает в последнее время.

– Тебе разве работать не надо? – сонно шепчет моя любовь и, глядя на Карину, вытягивает руку над головой.

– Да, милая, но куда больше мне нравится трахаться с тобой, – со смехом отвечаю я, и Ким легонько пинает меня. Карина, поерзав у нее на груди, открывает крохотные глазки – взглянуть на беспардонных родителей.

– Доигрался? – сердито и с улыбкой говорит Кимберли. Она садится, одновременно приподнимая Карину, и я протягиваю руки за мягким кулечком.

– Ути прелесть моя мелкая, – тихо говорю я Карине и тычусь носом ей в щечку. Она зевает, и я вижу в ней себя. У Смита и Хардина на щеках те же ямочки, когда они улыбаются.

Помню, как-то одним вечером Триш и Кен выбирали имя для сына; мы тогда собрались у них на кухне. Живот у Триш так раздулся, что она не могла уже самостоятельно зашнуроваться.

– Мне нравится Николас или Гарольд, – предложил Кен.

Гарольд? Нет.

Николас? Нет, нет и нет.

Триш легонько улыбнулась, поглаживая пузо.

– Гарольд... мне вроде нравится.

Нет, имя не было мне противно, просто оно казалось неподходящим. Паренок в животе у Триш сидел буйный. Пинался ночами напролет, рос поразительно быстро, растягивая мамке живот до невероятных размеров. Настоящий боец... Имя Гарольд – или Гарри – было бы для него слишком красивым, спокойным.

– Оно заезженное, – вмешался я, не давая ничего сказать Кену. – Как насчет Хардина?

Еще подростком я думал так назвать своего первенца. Маленьким мальчиком, живя в Хэмпстеде, я мечтал написать роман века и назвать главного героя Хардином. Имя нетипичное, зато очень мужественное для уроженца старушки Англии.

– Хардин, – повторила Триш, как бы пробуя имя на вкус. – Не уверена...

Она глянула на мужа – которому в тот момент я дико завидовал, – но тот чисто из вежливости пожал плечами.

– Вроде неплохо, – тихо и не очень заинтересованно произнес Кен.

Он снова пожал плечами, а Триш нерешительно улыбнулась.

– Хардин?.. Хардин...

– Ну, вот и определились, – объявил Кен с облегчением.

Триш его неэмоциональной реакции не удивилась. Вроде бы первенцу имя придумывали... Мне же было далеко не плевать, как и ей.

Хотелось верить, что Кену тоже не плевать, однако он тогда учился, постоянно был занят. Поползли даже слухи, будто он, пока готовился к экзаменам, стал баловаться белым. Зрачки у него вечно были расширены; все же ему приходилось много учиться, и я не судил его. Впрочем, Кен для мальчонки стал далеко не идеальным отцом, и это волновало меня больше, чем следовало – учитывая, в какой ситуации я сам тогда оказался.

Двадцать лет назад...

Солнце жарит, согревая Хэмпстед апрельским деньком. Триш лежит рядом на траве. Ветер треплет ее густые каштановые волосы, и они щекочут мне лицо; Триш находит это самым забавным из всего, что она успела повидать за свои шестнадцать лет. Большую часть времени она не по годам взрослая, рассуждает о мире и лидерах, однако в этот момент она – как одиннадцатилетняя девчушка.

Я в десятый раз убираю с ее лица волосы.

– Ты вроде собиралась состричь эту львиную гриву? – нагло спрашиваю я, слегка отодвигаясь в сторону. На прошлой неделе она заявила, что пострижется налысо, чтобы что-то там доказать... Что – не помню.

В парке сегодня почти никого, и смех Триш разносится между деревьев. Мы сюда часто приходим, а вот Кен так занят, что с нами его почти не бывает.

– Я думала об этом, но мне и так весело, – отвечает Триш и колбаской подкатывается ко мне. Закидывает пряди мне на лицо. Они пахнут цветами

и немного мятой. Этот запах не может оставить меня равнодушным. Триш тем временем закидывает ногу мне на колени.

Мне бы отодвинуться, но я не тороплюсь. Хорошо так лежать.

– Что, если бы детки рождались сразу с длинными волосами?

Хотя вопрос, казалось бы, она задает наугад, я ему не удивляюсь. Вопросы у Триш Пауэлл всегда такие: а что, если то?.. что, если сё?.. В этом она вся, и я нахожу такую привычку одновременно странной и забавной. Триш совсем не похожа на других девочек в школе – даже на студенток местного универа. Когда мы только познакомились, я сразу заметил ее непослушные волосы, и вот этим вторником они причиняют мне массу неудобств.

– Неужели мы затем и прогуляли школу – обсудить, что было бы, если бы дети выходили из маминых утроб с волосами, как у рокеров? – спрашиваю я.

Открыв глаза, перекатываюсь на живот, чтобы получше присмотреться к Триш. Так и хочется соединить веснушки у нее на лице, провести между ними линию пальцем, и чтобы Триш жмурилась от удовольствия.

– Нет, – хихикает она, – не за этим, наверное.

Проследив за ее взглядом, вижу скользющую по траве тень. Кен присаживается рядом, смотрит на Триш, и его взгляд постепенно светлеет.

Стоит Триш улыбнуться, и он уже выглядит так, словно выиграл в лотерею. Не знаю, замечает ли Триш, как Кен на нее заглядывается. Я заметил и притворяюсь, что изнутри меня не жжет кислотой.

Все знают: из нас двоих Кен – лучший.

Солнце начинает припекать, и я встаю, прикрыв глаза ладонью.

– Ладно, мне пора... Свидание.

Сказав это, вытираю ладони о джинсовые шорты. Моя кожа смотрится смуглой на фоне выцветшего синего цвета. Удивительно, как я сумел загореть. Должно быть, все потому, что мы с Триш часто гуляем.

Триш, закатив глаза, ругается. Пухлые, как яблоки, щеки Кена наливаются краской. Волосы у него отрасли, свисают сзади неопрятными патлами. Под карими глазами темные круги – все от того, что он как одержимый учится, готовится поступать на юрфак. Кен Скотт самый прилежный ученик среди наших сверстников. Ума не приложу, как мы вообще с ним сдружились. Триш вроде немного прилежней меня. Она – как фейерверк и солнце и в то же время спокойная, как камень. Знает, когда можно уйти в отрыв, а когда следует быть осторожной и умной. Это в ней всегда мне нравилось.

– Можно тебя на минутку? – обращается ко мне Кен и подходит. Он

выше меня на несколько дюймов. Кивнув, я жду, что он скажет, но Кен стреляет взглядом в сторону Триш. Ясно, разговор не для ее ушей. Жестом приглашаю отойти в сторону, и Кен отводит меня шагов на двадцать, к старой металлической лавке. Присаживается и хлопает рядом по сиденью.

Уж больно он серьезный сегодня. Мимо проходит, взявшись за руки, молодая пара. Кен ждет, пока они удалятся. Мое волнение тем временем только усиливается.

– Хочу поговорить с тобой, – произносит наконец Кен и хмурится, отчего выглядит старше своих семнадцати лет.

– Ты ведь не умираешь, а? – толкаю его плечом.

– Нет, нет, – мотает Кен головой. – Не дожدهшься.

Он как-то нервно хихикает.

Чего это он напрягся? Чего тянет, не говорит?

– Я хочу просить Триш быть со мной, – одним духом выпаливает Кен.

Мне тут же хочется запихнуть эти слова ему обратно в глотку. Лучше бы он сообщил, что умирает. Ну, или не умирает, а что-нибудь в этом духе.

– Быть... с тобой? – едва сдерживаясь, переспрашиваю я.

– Да, – закатив глаза, отвечает Кен. – Быть моей девушкой, тормоз ты этакий.

Хочется сказать, что это нечестно. С какой стати он попросит ее первым? Хочется сказать: дай ей выбор. И вообще, она должна быть моей.

– Зачем ты мне говоришь? – спрашиваю.

Откинувшись на спинку скамьи, мой друг кладет руки на колени.

– Хотел убедиться... – начинает он, однако не договаривает.

В тот момент, когда он умолкает, мне приходит в голову, что я перед выбором: быть честным или позволить другу быть счастливым. Выбрать можно лишь одно из двух.

Я с улыбкой выбираю счастье друга.

Когда Триш приняла предложение Кена, я не удивился, но, сказав, что я не питал толику надежды на ее любовь ко мне, я бы солгал. Стабильность ей нравится куда больше, и весь следующий год я смею думать о Триш только как о девушке моего лучшего друга. Порой, когда Триш и Кен целуются при мне, она оглядывается, как бы ища у меня одобрения. И я храню искру надежды, отчего год тянется мучительно долго. Когда я трахаюсь, то думаю о ней. Целуясь, ощущаю вкус ее губ.

Надо остановиться.

Поначалу это дается легко: перестаю сравнивать с Триш девчонок, с которыми встречаюсь, она больше не держит меня за руку на прогулках. Я теперь вижу мир иначе, не думаю все время о Триш как о связи с домом, а

она меня больше здесь и не удерживает. Больше меня ничего не держит.

Я перерос Хэмпстед, и мы оба с ней это знаем. Даже в местной пекарне с подозрением отнеслись к моему поведению, ведь я и за сладостями перестал заходить.

Внезапно мне захотелось посмотреть мир, выбраться за пределы города. Переехать в Штаты, подальше от тупых приятелей, у которых нет планов на будущее, и еще дальше от близких мне людей, влюбленной парочки. Я в компании – пятое колесо, и мне не сидится на месте. В моем окружении все уже пустили глубокие корни, открыли счета в банках и поступили учиться. Я даже вижу, как в будущем мои товарищи устраиваются на первую работу – причем на ту же, что и родители. Они и не хотят смотреть шире, выбрать нечто иное.

Триш стала одной из них. Прежде ее так заводили гуманитарные науки, и вот она уже пропускает занятия. Они с Кеном поселились в небольшой квартирке напротив кампуса. Кен много работает, буквально не вылезает из-за учебников. Триш ему теперь даже не девушка, а скорей мамочка. Каждый вечер заводит ему будильник, стирает и гладит вещи. Готовит кофе и завтрак, упаковывает обед. Потом встречается вечером, кормит горячим ужином и остается совершенно без внимания, ведь Кен поглощен книгами... Триш больше не дитя цветов, не фонтанирует энергией и не любит риск. Она женщина, измученная непосильным трудом и недосыпанием. Ее усилиями маленькая квартирка столь же чиста, сколь и мала, а Триш еще умудряется привносить в нее нотку уюта. Она даже котенка с улицы взяла в дом. Назвала его Гат, в честь одного из моих любимых героев. Кену, похоже, наплевать – и на кота, и на кличку.

С каждым днем Триш все реже играет в игру под названием «а что, если?...», которая так забавляла меня во время вылазок в парк; она все чаще испытывает смутную тревогу. Больше не летает на крыльях фантазии, а ведь нам обоим это так нравилось. Она беспокоится о мелочах, не играет со мной на травянистом холме, хотя порой просит поддержки, пусть даже я занимаю не первое место в ее сердце.

Впрочем, чувство юмора сохранить Триш сумела, и каждую ночь я молюсь, чтобы она его не утратила окончательно. Чем чаще я заглядываю, тем ярче горит ее огонь. Теперь я заезжаю к ним каждую неделю, дважды в неделю – Триш сама попросила. Кена все чаще не бывает, и в доме становится пусто. Триш делится со мной тревогами и шепотом вопрошает в темноту о самом страшном. Я, притворяясь, будто знаю все ответы, как добрый друг советую поделиться тревогами с возлюбленным.

Об этом скоро придется пожалеть. Как-то в один из тех редких

вечеров, когда Кен не учится и отдыхает дома, мы собираемся у них на кухне, потягиваем виски, делимся последними событиями в жизни. Беседа клеится с трудом. Кен наливает себе еще стакан. Он даже не думает положить лед. Он вообще пьет чистый виски.

Триш громко вздыхает и уходит в крохотную гостиную, где присаживается на подлокотник дивана.

– А что, если наш мир заключен в стеклянный шар и стоит где-нибудь в игровой у ребенка-инопланетянина? Слово муравьиная ферма? – С каждым глотком виски акцент Триш становится все сильнее.

– Что за бредовый вопрос, – фыркаю я, и виски выходит у меня носом. Кен не улыбается. Нисколько. Тогда я встаю и потягиваюсь, лишь бы не оставаться с ним за столом один на один.

– Ладно, – говорит Триш. – Что, если завтра наступит конец света, и окажется, что все мы зря так упорно работаем и мало спим?

Ее глаза отражают свет и поблескивают в сумраке гостиной. Гат забирается ей на колени, и она гладит его по желтовато-рыжей шерсти.

Я задумываюсь над вопросом. Если завтра я умру, узнает ли она, как сильно я ее желаю? Как сильно ее люблю?

Тут Кен смеется. Правда, отвечает он совсем неожиданно:

– Упорно работаем? Да что ты об этом знаешь?

Кен улыбается и, нагнувшись над столом, запрокидывает голову. Вид у него пугающий. Гат, похоже, чувствует угрозу. Триш глубоко вздыхает. Я ни разу не видел, как они ссорятся, но если начнется перепалка, то я ставлю на Триш. Гат спрыгивает на пол и уносится в коридор. Мне тоже следует уйти, но я не могу.

Кен залпом допивает остатки бурого пойла в стакане.

– Прости, я, кажется, не расслышала, – злобно произносит Триш.

Стараюсь не обращать внимания на то, как дрожат у меня руки, когда Кен встает и начинает орать. Хочется встряхнуть его, чтобы он пробудился, очнулся от состояния сомнамбулы, в котором пребывает последнее время, в котором орет на Триш, осыпает ее ругательствами, поливает грязью. В желудке у меня будто закипает лава, когда Кен бьет Триш по лицу. Ее слезы жгут мне ладони, когда я обнимаю Триш. Кен к тому времени уже ушел; пьяный как сапожник уехал на машине, хотя едва на ногах стоял.

– Что, если он не вернется? – Положив голову мне на грудь, Триш постепенно успокаивается, но губы у нее дрожат.

– А если вернется?

Она со вздохом стискивает мою руку. У меня сжимается сердце. Триш прекрасна, даже когда губы у нее обкусаны и покраснели, а глаза опухли и

блестят от слез.

– Что, если я больше не вижу человека, которого прежде знала? – спрашивает Триш и быстро добавляет: – Что, если мне больше по душе внимание, чем стабильность?

Смотрит на меня, расправив плечи.

– Что, если я спутала с любовью дружбу? Как ты думаешь, мы с Кеном ошиблись?

Руки сами собой тянутся к ней. Нет, нельзя...

– Не знаю. – Чтобы занять руки, запускаю пальцы в волосы. Откидываюсь на спинку дивана. Я спутал любовь и дружбу, когда выбрал дружбу в ущерб чувствам к Триш, а мои лучшие друзья начали строить совместную жизнь. Беда не в том, что они друг друга не любят. У них нет времени друг на друга. Вот и все.

Триш садится на диван, убирает мне со лба волосы.

– Что, если не все так просто?

Чувствует ли она то, что я чувствую к ней?

Не потому ли с каждым вдохом придвигается ближе?

Когда между нами остается последний дюйм, она заглядывает мне прямо в глаза и спрашивает:

– Ты хоть иногда обо мне думаешь?

Оба мы выпили меньше, чем Кен, однако дыхание наше отдает виски. Ну вот, снова я вспомнил Кена, будто он по-прежнему здесь. Кен пометил тело Триш как свое; он возлежит с ней каждую ночь. Ласкает ее груди, гладит ее бледный живот, бедра. Он чувствует вкус ее губ... которого мне никогда не узнать.

– Мне не следует... – говорю.

Но я был бы дураком, если бы не мечтал о стройных бедрах Триш, о ее идеальной коже. Она росла у меня на глазах, и я каждый день мечтал о ней, фантазировал...

Триш мой ответ нравится. Это видно по тому, как она облизывает приоткрытые губы, как смотрит на мои. Может, она тоже... ну, обо мне думает? Иначе почему спрашивает?

Триш мельком смотрит мне в глаза, потом снова на губы, и вот я уже забываю о здравом смысле, о сдержанности. Притягиваю ее к себе и целую, медленно пробую на вкус губы, язык. Триш моя в этот момент, и оба мы этим пользуемся. Она быстро распаляется и дичает. Стаскивает меня на пол, садится сверху. На лице у нее в этот момент глубокое облегчение. Запускает мне язык в рот, и я со стоном приподнимаю бедра. Хочу, чтобы Триш ощутила, как я возбужден, как у меня стоит на нее.

Наши пальцы переплетаются, и она направляет мою руку себе между ног. Спешит показать, что у нее там все мокро. Что она хочет меня. В доказательство своего возбуждения трусь о нее бедрами; Триш, выругавшись, просит продолжения.

А можно?..

– Что, если нас застанут? – чуть отстранившись, спрашивает она.

Вроде бы нас это не сильно тревожит.

– А если нет? – бормочет она себе под нос и тут же пресекает любые другие вопросы, вновь запустив мне язык в рот, расстегивая на мне брюки. Сует в них руку, хватая меня. И я таю. Страхи спалиться перед разгневанным Кеном, понимание, что Триш – не моя, трепет перед отъездом – все это тает. Я только и думаю, как бы мне войти в нее, познать ее.

Стягиваю брюки вместе с трусами, и Триш спешит взять у меня в рот. Проводит языком по разбухшей венке; прикрыв глаза, с наслаждением заглатывает мой член. Действует быстро и уверенно, словно больше ни разу не ощутил мой вкус. И это правда.

– Ложись на спину и разведи ноги, – прошу я ее. – Хочу полюбоваться тобой.

Мне надо рассмотреть то, чем я наконец обладаю. Триш ложится на середину ковра, отодвинув в сторону кофейный столик из темного вишневого дерева. Она быстро раздевается. Смотреть на нее – особое наслаждение. Длинное хлопковое платье летит в сторону; руки торопятся снять простенький белый лифчик. Я взглядом провожу вдоль изгибов ее тела; соски затвердели, как два маленьких камушка. Живот плоский, подтянутый. Бока плавно переходят в бедра.

Член у меня налился и пульсирует. Триш лежит передо мной, широко разведя ноги, и я слышу запах ее влажной вагины. Я уже чувствую, как у нее там внутри туго. Медленно опускаюсь и вхожу. Ее утроба перчаткой обволакивает мой член. Я двигаюсь и двигался бы так, наверное, вечно. Мне уже не хватает Триш, мне уже ее мало. Она лежит подо мной, закатив глаза, и я знаю: долго мне не продержаться. Она обхватывает меня ногами. Кончает и стонет: «...как сильно», впиваясь ногтями мне в плечи, и я долблю ее жестче.

Наконец изливаюсь, жалея, что это – первый и единственный раз, когда мне дозволено наслаждаться ее телом. Триш тяжело дышит мне в плечо, а я лижу ей шею, затем целую туда же.

Скоро мы приходим в себя; локти и колени натерты, мы потные и бурно дышим. Триш сидит на полу, скрестив ноги, а я – на диване,

подальше от нее.

– Что, если мы не сможем остановиться? – спрашивает Триш, посмотрев на меня, а потом – на кухонный стол.

Не знаю, что делать, чего хочу я и чего хочет она.

– Придется, – бормочу. – Через месяц мне уезжать.

Триш слышала, что я сказал, – она даже помогала мне купить билеты, – но все равно смотрит так, будто только узнает об отъезде.

Молча кивает. Нас обоих захлестывает чувством вины и облегчения. А еще потери – того, что мы никогда не имели.

Чудесное настоящее...

Кен был моим другом – ближайшим другом, – а я сгорал от страсти к его жене. На беду мне, она была интересной и умной. Она сама понимала, что мы совершаем непростительный поступок, однако никто из нас ничего не мог с этим поделать. Мы стали заложниками неверного выбора. Всякий раз я, потный и запыхавшийся, ложась на ее обнаженное тело, убеждал себя: это не моя вина. Просто так сошлись звезды, сложились обстоятельства.

Еще мальчиком меня убеждали: ни в чем моей вины нет. Отец всегда был прав, даже когда ошибался, и передал эту черту старшему сыну. Я рос избалованным – но не деньгами; проводя время с отцом, я перенимал его наглость. Он никогда не признавал ошибок. Я усвоил, что всегда есть тот, на кого можно все свалить, однако старался быть другим отцом. Лучше, чем мой старик.

Кимберли хвалит меня. Пожалуй, не совсем незаслуженно, но я принимаю комплименты. Впрочем, она может и перцу задать: ругаться умеет не хуже моих однокурсников, выдувших кассету дешевого пива.

– Клади Карину в кровать, и я тебя жду. – Кимберли целует меня в щеку и слегка шлепает по заднице. Подмигнув, улыбается и убегает в спальню.

Люблю эту женщину.

Карина во сне слегка рыгает, и я глажу ее по спинке. Тут она хватает меня за руку своей крохотной ручонкой.

Никак не верится, что я снова стал папой. Я ведь уже не молод, тут и там на голове у меня пробивается седина.

После смерти Роуз, когда остались мы со Смитом, я и не ждал, что у меня родится еще ребенок. Не думал даже выяснить, что у меня есть взрослые дети. И еще меньше – если учесть, как все началось, – я ждал, что

мой двадцатиднолетний сын станет мне другом. Хардин из моих самых больших неприятностей превратился в самую большую гордость. Я так боялся за его будущее, что устроил на работу в «Вэнс».

Чего я не ожидал, так это что он окажется гением. Глядя на него, бунтаря в детстве, я думал, что он умрет, так и не начав жить. Хардин был паршивым ребенком, причинял бедной матери одну боль. У меня на глазах он из вечно злого и одинокого паренька стал автором бестселлеров и заступником для трудных подростков. Воплотил в себе все, чего я для него хотел. Смит во всем подражает Хардину, разве что татуировки ругает – мальчики постоянно из-за них спорят. Смит находит подкожные рисунки дешевыми и безвкусными, однако Хардин не упускает случая похвастаться каждой новой татушкой. На нем живого места нет.

Смотрю на маленькое чудо в кроватке и, выключая ночник на комод, мысленно обещаю Карине быть лучшим папой.

Смит

В юности он не умел подавать пример. С какой стати кто-то стал бы ему подражать? Однако мальчик на него равнялся. Маленький мальчик с ямочками на щеках лип к нему, стоило зайти в гости; постепенно и сам он стал тянуться к братишке. Когда тот вырос, они стали близкими друзьями, а сравнившись ростом, они и правда сделались братьями.

* * *

Сегодня придет Хардин, и я очень рад, ведь он не заглядывал несколько месяцев. Я уж думал, он совсем не вернется. Переехав, Хардин обещал навещать нас как можно чаще и пока что слово держит.

Последние несколько дней отец заваливает меня делами, чтобы отвлечь: домашку по математике выполнить, разгрузить посудомоечную машину, выгулять собаку Ким. С собакой, Тедди, мне гулять нравится; пес прикольный и маленький – когда ленится, его можно носить на руках.

День тянулся очень долго: школа, уроки игры на пианино, домашка... Кимберли в соседней комнате поет. Черт, ну и голос у нее, такой громкий. Мне порой кажется, что собственное пение она считает красивым. Не хочу разочаровывать мачеху, но даже песик пугается, когда она берет верхние ноты.

Всякий раз Хардин, приходя к нам, приносит мне книгу. Я обязательно ее прочитываю, и мы потом ее обсуждаем – вживую или в эсэмэсах. Иногда Хардин приносит трудные книги, в которых мне даже язык непонятен, или такие, что отец забирает – говорит, я еще не дорос. Последними он потом бьет Хардина по башке и откладывает их, «пока я не подрасту».

Прикольно, когда Хардин в ответ ругается. Ну, когда ему по голове прилетает.

Тесса сказала, что Хардин и меня учил ругательствам, когда я был младше. Не помню. Тесса всегда рассказывает истории из моего раннего детства. Она говорит больше всех, кроме разве что Ким, – эта говорит больше и громче остальных. Впрочем, Тесса отстаёт не намного.

Когда я прохожу мимо парадной двери, коротко сигналист охранный система. На экране телевизора в гостиной всплывает маленькое окошко: его

целиком занимает большеносая физиономия Хардина. Татуировки у него на шее – как надписи на экране. Я со смехом жму кнопку микрофона.

– Отец опять сменил код? – спрашивает Хардин. Звук немного запаздывает, и создается комичный эффект.

Его голос похож на папин, только темп немного медленнее. Бабуля с дедулей разговаривают точно так же, а все потому, что они родились в Англии. Папа говорит, что я бывал там четыре раза, правда, сам я помню только последний, в прошлом году, – мы ездили на свадьбу папиного друга.

Отец в той поездке поранился: нога у него напоминала мясной фарш. Мне сразу вспомнились «Ходячие мертвецы» (только папе не говорите, что я все-таки посмотрел несколько серий). Потом я помогал Ким делать перевязку; было противно, зато у папы остались крутые шрамы. Ким месяц возила его всюду в инвалидном кресле; говорила, что делает это из любви. Уверен, если бы я поранился и сел в коляску, она бы и меня всюду возила.

Нажимаю кнопку и, впустив наконец Хардина, отправляюсь на кухню. В гостиной уже раздаются его шаги.

– Смит, дорогой, – говорит Ким, входя в кухню. – Ты не голоден?

Из-за сегодняшней прически она похожа на своего песика, волосы которого валяются по всему дому. Я мотаю головой, и тут входит Хардин.

– Зато я голоден, – сообщает он. – Очень.

– Я спрашивала не тебя, а Смита, – отвечает Ким, вытирая руки о синие джинсы.

Хардин громко смеется и качает головой.

– Видал, как она ко мне относится? Ужас!

Я тоже смеюсь. Ким жалуется, что Хардин к ней придирается. На них без смеха смотреть нельзя.

Ким достает из холодильника кувшин сока.

– Кто бы говорил.

Хардин со смехом садится рядом со мной. В руках у него два небольших белых свертка: ни ленточек, ни подписей. Это для меня, я знаю, но не спешу забирать свертки. Не хочу быть невежливым.

Пытаюсь рассмотреть названия книг через бумагу – тщетно. Тогда я отворачиваюсь к окну, чтобы не показаться слишком бестактным.

Хардин откладывает книги на стойку, а Ким протягивает мне стакан сока. Потом достает из шкафа чипсы. Папа разрешает мне есть их сколько угодно, а Ким не дает, не слушает папу. Она вообще его никогда не слушает.

Хардин перехватывает пакетик и держит у меня над головой.

– Ты же не голоден, – с улыбкой напоминает он.

У него в нижней губе дырочка – словно кто-то ручкой ткнул. Раньше у него был пирсинг, и я прошу снова надеть колечки, а Хардин советует не слушать больше Тессу.

– Теперь голоден! – Я подпрыгиваю и хватаю хрустящий пакетик. Хардин, довольный, пожимает плечами. Он считает меня забавным. Постоянно мне об этом твердит.

Только я успеваю распечатать пакетик, как Хардин запускает в него руку. Потом запихивает в рот пригоршню чипсов, – а рот у него просто огромный.

– Ты как, – спрашивает, – откроешь подарки или сначала весь перепачкаешься?

Изо рта у него, к ужасу Ким, летят крошки.

– Кристиан! – зовет Ким моего папу.

Я смеюсь, а Хардин изображает испуг.

Убираю пакетик подальше.

– Ну, раз уж ты спросил, то сперва посмотрю книги.

Хардин прижимает оба свертка к груди.

– Книги, говоришь? С чего ты взял, что я принес книги?

– Так ты всегда их приносишь, – тянусь я за самым крупным свертком, и Хардин толкает мне его через стойку.

– Туше, – говорит он, хотя я не знаю, что это значит.

Забыв на время о воспитании, я срываю обертку и вижу яркую обложку: мальчик с остроконечной шляпой волшебника.

– «Тайная комната», – вслух читаю название. Круто. Я только что закончил читать предыдущую книгу из серии.

Хардин убирает волосы с лица. Папа прав: ему надо постричься. Волосы у него длинные, как у Ким.

– Эта из Лондона, – говорит он, указав на книгу. – Ему этот мелкий волшебник нравится.

Входит папа и с ходу кроет Хардина ругательством. Хардин в ответ хлопает его по плечу. Ким называет их детьми. Она говорит, что я и то веду себя как взрослый.

– Как мило с его стороны, – говорит папа. – Смит, не забудь поблагодарить друга Тессы.

– Друг Тессы? – фыркает Хардин. – Он мой брат.

Он улыбается и почесывает татуированные руки. Хочу себе такие же татушки, но папа запрещает. Правда, Ким говорит: вырастешь, уйдешь из дома, и папа тебе уже не указ.

Когда вырасту, буду делать что захочу.

– Он тебе не по-настоящему брат, – напоминаю я. Папа мне все объяснил.

Хардин кивает. Улыбки у него на лице как не бывало.

– Верно. А мне все равно как брат.

Пока я думаю, что бы это значило, Ким спрашивает у папы, не голоден ли он. Хардин, внезапно погрузневший, оглядывает кухню.

– Твой папа – мой папа. Выходит, мама Лэндона – твоя мама? – спрашиваю я.

Хардин мотает головой, а папа целует Ким в плечо. Ким, естественно, улыбается. С папой она всегда улыбается.

– Бывает, что и без общих родителей можно быть родней.

Хардин смотрит на меня так, словно ждет ответа. Я не знаю, что сказать, но если он хочет, чтобы и Лэндон был его братом, то я не против. Лэндон прикольный, он живет в Нью-Йорке, и мы с ним видимся редко. Тесса тоже в Нью-Йорке; там у отца есть офис: чистый, сверкающий, пахнет как в больнице.

– То, что Лэндон мой брат, – говорит Хардин, коснувшись моей руки, – не значит, что ты не можешь быть мне братом тоже. Ты понимаешь, да?

Ким делает такое лицо, словно готова расплакаться, а папа как будто испугался. Мне становится немного неловко.

– Понимаю, – говорю и перевожу взгляд на книгу о Гарри Поттере. – Лэндон и мне может быть братом.

Хардин довольно улыбается, а Ким снова делает то же лицо.

– Конечно, – кивает Хардин и оглядывается на Ким. – Хватит уже, дамочка! На вас посмотреть, так можно подумать, что кто-то помер.

Папа называет Хардина плохим словом, и Ким спешит отпрыгнуть в сторону, когда Хардин кидает в отца яблоком. Папа, точно бейсболист, ловит яблоко на лету и надкусывает его. Мы все смеемся.

Хардин подвигает мне вторую книгу, и я спешу сорвать обертку. Бумага толще, и я слегка режусь об уголок. Надеюсь, никто не заметил. Если Ким узнает – заставит вымыть руки и заклеить ранку пластырем.

Наконец обертка сорвана, и я вижу на обложке большой крест.

– «Дракула»? – Я слышал о ней прежде. Про вампиров.

Оставив Ким, отец обходит стойку и направляется к нам.

– «Дракула»? Да ты издеваешься. Ему же только десять! – И он тянется за книгой.

Ким, поджав губы, зло смотрит на Хардина.

– Я вообще-то на твоей стороне, – говорит она, не обращая внимания на то, что Хардин обзывает ее лгуньей. – Но... «Дракула»? Кто бы мог

подумать... Гарри Поттер и Дракула, вот это сочетание!

Кивнув, папа застывает, словно памятник. Он всегда так, когда хочет показать свою правоту.

Помолчав немного, Хардин дергает за воротник своей черной футболки.

– Прости, чувак, но папка твой – болван. Читай пока «Тайную комнату», а я потом принесу еще...

– Только чтобы без сцен насилия, – перебивает папа.

– Да, да, – вздыхает Хардин. – Без сцен насилия, – смешным голосом добавляет он.

Я снова смеюсь. Папа улыбается, и Ким спешит его обнять.

Интересно, когда Хардин снова придет?

– Скоро мне тебя ждать? – спрашиваю.

– Гм-м, – Хардин чешет подбородок. – Где-то через месячишко.

Месяц – это долго; надеюсь, Гарри Поттера мне хватит...

Хардин подается немного ближе ко мне.

– Зато я каждый раз буду приносить по книге, – шепчет он.

– Как мой папа приносил книги тебе? – спрашиваю, и Хардин взглядом стреляет в сторону папы. Нашего папы. Хардин, правда, называет его Вэнсом, по фамилии. У Хардина другая фамилия, Скотт, она досталась ему от другого, ненастоящего папы.

Когда я назвал папу Вэнсом, он пригрозил до тридцати лет оставить меня под домашним арестом. До тридцати – это долго, и впредь я зову его просто папа.

– Да, – поерзав, говорит Хардин. – Как твой папа носил книги мне.

Он вроде бы снова погрузился. Хардин всегда так: то грустит, то злится, то смеется.

Он очень странный.

– Откуда ты про это знаешь, Смит? – спрашивает папа.

Хардин, покраснев, шепчет едва слышно: не говори.

Набрав чипсов, я отвечаю:

– Хардин просит не говорить.

Хардин хлопает по лбу себя, затем меня. Ким улыбается. Она всегда улыбается. А еще мне нравится, как она смеется.

Папа подходит к нам ближе.

– Ну, правила-то в доме устанавливает не Хардин, не забыл? – Папа поглаживает мне плечи. Как хорошо. – Скажи, что рассказал тебе Хардин, и мы пойдем за мороженым, а после я куплю тебе новую дорожку для поезда.

Поезд – моя любимая игрушка. Папа постоянно покупает мне новые

дороги для него, а Ким даже помогла перенести их в пустую комнату. Теперь у меня отдельная игровая с железной дорогой.

Хардин слегка вспотел, но не злится, и потому я решаю все рассказать.

К тому же я получу новый виток для «железки».

– Хардин говорил, что ты снабжал его книгами вроде этой. – Показываю на принесенные мне тома. – И что он очень этому радовался, когда был как я.

Папа удивлен моими словами; он смотрит на меня, и глаза у него блестят.

– Так и говорил? – не своим голосом спрашивает папа.

– Да, – киваю. – Так и говорил.

Лицо у Хардина красное, а глаза блестят – как у папы. Ким прижимает ладонь к губам.

– Я сказал что-то не то? – спрашиваю я.

– Нет-нет, – хором возражают папа и Хардин.

– Ты все сказал правильно, юноша, – говорит папа, кладя руки на спину мне и Хардину.

Хардин обычно в таких случаях его руку стряхивает.

Но только не сегодня.

Хесса

У Тессы родился Оден, а в Нью-Йорке очень жаркое лето. Сегодня вторник, выходит моя новая книга, и мы с Тессой лежим на полу, уставившись на вентилятор, который повесили на прошлой неделе.

По некой безумной причине мы все еще украшаем нашу квартирку. Знаем, что не останемся здесь жить, но продолжаем вкладывать в нее деньги. Когда нашему сыну было всего восемь недель, мы взялись переделывать его комнатку. Задача оказалась весьма нетривиальной. Теперь кровать Одена стоит в изножье нашей. Комната напоминает каюту на лодчонке беженцев: тут тесно, битком набито разных вещей. Мы словно отдали главную каюту нашей пятилетней дочери Эмери, а сами перебрались на спасательный плот.

Тессе нравится.

Иногда она засыпает ногами к изголовью и держит Оденчика за руку. Бывает, я бужу ее, говорю: ляг нормально, – покусываю за ухо и глажу напряженные плечи. А бывает, просто сплю, обняв ее за ноги. Мне надо держаться за нее, как-нибудь. Под утро Тесса все равно ложится по-человечески и уже сама кусает меня за ухо или массирует мне поясницу.

Я уже ощущаю себя старичком: спина болит от постоянного сидения за писаниной. Я либо устраиваюсь на диване, согнувшись крюком, либо на ковре, по-турецки, с ноутом на коленях.

– Погнулся, – говорит Тесса, указав на вентилятор. – Надо бы перекрасить.

Сейчас детская покрашена в пастельно-желтый; нейтральный цвет – не мальчиковый и не девчачий. Хотелось, чтобы в комнате было светло; плюс мы учли ошибку прошлого: девочки не обязаны любить розовый. Пока не родилась дочка, мы покрасили детскую в цвет сахарной ваты, но когда Эмери решила, что розовый ей не по нраву, мы три дня перекрашивали комнату в зеленый. В три слоя! Короче, урок мы усвоили, а Тесса еще и набралась от меня новых матерных слов. Когда родился Оден, я настоял, что пастельный желтый – последний писк моды; вот так, и барышне угодили, и легче потом будет перекрашивать стены, если Оден с годами начнет привередничать.

Оказывается, желтый бывает разных оттенков, и они к тому же могут не сочетаться. Каждый новый оттенок, в который покрашена детская, появляется, когда Тесса сходит в «Икею» или «Поттери барн». Такие

походы, кстати, случаются минимум трижды в неделю. Тесса находит, что ей нравится, и, прижав вещицу к груди, восклицает нечто вроде: «Ой какая подушечка! Нам обязательно подойдет!» или: «Ой какая милая игрушечка! Так и съела бы!» Приносит ее домой и прячет под диван или еще куда-нибудь в детской, где есть свободное место.

В конце концов комната превратилась в распускающийся бутон солнечного света, и Тесса не может находиться в ней дольше десяти минут: ее начинает тошнить. Она заставила меня пообещать, что я больше не позволю ей украшать комнату, особенно детскую. И вот она хочет, чтобы я заново все перекрасил.

Вот на что я готов ради этой женщины.

Я готов и на большее. На все, что угодно.

Будь я волшебником, я бы сделал так, чтобы она не таскала работу домой. Тесса в последнее время ходит усталая и выносит мне мозг. А сбавить темп не может, ведь она любит свою работу. Вкалывает не покладая рук, организуя самые шикарные свадьбы. В этом деле она новичок, совсем зеленая, зато как работает! Залюбуешься!

Потенциальную смену работы Тесса обсуждала со мной в ужасе. Она расхаживала туда-сюда по нашей маленькой кухне; я только что загрузил посудомоечную машину и закончил «красить» ногти Эмери. Думал, что успешно справляюсь, однако дочка заставила Тесс уволить меня, стоило мне заявить, что красные ногти – это круто, смотрятся так, словно она кого-нибудь уколошила.

Вот уж не думал, что у кого-то из моих отпрысков будет слабый желудок и никудышное чувство юмора.

– Я хочу отказаться от повышения у Вэнса и вернуться к учебе, – как бы невзначай объявила Тесса, сидя за столом. Ну, мне показалось, что невзначай. Эмери сидела тихо, даже не подозревая, как такой выбор может ударить по остальным.

– Правда? – спросил я, вытирая тарелку.

Прикусив губу, Тесса округлила глаза.

– Я много думала об этом... Если не решусь, то сойду с ума.

Понимаю. Каждому иногда хочется перемен. Даже мне между книгами становится немогоготу. Тесса подала идею: дважды или трижды в месяц работать учителем на замену в школе у Эмери (где, кстати, работает Лэндон). После трех дней я послал все лесом, зато приобрел интересный жизненный опыт. Плюс заслужил в глазах дочери дополнительный балл к репутации.

Я всегда говорю Тессе: поступай, как считаешь нужным. Пусть будет

счастлива, да и в деньгах мы не особо нуждаемся. Я недавно подписал контракт с Вэнсом, третий за последние два года. Деньги за «После» отправились прямым ходом на наш «детский» счет. То есть сразу же, как только я сделал Тессе подарок в знак примирения. Простенький такой подарок: металлический браслет с амулетами на замену старому, шерстяному.

За годы ношения старый браслет истрепался, но амулеты Тесса хранила. При виде нового она пришла в восторг, особенно потому, что амулетики на нем можно менять. Как по мне, глупость, однако Тессе понравилось, и это главное.

На следующее утро Тесса пришла к Вэнсу и вежливо отклонила повышение, а потом пришла домой и еще час проплакала. Ее мучила совесть. Впрочем, не долго. Ким и Вэнс утешали ее и подбадривали все две недели отработки.

Когда у ее свадебного ателье появился первый клиент, она визжала от восторга. Она снова жила. До сих пор не понимаю, как эта безумная женщина остается со мной – после всех моих косяков в юности, – но я чертовски этому рад. Хотя бы потому, что могу видеть ее вот такой: счастливой и возбужденной.

Само собой, с первым заказом Тесса справилась на «отлично»; клиенты рекомендовали ее другим людям, те – следующим, и всего через несколько месяцев Тесса уже наняла себе помощниц. Я гордился ею, а она гордилась собой. Теперь я просто не понимаю, как можно было вообще бояться неудачи. Тесса – из тех зануд, что одним мановением руки гору дерьма способны превратить в золото.

– Тебе надо выспаться, – говорю ей. – Вот ты сейчас смотришь на вентилятор и уже засыпаешь.

Она игриво тычет меня локтем в бедро.

– Все хорошо. Это ты по ночам почти не спишь, – шепчет Тесса, уткнувшись носом мне в шею.

Она права, но сроки поджимают, и сон для меня – роскошь. И вообще, когда у меня затык, я не могу успокоиться и не сплю. И все же плохо, что Тесса узнала про мои недосыпы. Она переживает за меня больше, чем я сам.

– Серьезно, возьми перерыв. Ты еще не оправилась после того, как этот мелкий монстр из тебя вылез, – говорю я, просовывая руку ей под футболку и глядя по животу.

– Не надо, – вздрогнув, стонет Тесса и пытается убрать мои руки. С рождением сына она ослабла. Рождение Одена сказалось на ней сильнее, чем рождение Эмери, но для меня Тесса еще никогда не была такой

сексуальной.

– Детка... – Убрав руку, я приподнимаюсь на локте. Качаю головой.

– Это место в романе я знаю, – говорит Тесса, прижимая два теплых пальца к моим губам. – Сейчас ты толкнешь героическую мужнину речь о том, как меня красят мои шрамы.

Какая же она всезнайка.

– Нет, Тесс, в этом месте я показываю, что чувствую, когда смотрю на тебя.

Я крепко стискиваю ей грудь, и Тесса, вспыхивая, приглушенно стонет. Затем я прямо через ткань сжимаю ей сосок.

Она готова, и мы оба это знаем. Тесса не сопротивляется, и я приступаю.

Быстро запускаю руку ей под шортики через штанину, ощупью нахожу на трусиках влажное пятнышко. Мне нравится, как она течет для меня, я люблю вкус ее сока, поэтому обсасываю пальцы. Тесса стонет и, схватив меня за руку, тоже берет их в рот.

Проклятье, что она со мной делает!

Покусывая мои пальцы, она неотрывно смотрит мне в глаза. Прижимаюсь к ней – пусть ощутит мой быстро восставший член. Стягиваю с нее шортики вместе с трусиками. Они застревают где-то у щиколоток, и Тесса отчаянно лягается, чтобы стряхнуть их. Она хочет меня, уже не может без меня. Целую ее в шею, а она хватает меня за член. Страсть нас обоих сводит с ума. Тесса спешит меня раздеть, повалить и оседлать. Слабости в ней как не бывало; она наклоняется и берет в рот. Ласкает язычком головку, слизывает капельку смазки. Двигаясь в размеренном темпе, заглатывает меня с каждым разом все глубже, а я лежу и постанываю: «Тесса... Тесса...»

Откинув голову, хватаю Тессу за сиськи. Они стали еще больше, ведь она кормит грудью. Такие изменения Тессе по душе, она явно не против, что у меня новые «игрушки».

– Ч-черт, как же мне нравятся твои сиськи.

Тесса сосет жестче, и я чувствую растущее в спине напряжение. Запускаю пальцы ей в волосы, и Тесса поднимает голову; глядя на меня, облизывает губы. Приподнимается на локтях и кладет титяндры мне на член. Я задыхаюсь, как пес, который целый день провел без хозяина и ждет, чтобы его приласкали. Зажав член между буферами, Тесса успевает скользнуть ими раза три, как я кончаю. Она смотрит на меня, покрасневшая, и облизывается.

Встав, она оглядывает грудь.

– Мне надо в душ, – говорит.

Все еще тяжело дыша, протягиваю ей свою черную футболку, но Тесса отклоняет ее и направляется к двери. С годами ей стало меньше нравиться обтираться моими футболками. Она говорит, что так неправильно и, вообще, есть полотенца.

Следом за ней иду в душ и я, мысленно перечисляя способы, какими ей можно отплатить.

Ее грудь просто чудесно расплывается о стекло. Зеркало на стене в ванной – один из лучших элементов декора в нашей квартирке.

Хесса. Пасха

Сквозь туман сна пробивается голос Тессы:

– Хардин! Оден уже встал. Надо разбудить Эмери, пусть поищут пасхальные корзинки.

Она трясет меня за плечо.

– Хардин, вставай, – еле сдерживая возбуждение, шепчет мне Тесса.

Вот бы меня так до конца жизни будили.

Я со стоном приоткрываю глаза и прижимаю Тессу к себе.

– Что за шум? – спрашиваю и целую ее в висок. Убираю с лица волосы, что лезут в нос. Чувствую боком голые груди Тессы.

Она просовывает небритую коленку мне между ног, и я в шутку отдергиваюсь.

– Пока дети ищут подарки, я хочу позавтракать, так что вставай.

Сказав это и так не возбудив меня до боевой готовности, она выскальзывает из кровати.

– Ну же, детка, – жалуюсь я. Без нее мне становится холодно.

Тесса склоняется над комодом, а я жалею, что не проснулся чуть раньше. Иначе она так легко не выскочила бы из кровати; я бы вошел в нее, в ее влажную, теплую...

Тут мне в лицо прилетает подушка.

– Подъем! У нас много дел, сам знаешь.

Вздохнув, выбираюсь из нашей гигантской кровати и натягиваю футболку, пока в меня не прилетело еще чем-нибудь. Тесса только недавно закончила переделывать квартиру и наверняка не захочет повредить какую-нибудь драгоценную штучку, которую выбрала вместе с безумным дизайнером (убедила меня, что без него никак). Этот чудик разукрасил нам гостиную в оранжево-розовый, а через неделю перекрасил – в другой, не столь тошнотворный цвет.

– Знаю, дорогая. Яйца, кролики, всякая такая хрень... – Глянув на себя в зеркало на стене, я собираю волосы на затылке и стягиваю их резинкой с запястья.

Тесса злобно смотрит на меня и еле сдерживает улыбку.

– Да, хрень, – говорит и, наконец рассмеявшись, тянется за расческой. – В два нам надо быть у Лэндона. Прилетели Кен и Карен, а я еще даже картофельный салат не сделала, хотя обещала.

Причесавшись, она усмехается и протягивает расческу мне.

Я мотаю головой. На фига мне расческа? Есть же пальцы.

– Ты готовься, а я займусь картошкой, – предлагаю я. – Пока посмотрим, как дети ищут яйца.

Тесса делает недовольную мину, словно не верит, что я могу приготовить картошку. Да все мне по силам... Подумаешь, курицу на прошлое Рождество сжег.

На Тессе белые хлопковые брюки и темно-синяя футболка. Она любит повозиться в саду во внутреннем дворике, и кожа у нее загорелая. Тессе нравится наш дворик в бруклинском доме; она считает это лучшей деталью таунхауса, который я приобрел в честь контракта на новую книгу.

В коридоре Тесса замирает у двери в комнату Эмери.

– Разбуди ее и приходите в гостиную.

Поцеловав меня в щеку, Тесса громко зовет нашего сына. Шлепаю ее по попке, и Тесса закатывает глаза. Как обычно...

Эмери лежит на кровати, свесив ноги. Постелька у нее в рисунок на тему диснеевских мультиков.

– Эм, – я нежно трясую ее за руку.

Она тихонько шевелится, но глаз не открывает.

Снова трясую ее, и она стонет: «Не-е-е», переворачивается на животик и зарывается мордашкой в подушку.

Мелкая притвора.

– Детка, пора вставать. Не то Оден заберет себе все конфеты...

Не успеваю договорить, как это белокурое чудо выскакивает из кровати. На голове у нее полнейший беспорядок. Волосы волнистые – как у меня, и густые – как у матери.

– Я ему покажу! – грозит Эмери, надевая тапочки и вылетая в коридор.

На кухне она спешит открыть каждый ящик.

– Где мои? – вопит Эмери.

Тесса смеется, а Оден в это время торопливо разворачивает шоколадное яйцо. Целиком глотает его и, пожевав немного, распахивает рот.

Тесса снимает у него с языка кусочек фольги, и мальчик улыбается. Зубки у него кривенькие, коричневые от шоколада. На прошлой неделе передний выпал, – сдохнуть можно от умиления. Теперь Оден слегка шепелявит, и я, как могу, его задираю. Такие у родителей бонусы, имею право.

– Мам! – жалобно кричит из коридора Эмери. – Папа мои спрятал, да? Я поэтому не могу ничего найти?

– Да, – злорадно хохочу я. – Да, я все спрятал.

Эмери милая девочка. Всего одиннадцать, а характер – будь здоров. Вот почему у нее мало друзей.

Эмери продолжает рыскать по дому, пока Оден поедает сладости и швыряет на пол муляжи травинок.

– Там еще барабан есть, – говорю ему.

Оден кивает. Все, что не из шоколада, его не интересует.

– Пап. – Эмери возвращается в кухню с пустыми руками. – Может, скажешь, где ты все спрятал, а? В этом году искать еще труднее, чем в прошлом.

Я сижу на барном табурете, и дочь обнимает меня за талию. Такая высокая для своего возраста. А еще думает меня одурачить.

– Ну пожа-а-алуйста, – умоляет она.

– Меня, дорогая, милым голоском не подкупишь, но я дам наводку. Радости нужно заслужить, не забыла?

Надув губки, она еще крепче обнимает меня.

– Помню, пап, – говорит Эмери, уткнувшись носиком мне в грудь.

Новая уловка? Я хихикаю и смотрю на Тессу – та наблюдает за Эмери с подозрением.

– Ищи там, куда никогда-никогда не заходишь. Там, где вещи, которые ты не помогаешь нам складывать. – Глажу ее по спине, и дочка тут же размыкает объятия.

– В стиральной машине! – кричит Оден, и Эмери, завизжав, бросается к нему. Гладит его, жутко довольного, по головке.

Не проходит и минуты, как Эмери бегом возвращается в кухню. В руках у нее корзинка с шоколадными яйцами – те выпадают на пол. Не обращая на них внимания, Эмери роется в корзинке. Тогда Тесса подходит и помогает прибраться. Эмери, похоже, не до учиненного ею же беспорядка.

Она садится на пол и кладет корзинку на скрещенные ноги. Уписывает за обе щеки цветные мармеладки. Тесса тем временем берет Одена на руки, и он обнимает ее за шею. Со стороны Оден ростом почти с мать. Вот объясните, как это у меня, гадского бунтаря, родились такие милые ласковые детки?

Нет, Эмери, конечно, тоже психовала, даже в стену цветами швырялась, но мы с этим легко справились: сняли дверь с петель. Я на детские штучки не ведусь. Просто мы, похоже, Эмери избаловали: ей всего одиннадцать и не на что злиться – она ведь не я. Оба родителя ее любят.

Серьезно, мои ребяташки просто чудо.

Мы с Тессой всегда рядом, и детки наши не ложатся спать без поцелуев и обнимашек. Мы друг дружке все говорим «Люблю тебя» на ночь. Эмери своевременно получает разные модные цацки, служащие валютой у мажористых деток в школе. Я не хочу, чтобы сын и дочь прожили мое детство – я-то носил дырявые ботинки. Пусть знают, каково это – хотеть чего-то вроде игрушек, и учатся их зарабатывать. Я наставляю их поцелуями, объятиями и добрыми словами. Уж на это я никогда скупиться не стану – так мы с Тессой решили еще в самом начале. Не буду я как мой отец – либо же отчим. Я хотел растить детей в любви, чтобы знали: они не одиноки в этом мире. Нельзя быть одиноким в таком огромном мире, особенно двум крохотным Скоттам.

Я сразу соскочил с папашиных рельсов, дабы не разрушить две маленькие жизни.

Через час Эмери дрыхнет на диване, свесив ручонку и задрав ногу на спинку. Оден сопит на «детском» диванчике – он хоть и миниатюрный, но занимает до хрена места. Сколько я ни возражал, Тесса купила этот диван и поставила в гостиной. В довесок к нему шел дорогуший пуф, который тоже занимает до хрена места. В вопросах мебели меня переспорили, и вот я стою над моим шестилеткой, объевшимся конфет до беспамятства. На маленьком квадратном подбородке у него следы шоколада. В Одене больше от меня, чем от матери.

– Такие милахи, – говорит у меня за спиной Тесса. Глаза у нее слегка затуманены, лицо бледное. Она утомилась.

Тогда я целую ее в щеку, надеясь вернуть немного здорового цвета. Тесса со вздохом кладет руки мне на живот.

– Что думаешь делать в тихий час? – спрашиваю. Тесса всегда умудряется использовать сон-час – который становится все короче и короче – с пользой. Эта женщина настоящая пчелка и не слушает, что я ей говорю, тут уж ничего не попишешь.

Тесса мысленно пробегается по списку дел.

– Ну, – тянет она и принимается перечислять пункты вроде: «позвонить Фи насчет торта», «попросить Поззи еще раз проверить букеты»... последнее я расслышать не успеваю, потому что просовываю руку ей в штанишки.

– Не отвлекай, – жалуется Тесса, а сама льнет ко мне.

– Ты слишком много работаешь, – тридцатый раз за неделю пеняю ей, и она тридцать первый раз закатывает глаза.

Тесса кладет мою свободную руку себе на грудь.

– Сказал писатель, который сутками не спит, когда жмут сроки.

Ее сегодня легко отвлечь от дел, и я этим точно воспользуюсь. Высоко приподнимаю ей груди, отпускаю, и Тесса стонет. Вот и ладненько.

Схватив ее за руку, веду к нам. Тесса чуть не бежит. Ей не терпится. Едва перешагнув порог комнаты, она захлопывает тяжеленную дверь, и огромный портрет наших деток чуть не падает с крючка на стене. Когда Тесса только предложила заказать картину, я сказал: да ну, на что нам этот страх божий? – но ей идея повесить в комнате картину размером с билборд пришлась по душе. Я согласился только при одном условии: пусть эта абстрактная неоновая-яркая шняга висит так, чтобы я не видел ее, пока трахаю на кровати Тессу.

– Иди сюда, – жестом приглашаю ее сесть ко мне на колени, а сам опускаюсь на край гигантской кровати. Последние несколько месяцев мы то и дело пускали деток под одеяло. Оден недавно прошел стадию ночных кошмаров, а я бдил над ним и думал: не от меня ли паренек эту дрянь унаследовал? Эмери тоже стала проситься, ревнуя нас к братцу: заходила и, изображая слезы, шепотом умоляла защитит от «кошмариков».

Оба спали между мною и Тессой.

Было это, позвольте заметить, прекрасно.

– Хардин? – глядя мне в глаза, хрипло шепчет Тесса. – О чем ты думаешь?

Она нежно царапает мне живот.

– О детях, когда они спали тут с нами, – пожав плечами, улыбаюсь я.

– Как неловко, – качает Тесса головой и тут же улыбается.

– Неловко лишь потому, что на этот раз отвлекся я, а не ты, дорогая.

Я щиплю ее за соски, и она стонет. Потом я стягиваю с нее футболку, и Тесса встряхивает волосами. Щеки у нее красные, губы ярко-розовые, глаза голодные. Пальцами пробегаю по кружевному черному лифчику. Эта женщина носит самое сексуальное кружевное белье. Запустив руки под чашечки, я щиплю Тессе соски и приказываю:

– Ложись, детка.

Скинув штанишки и трусики, она опускается на кровать, подсовывает под голову подушку. По глазам вижу, чего она хочет: чтобы я доставил ей оральное удовольствие. В последнее время оно ей особенно нравится.

Тесса устала, вымоталась, ноги у нее болят, ее надо баловать. Само собой, меня потом ждет награда: моя женщина в долгу не остается и делает мне минет по утрам, если детки дают поспать до семи. Тесса подтягивает колени к груди и широко разводит ноги прямо у меня перед лицом. Я прикусываю губу, чтобы не застонать.

Киска у Тессы влажно поблескивает, и я уже не могу сдерживаться.

Буквально набрасываюсь на нее, прижимаюсь губами к мягкой истекающей соком щелке. Языком скольжу вниз и начинаю нежно посасывать.

Тесса подается мне навстречу, и я, ухватив ее за бедра, резко подтягиваю к краю кровати. Тесса издает милый возглас удивления и возбуждения. Я, крепко ухватив ее за булки, жадно сосу и вылизываю, а она стонет, произносит мое имя вперемешку с «о да!», «боже мой!» и грязными словечками.

Мне нравится, как она меня подбадривает, и я работаю ртом так, что бедра у нее начинают конвульсивно подергиваться, а пальцы впиваются в простыни. Сейчас она, правда, ухватила меня за волосы, со всей силы. Обожаю!

– Хар... дин... – задыхаясь, шепчет Тесса, и я запускаю пальчик ей в щелку. Довожу мою женщину до беспамятства. Одновременно лижу ей клитор. И вот она кончает. М-м, как же сладко.

Приподнимаюсь, чтобы отдышаться, утыкаюсь носом ей в живот. У меня еще стоит, и, лежа на Тессе, я хочу трахаться. Тесса все понимает и, приподнявшись, трется об меня.

– Трахнуть тебя? Тебе мало, не хватило? – спрашиваю, прижимаясь достоинством к ее щелке.

– Мне никогда тебя не хватит... – стонет Тесса и, хватая меня за член, направляет в себя.

Я медленно вхожу и с наслаждением вижу, как она закатывает глаза. Грудью она прижимается ко мне, бедрами обхватывает за талию.

– Еще, – умоляет Тесса, и я подчиняюсь, начинаю засаживать ей. Одной рукой она ерошит мне волосы, ногтями другой впивается в спину.

Долго я не продержусь.

Тесса еще плотнее сжимает бедра, и мы вместе достигаем пика, оба таем и растекаемся по кровати. Обессиленно падаю на нее.

Отдышавшись, смотрю на Тессу: ее серо-голубые глаза закрыты, губы слегка разошлись; она так же прекрасна, как в день, когда я ее только встретил.

Я почти не помню, каким был тогда, но каждая деталь наших жизней складывается в моей душе в песню.

Эта упрямая женщина не желает узаконить наши с ней отношения, однако все равно она мне жена, во всех смыслах слова. А еще она мать моих чудесных детей. Когда работы у нее слегка поубавится, заведем третьего.

Не терпится принести в этот мир еще одну жизнь. Хотя всякий раз мне немножечко страшно.

Ответственность за воспитание достойных людей лежит на мне тяжким бременем, половину которого берет на себя Тесса. Она же говорит, что мы прекрасные родители. Я не похож на своего папашу, весь в себя. Да, дров наломал; тем не менее наказание отбыл и прощение получил. Я не больно-то верую во всякую религиозную хрень, но знаю: есть в нашей с Тессой любви нечто большее, чем просто связь мужчины и женщины. Мой мир из ничего превратился во все, и я горд за себя. В глазах детей я вижу собственный свет, в их смехе звучит мое счастье.

Я горд, что помогаю собирать деньги для подростков из трудных семей. Я встречал тысячи людей, на кого повлияли слова со страниц моих книг. Столько лет я держал все в себе, копил; но стоило начать изливать мысли, как мое сердце открылось миру. Было бы неправильно не поделиться жизненным опытом и не помочь детям, страдающим от зависимости или умственными расстройствами. Годы научили меня не заикливаться на прошлом, а смотреть в будущее. Понимаю, что мысли – сопливые, заезженные, что это клише, но это мои мысли. Это моя правда.

Я долго жил во тьме и теперь хочу принести свет в жизнь других.

Семья, о какой я и мечтать не смел, – мое благословение. Дети вырастут и станут гораздо лучше меня.

Я убираю волосы у Тессы с лица. Она – мое утешение, мой огонь, моя боль. Не важно, через что нам довелось пройти, нынешняя жизнь стоит каждого прожитого мгновения.

Я увлек Тесс за собой в преисподнюю и вывел обратно, а после мы создали собственный рай.

Благодарности

За эту книгу, похоже, стоит благодарить тех же людей, что и за предыдущую, однако все равно всем спасибо, вы мне снова так помогли!

Адам Уилсон. Еще раз благодарю тебя за то, что упорно работаешь со мной. Твои усердие и терпение многому меня научили. За год мы подготовили пять книг (по объему равных десяти). Рехнуться можно! С нетерпением жду следующих трех.

Кристин Дуайер. Ты просто бомба! Держишь меня в ежовых рукавицах. Спасибо за все!

Сообщество «Wattpad». Спасибо за то, что даете мне – и еще миллионам других людей – уютную и организованную площадку для осуществления мечты.

Урсула Уриарте. Ты вошла в мою жизнь как блогер, которому понравились мои книги, и вот ты уже среди самых близких друзей. Просто удивительно. Пускай даже я до сих пор не умею правильно произносить твое имя, ты очень важна для меня и Хардина с Тессой. Твоя горячая любовь много для них значит. (Они мне сами сказали!)

Вилма и РК. Я вас обоих люблю, мне дорога ваша дружба. Вы поддерживали меня словом, пока я писала эту книгу, терпели мои закидоны. Люблю вас, очень-очень.

Эшли Гарднер. Спасибо тебе, ты самый лучший друг-агент!

Спасибо редакторскому составу, которому пришлось укладываться в столь жесткие временные рамки.

Огромное спасибо моим зарубежным издателям: редакторам, рекламщикам и всем-всем-всем... Вы так усердно трудитесь над переводом и продажей моих книг по всему миру, и это так много значит для меня и моих читателей. Было просто здорово поехать по миру и пообщаться с ними.

Примечания

М.К. д'Онуа. История принцессы Ясной Звездочки и принца Милона.

Аллюзия на американский телесериал «Наш сосед мистер Роджерс», главную роль в котором играл Фред Роджерс (1968–2003), американский педагог, музыкант, пресвитерианский священник и музыкант. Одной из деталей его образа был кардиган.

Спаркс Николас – американский писатель, автор бестселлеров: книг на темы христианства, любви, трагедий и судьбы.

4

Супруга Кролика Роджера.

Героиня романа Гиллиан Флинн «Исчезнувшая» и одноименной его экранизации.

Хозиер-Бирн, Эндрю – ирландский музыкант.